Васильченко Андрей

Тайные общества Третьего рейха

Глава 1
ПРОРОК ОГНЕННОГО КРЕСТА

Несмотря на то что имя мистика и философа Альфреда Шулера почти не известно отечественному читателю, оно будет часто встречаться на страницах этой книги. Именно его, а не Гвидо фон Листа и не Йорга Ланца фон Либенфельса дотошные исследователи-историки называют первым «гитлеровским пророком».

Где и когда произошла эта встреча, точно не известно. Но как раз она во многом предопределила весь ход развития мировой истории в XX веке. Кто-то утверждал, что Адольф Гитлер познакомился с Альфредом Шулером в 1922 году в доме издателя Брукмана, где будущий фюрер слушал доклад великого мистика. Но эта версия оказалась несостоятельной, так как на самом деле будущий фюрер познакомился с Брукманом, одним из крупнейших антисемитских издателей, только в 1924 году, год спустя после смерти Шулера. Впрочем, это ничего не меняет. Есть сведения, что Гитлер познакомился с Шулером благодаря графу фон Ревентлову, старшему брату известной во всех эзотерических салонах Мюнхена Франциски фон Ревентлов. Это кажется очень правдоподобным, так как в то время Гитлер очень интересовался вопросами религии. Именно граф Ревентлов познакомил Гитлера

с национальным героем генералом Людендорфом. Именно Ревентлов в 1933 году учредил вместе с бывшим евангелическим священником Якобом Вильгельмом Хауэром религиозное движение «германоверующих», которое должно было охватить все немецкие религиозные общины и стать костяком новой Имперской церкви. Однако критики этой теории заявляют, что Франциска (Фани) очень рано рассорилась со своей семьей, а потому вряд ли она могла вести частые разговоры со своим страшим братом.

Другим не менее вероятным «каналом» знакомства Гитлера с Шулером является медик Вильгельм Цейс. Он был дружен с Шулером еще на рубеже столетий, а позже поддерживал постоянную переписку с Гитлером, в которой он давал диктатору «космические предупреждения». Один из очевидцев вспоминал, как встречался с Цейсом на квартире «астролога и специалиста по тайным наукам» В. Моуфанга, проживавшего в Гейдельберге. Это происходило сразу же после Второй мировой войны. Эта встреча была, по сути, семинаром, на котором Цейс знакомил студентов с тезисами Шулера. Позже тот же очевидец встретился с Цейсом в его родном городе, где тот установил специфический крест — символ идей Шулера. «Цейс рассказал, как его, молодого студента, отыскал Шулер, приобщил к внутреннему созерцанию космистов, после чего тот бросил обучение медицине в университете. Позже он признался, что находился в постоянной переписке с Шулером и обладал кипой бесценных автографов Шулера. То, что мне сейчас вспоминается, это — большая, чуть покосившаяся фотография Шулера, висевшая на стене. Мимоходом Цейс заметил, что где-то в ящиках лежала переписка с Гитлером, в которой он высказывал свои космические предупреждения». К сожалению, бумаги Цейса были утрачены в 50-е годы, а потому до сих пор очень сложно установить, где и как Гитлер познакомился с Альфредом Шулером. Так кем же был человек, которого провозглашают «гитлеровским пророком»?

Альфред Шулер родился 22 ноября 1865 года в Майнце. Его отец женился на матери Альфреда только два года спустя после рождения сына, а потому некоторое время ребенок считался незаконнорожденным и носил фамилию Риз. Его родители были католиками, а отец занимал очень высокий пост в судебной системе. Свои гимназические годы Альфред провел в саарском городке Цвейбрюккен. В гимназии, где учился Альфред, углубленно изучали латынь. Именно по этой причине он был оставлен на второй год. Его знание латыни не удовлетворяло учителей. До конца обучения ему ежегодно приходилось проходить переэкзаменовки по этому предмету. Это — первый парадокс, которых мы обнаружим еще немало. Современники считали реинкарнацией истинного римлянина человека, который с трудом справлялся с латынью. Один из сподвижников Шулера, Людвиг Клагес, как-то написал: «В Шулере нас, современников, привлекало наверняка беспрецедентное, а в рамках „всемирной истории‟ крайне редкое явление — несомненное возвращение священного трепета от уже ранее прожитой жизни или новое воплощение не угасших искр далекого прошлого». Позднее сам Шулер назовет это состояние «вторичным рождением». Незадолго до окончания гимназии умирает отец Альфреда. Теперь мать и сын живут на небольшую государственную пенсию. После окончания гимназии семья Шулера жила в Мюнхене, в скромной квартире в доме 69 по Луизенштрассе. Почти сразу же Альфред поступил в Мюнхенский университет Максимилиана Людвига, где сначала изучал юриспруденцию, а затем историю, историю искусств, а также археологию. Он с удовольствием слушал лекции светил науки — профессоров Траубе, Фуртвенглера, Генриха Брунна. Но завершить свое академическое образование ему не было суждено. В 1893 году молодой Шулер знакомится с философами Людвигом Клагесом и Карлом Вольфскелем. Год спустя он отправляется в Рим, где знакомится с поэтом Людвигом Дерлетом, который позже станет рупором агрессивного католицизма. Где-то в 1897 году Людвиг Клагес приводит Альфреда в кафе Стефана Георге. Четыре недели спустя, уже на квартире Георге, он изложил фрагменты своих идей. Чтобы оценить мистико-эзотерическое настроение подобных встреч, и какое впечатление произвел Шулер, обратимся к описанию, которое дал Клагес.

«Кроме меня присутствовали Георге, Вольфскель и его (Шулера) мать. Представлялось все так: помогала и обслуживала приглашенных Шулером его старенькая мать. В самой хорошей, но не очень вместительной комнате достаточно скромная продолговатая доска, которую накрывают роскошными яствами. Свет свечей и римского трехфитильного светильника. Перед ними на металлическом цоколе копия „адоранта“[1]. За ней лавр и другая зелень. Вокруг каждой тарелки венок из благоухающих цветов; чувствуется аромат ладана. После трапезы он (Шулер) начинает зачитывать наиболее сильные фрагменты, постепенно усиливая могущественный пафос. Это создает, я подразумеваю, магическое поле, сплачивающее все родственное, изгоняющее и отталкивающее все чуждое. Старая мать оседает; Вольфскель невосприимчив в психическом и духовном плане. Он пытается подключиться и раствориться со всеми. Его жена сидит безучастно, так как для нее это „слишком возвышенно“. Георге еле-еле справляется с растущим возбуждением. Бледнея, он встает за его стул. Кажется, он не понимает, что происходит. Духовное напряжение становится невыносимым. Никто не слышит точно, что возвещает Шулер. Однако из грохота его голоса растет вулкан, который выбрасывает раскаленную лаву, а из жара лавы растут багровые картины, отдаляющие сознание и лишающие его. Когда это оканчивается, точнее, как это оканчивается, сложно понять, что это было. Этого не знает никто. В это время он держит в руке подготовленный букет: по одному лоскуту от венков, которые разорвал Шулер, чтобы подарить гостям на прощание. Внезапно я оказываюсь вместе с Георге на ночной улице. Только там я беру себя в руки: „Это безумие! Я не вынесу этого. Что вы сделали, чтобы заманить меня туда? Это безумие! Верните меня обратно! Верните меня обратно в трактир к честным гражданам, где совершенно обычные люди курят сигары и пьют пиво! Я не вынесу этого!“».

В мюнхенско-швабингском кружке «космистов» кроме самого Шулера постоянно состояли Клагес, Дерлет, Георге, Вольфскель, а позже и графиня фон Ревентлов. В различное время в нем бывали самые разные люди, например, «солнечный мальчик» Родерик Хух, который назвал Шулера «тайной душой космоса». Члены этого кружка, как правило, встречались в доме Вольфскеля. Возможно, причиной это была обильная финансовая поддержка, которую получал Вольфскель от своего отца. Великолепное по стилистике, самоироничное изложение этого периода своей жизни дала отвергнутая всеми аристократами графиня фон Ревентлов в своем романе «Записки дам и господ». Родерик Хух, восхищавший многих своей молодостью и красотой, писал о немецкой богеме тех лет. «В действительности Швабинг был пестрой колыбелью изменения мира. Космисты сплотились вокруг Клагеса и Шулера, нигилисты — вокруг Ленина (тогда тоже жителя Швабинга). Это хороший пример двух источников реновации жизни на совершенно противоположной базе, которые, однако, сходились в одном — воле к уничтожению материалистического мещанского порядка того времени».

В конце XIX века Шулер начал писать диссертацию о значении свастики. Но она так и осталась незаконченной. В 1900 году разошлись пути Шулера и Клагеса. В 1901 году Шулер ссорится с Дерлетом. Затем возникает конфликт с Вольфскелем и Георге. Позже Шулер не раз встречался с Вольфскелем. Впрочем, последний постепенно утратил уважение к своему бывшему товарищу. Разрыв же с Клагесом оказался окончательным. Шулер чувствовал себе окруженным тайным еврейским заговором. Об этом говорят его короткие заметки: «Двусмысленно-недвусмысленные фигуры таинственных сцен: темный раввин — ужасная галицииская еврейка — еврейский мистик, очевидно, уполномоченный тайного ордена. Зависимость „Блеттер“ [печатного органа, в котором публиковался Георге] от еврейского централа становится очевидной… Тайное руководство обнаружено, и руководителя зовут Вольфскель». Когда Вольфскель решил открыть некий еврейский «светильник крови», то этого оказалось достаточно, чтобы Клагес окончательно разорвал с ним отношения. Родерик Хух так описывал проблему распада кружка космистов: «Оба космиста — Шулер и Клагес —

могли первое время спокойно общаться с Вольфскелем и другими чистокровными евреями, так как они искали не расу, а душу, сияющую духовную субстанцию. Вольфскеля они осудили только тогда, когда он захотел открыть сионистский „светильник крови", а значит, в их представлении, собирался изменить космическую душу». Клагес просто возненавидел Стефана Георге за его связи с различными юношами: «…педагогический Эрос направлен исключительно к еврейским юношам… и едва ли требуется исключительная проницательность, чтобы увидеть, что бог, в которого он верит, и которого он воплотил в 15-летнем юнце по имени Кронфельд, не что другое, как — Яхве!»

В 1912 году умерла мать Альфреда Шулера. Теперь у него не осталось средств к существованию. Он решил жить на средства своих покровителей. Позже он читал доклады перед состоятельной публикой, интересовавшейся оккультными и эзотерическими вопросами. За год до своей смерти Шулер читал доклады в доме издателя Гуго Брукмана и его жены Эльбы. Не пройдет двух лет, как завсегдатаем в их доме станет Адольф Гитлер. Обычно свое выступление Шулер закапчивал прочтением стихотворения: «Мы снова приходим, мы не мертвы». Среди восторженных поклонников, которых Шулер нашел в доме Брукмана, был всемирно известный поэт Райнер Мария Рильке. В 1915 году, глубоко впечатленный, он писал: «Представьте себе, что человек интуитивно переносится в древний императорский Рим, пытается дать объяснение миру, в котором представлял мертвых как ныне существующих, а царство мертвых как единственно непознанное бытие, а отведенную нам короткую жизнь представлял как некое исключение из этого. Все это подкреплено исключительной эрудицией, такими перепадами внутренних убеждений и переживаний, что смысл незапамятных мифов становится понятным, в русле его речей, казалось, столкнулись смысл и своенравие странного чудака, неся его по течению».

Альфред Шулер скончался 8 августа 1923 года во время операции на кишечнике, пораженном раком. Своим наследником он назначил последнего спутника жизни — молодого садовника Йозефа Майера. С психоаналитической точки зрения Шулер никогда не оставался большой загадкой. Крайняя привязанность к матери, с которой он жил до ее смерти в одной квартире. Просьба похоронить его после смерти в соседней могиле. Все это указывает на классический эдипов комплекс, по-видимому, с вытекающим оттуда неизбежным гомосексуализмом. Некоторые исследователи ассоциировали его с гомосексуалистами, но не расшифровывали свой анализ. Некоторые даже указывали на педофилические наклонности. В своих изображения Древнего Рима Шулер уделял особое внимание «домам мальчиков», впрочем, как и «домам девочек», это могло указать, что его фантазии отличались от классического гомосексуализма. Однако до сих пор не ясно, имел ли действительно Шулер гомосексуальные контакты. Нередко описания сексуальных контактов он мог приводить как желаемый вариант во время погружения в историю.

Многие высказывания Шулера говорят о высокой степени самоосмысления. В своем предисловии к «Тиберию» он резюмировал: «Умственное одиночество и заглушенная безнадежность в пределах сильно подавляемой половой страсти… При этой попытке конструирования автопсихических состояний на гомосексуальной почве инстинктивное чутье привело меня в глубь творчества назарейцев[2]… Повсюду переход к непосредственно придвигающейся реальности». Шулер также вел речь о своей «страсти» к офицеру Карлу М. Но при этом он подчеркивал, что «смелая и опасная реальность подобных отношений» вовсе не должна была автоматически основываться на взаимности. Впрочем, в те времена «опасность» такой «страсти» была преувеличена. Через одно из издательств Шулер установил контакты с Генри Папюсом, который в 1896 году под псевдонимом «Господин Икс» опубликовал брошюру «Случай Оскара Уайльда и проблема гомосексуализма». В ней он требовал отмены § 175 Уголовного кодекса Германии, которая предусматривала преследование гомосексуалистов. Альфред Шулер вел переписку с Папюсом почти 15 лет. В 1902 году Шулер наряду с врачом Магнусом Хиршфельдом и другими видными деятелями

Мюнхена стал учредителем Научно-гуманитарного комитета. Комитет был основан, чтобы бороться за отмену § 175, объяснить общественности, что собой являет гомосексуализм, и наладить сотрудничество с полицией в делах, связанных с вымогательством и шантажом.

Сведения о гомосексуальных пристрастиях Шулера позже породили множество всевозможных спекуляций. В частности, некоторые авторы утверждали, что Гитлер и Шулер познакомились еще до Первой мировой войны, когда Адольф посетил одно из выступлений Шулера в Мюнхене, и между ними возникла сексуальная связь. Любовная связь между Гитлером и Шулером, конечно, полная ерунда. Но некоторые очевидцы утверждают, что Гитлер действительно был на одном из публичных выступлений Шулера, где был просто околдован его непривычным национализмом и мистическим антисемитизмом.

Шулера почти постоянно донимали депрессии, которые были вызваны его уединенность и безнадежностью. Со временем у него появились пароноидальные черты. В частности, он заявлял, что его духовные устремление парализовал некто, прошедший через «черную реку». Он считал, что его семья пала жертвой сумрачных сил. Смерть его отца была связана с «убийственным запахом», дом и имущество его отца были разрушены — на его семью «как бы во сне нападают», ее изничтожают, словно издаваясь над ним. Сам он признавался, что никогда не боялся, но теперь его не покидает страх перед смертью. Его дела шли не очень хорошо. Он полагал, что его жизнь «была выпита алчным вампиром». Анализируя подобные высказывания, психоаналитик Кальтенбрунер сделал вывод: «Эта манихейская навязчивая идея о гнусном покушении Молоха на душу, кровь и жизнь прошла через весь гнозис Шулера».

Почти все изображения, в которых Шулер описывал конкретные сексуальные ситуации, ясно указывали на его мазохистские склонности. С другой стороны, о его садистском отношении говорит описанная им сцена, когда прирученные им ученики отрубали головы голубям. Так Шулер писал в замечаниях к «Голубям Триаса»: «30 сентября. Голуби Триаса являются в контурах детских воспоминаний о молодом кузнеце, крепким кулаком сносящем голову белого голубя… Маленькая ярко-красная лужа и замечание молодого 17-летнего убийцы Клеменса. Он с удовольствием свернул сизую головку, и теперь она свободно болтается на шее. В то же время я, полный горячей жадности от его свежей силы и жестокости, повелел убить еще трех голубей. И прямо на моих глазах он всадил ноготь большого пальца в затылок этим существам. Я наблюдал, как красный голубь в агонии расставался с жизнью». Затем слушателям были представлены рассказы о ритуальных убийствах и ужасы процессов над ведьмами. Темы, которые были предопределены не столько познавательным интересом, сколько его личным садизмом. Молодому рабочему Шулер советовал сжечь фабрику: «Не забудьте также школы, сиротские дома и приюты для глухонемых. Последние должны сгореть со своим содержанием. И ласкайте своей пенис, когда мышата, ворующие зерно общества, будут плясать в пламени». Шулер не просто классифицировал глухонемых как социальных паразитов, он призывал их сжечь. Но здесь он следовал вовсе не за социал-дарвинистскими посылами: сгорающие люди должны дать сексуальное возбуждение юношам. Шулер намеревался также освободить великого Ницше от его безумия. Для этого планировалось провести особый обряд, когда вокруг философа должны были танцевать обнаженные юноши с браслетами на руках. При подобном лечении сексуальное возбуждение играло такую же важную роль, как и созерцание болезней и жестокости. Какие сцены жестокости задумал Шулер, остается неизвестно. Но не исключено, что это могла стать некрофилическая оргия. Клагес утверждал, что Шулер видел в культе смерти некую эротическую мистерию. В доказательство этого Клагес приводил рассказ о том, как Шулер анализировал одно литературное произведение, в котором двое влюбленных ночью при свете луны впервые целовались на свежей могиле своей родственницы. Умершая родственница как бы вдохнула в них этот эротический порыв.

Как ни покажется странным, но подобные взгляды нашли свое воплощение в Третьем рейхе. Речь здесь надо вести не о Гитлере, а о рейхсфюрере СС Генрихе Гиммлере. Он не раз высказывал мнение о том, что в древности у германских народов существовал обряд отдавать девочек на выданье в село, где они проходили инициацию, совокупляясь с сельскими юношами на могилах предков. Кроме этого, многие очевидцы говорили, что Гиммлер лично присутствовал при наказаниях и казнях женщин-заключенных, а позже начал проецировать медицинские эксперименты в область сексуальных отношений. В этом отношении он выглядел как весьма последовательный ученик Шулера. Хотя почему бы нет? Они жили в одно и то же время в одной и той немецкой земле. Шулер искал в то время себе высоких покровителей, а отец Генриха Гиммлера был воспитателем принца из королевского баварского дома Вительсбахов. Хотя это — только догадка.

Альфреда Шулера нередко называли гностиком. Что же скрывалось за этим понятием? Мистическое познание (гнозис) должно было дать ответ только на один очень старый вопрос: откуда берется зло — unde malum? Католики, которыми были родители Шулера, не могли дать на него ясный ответ. Если все же Бог является Всемогущим и Всеблагим, то как он может допускать вмешательство в земную жизнь врага рода человеческого — сатаны? И, если он Всемогущ, то почему он просто не избавится от зла? Значит, он тоже ответственен за него? Аргумент о свободе как подарке Бога человеку, которая в итоге является условием для ошибочного пути в восприятии зла, сводит эту проблему к вопросам о качестве такой свободы, природе зла и его возникновения. До сих пор верующие не получили убедительных ответов на подобные вопросы. Именно в этом вопросе находилась ахиллесова пята христианской церкви.

Одновременно с формированием христианства в первые века нашей эры в античном мире стало формироваться учение, которое считало, что давало убедительный ответ на подобные вопросы. В целом его назвали гностицизм. Это учение было достаточно пестрым. Оно базировалось и на еврейской мистике (учение об Апокалипсисе), и на греческих мифах (учение Платона и стоиков), и персидских легендах (зороастризм), и даже индийской и египетской мифологии. Дюжины религиозных групп строили различные системы с различными богами, спасителям, представителями зла и также множеством добрых духов. Все это снабжалось собственной терминологией. Во многом эти группы и группочки отличались друг от друга, однако их объединяло одно — дуалистическая суть их учения. В дуализме имеются два божества, два царства: царство мрака и царство света со светлым божеством во главе. В гностическом «Тайном учении от Иоанна», апокрифическом сказании IV века, этот светлый Бог описывался следующим образом: «Он — беспредельный свет, святая, истинная чистота. Он — Неописуемый, Совершенный и Бессмертный… Вообще невозможно, чтобы кто-то понимал его. Он не является никем из существующих, но есть предмет, который превосходен. Не как если бы он был превосходен сам по себе, но его сущность даже не имеет доли вечности. Для него не существует времени… Но перед ним не было никого, так как он существует только в самим востребованном совершенстве света, только им постижимом истинном свете. Беспредельная величина, вечный жертвователь вечности, свет, светлый жертвователь, жизнь, жертвователь жизни… Сказано нам — свет, который постижим только ему, который окружает его, который является источником жизни, светом полной чистоты, источником духа, живой водой».

В некоторых версиях гностической космогонии царство мрака наступает на царство света, что и приводит к злополучному смешиванию миров. Именно злое божество создавало землю, светлый же бог имеет с ней мало общего. Светлый бог воплотил часть себя в материальном, сотворенном злым божеством мире, где свет оказался заключенным в душах живущих людей. Плененный в тюрьме материального тела божественный свет (душа человека) не знает о своей божественности и о своем пребывании в телесной темнице. Она как бы одурманена, как бы спит. В манихейских исповедальных книгах об этом говорилось,

что душа родилась «в этом доме ужасов, этом замке смерти, в этой отравленной фигуре, воплощенном в костлявом теле».

В «Тайном учении от Иоанна» также описывалось возникновение материи и взятие души в телесный плен: злые архонты сделали новое творение из земли и воды, из огня и ветра, а значит, из материи мрака и желания протестующего духа, что стало цепями для человека. Эту пещеру сотворенного тела они преподнесли человеку, наложив на него оковы забвения. Так человек стал смертным.

Но душу, которая забыла свое божественное происхождение, можно разбудить, привести ее к воспоминаниям. Это было доступно потомкам царства света, которые могут узнать о своем светлом божественном начале и вести истинное познание — по-гречески гнозис. Такие разбуженные люди почти сразу же играли роль пророков или священников.

Например, в «Тайном учении от Иоанна» Иисус Христос сообщал: «Я ведь являюсь богатством света. Я — мышление изобилия света. Однако я шел в величии мрака, и я выдерживал это до тех пор, пока я не покинул тюрьму… Это — тюрьма тела. И я говорю: „Тот, кто слышит, проснется от глубокого сна"… Однако, я сказал тебе все вещи, чтобы ты записал их и передал в сокрытом виде, так как эта тайна не для колеблющихся». Среди тайн, которые были переданы, значились и таковые: «Проклят каждый, кто передаст эти тайны ради еды, пития, одежды или других вещей».

Наряду со строгим дуализмом, который предусматривал двух одинаково сильных божеств — светлого и темного, — всегда существовал более умеренный вариант: здесь наличествует только одна павшая светлая сущность, которой и приписывается ответственность за соединение материи и души. Зло здесь строго не отделено от добра, но является павшей частью светлого.

Следовательно, одна из основных мыслей гнозиса сводится к тому, что современный мир представляет собой некое переходное состояние, возникшее из-за какой-то ошибки, и в определенный момент все будет исправлено благодаря вмешательству божественного света. И хотя гностики часто называют Иисуса Христа Спасителем, но все же они не являются не только христианской конфессией, но даже христианской сектой. Конечно, христианство повлияло на гностиков, но вовсе не породило их. Корни гностицизма уходят слишком глубоко в древность. Самые первые следы можно найти в Иране. Около 600 лет до нашей эры здесь распространял свое учение пророк Зорастр (Заратустра), создатель дуалистического маздаизма — парсистизма. От названия последнего, кстати, и произошло название Персия. В этом учении доброе сверхбожество Ахурамазда (дословный перевод «Господь Премудрый») позволил создать темному божеству Анхра-Майнью (Ахриману) царство мрака. В определенной степени эти два божества были уравновешены: Ахурамазда создает шестнадцать стран добра, столько же стран зла создает Анхра-Майнью. В противовес чистым «ахурийским» животным Анхра-Майнью создает драконов, змей и прочую нечисть. В настоящий момент персы оказались рассеяны по Востоку и Индии, где они скрывались в свое время от мусульманского преследования.

Если так можно выразиться, на пятки Заратустре наступал другой перс — Мани, живший в 216–277 годах нашей эры. Он создал свое учение уже на основании существовавших религий. Переводя свои книги и тексты на иностранные языки, он надеялся создать некую мировую религию. Он был намерен объединять учения Заратустры, Будды и Христа. Его религиозное построение имело строго дуалистическую основу. В ней наличествовали два равносильных божества. К созданной им религии некоторое время вполне лояльно относились в империи Сасанидов. Но затем Мани был арестован. После длительного заключения он был казнен 26 февраля 277 года. Причина этого крылась в том, что зорастрийские священники увидели серьезную опасность в манихейском учении. Труп Мани был изувечен и выставлен на всеобщее обозрение. Почти за тысячу лет — с III по XIII век — манихейство распространилось по Азии, Северной Африке и Европе. В VII веке центр

манихейской религии переместился в Вавилон. В VIII–IX веках манихейство было официальной религией в государстве уйгуров, располагавшемся на территории нынешней Турции. Учение Мани проникло даже в Китай, где просуществовало до XVII века! Гностически настроенные группы мусульман сохранились среди турецких алавитов. Вот цитата из их «Книги теней»: «Когда появляется зародыш, то на него спускается хороший дух; это светлый дух веры, который создан Светлым богом. Теперь он заключен в теле… Он огорчен и плачет… Он созерцает тело, которое является тюрьмой для духа верующих… Он покинет это тело, когда наступит познание». На настоящий момент из 67,8 миллионов турок около 15 миллионов являются последователями алавитидской веры. Гностицизм существует до сих пор. Он дошел до нас в виде теософии, идей розенкрейцеров, антропософии. Кстати, создатель последней, Рудольф Штайнер, даже выпускал журнал «Люцифер-Гнозис». Гностицизм оказал влияние на творчество многих писателей и философов: Марселя Пруста, Джеймса Джойса, Германа Гессе, Томаса Манна, Карла Густава Юнга, Мартина Хайдеггера и т. д.

Гностицизм разбивал все человечество на три группы, в зависимости от содержания в них света. В самом низу этой иерархии находись хюлики (от hyle, по-гречески материя). Их сущность следует уже из самого названия — пустая материя. Далее следуют физики. Они имеют, как уже отражено в их названии, душу и могут при определенных обстоятельствах «пробудиться». Выше могут быть только пневматики, которые состоят из пневмы (божественного духа), которая изначально происходит от светлого изобилия — плеромы. Они представляют собой светлую вершину человечества. В одном из поздних гностических кодексов мы можем прочитать: «До конца мира существуют три человека и их потомки: пневматический, психический и земной. Им соответствуют три феникса рая: первый бессмертен. Второй проведет 1000 лет. О третьем в святой книге написано, что он будет изведен. Так имеется три вида крестин: духовные, крещение огнем и водой». И в другом месте мы можем прочесть о трехчастном делении человечества: «Пневматический вид как свет от света и как пневма от пневмы ждет полное спасение». «Психический вид как свет от огня медлит осознать». Он стоит «в середине» и должен сам определиться относительно добра. «Хюлический тип враждебен в любом отношении, так как он темен и препятствует подъему света… Он воплощенная ненависть к Господу» и обречен на забвение.

Если человечество однажды было разделено на три части, то далеко не всем было свойственно разделять элитарное положение носителей света. Ограниченные темные хюлики в своих собственных закрытых кругах заботились о своей собственной божественности, которая благодаря миссионерской деятельности должна была подготовить новый подъем к свету. Следовательно, «превосходство» гностиков должно находиться в тени и не быть явным. Причем не всегда закрытость этих кругов была добровольной. После того как христианство в Римской империи стало легальным, в государстве шла активная борьба различных конкурирующих религиозных систем, в том числе в борьбе принимали участие и гностики. Многие христиане и даже священники были сторонниками гностического пророка Мани, как бы поставляя боеприпасы для этой теологической войны. В молодые годы даже блаженный Августин был приверженцем этой линии! Но вновь и вновь наш взгляд обращается на гностицизм в связи с событиями более поздними. В раннем Средневековье он получил очень широкое распространение в Северной Италии, рейнской Германии я Южной Франции. Новая вера прибыла в Западную Европу по торговым путям из Болгарии. Возникшее в Болгарии в X веке, это учение получило название богомильства, а последователи именовались богомилами. В определенной мере наследовали еретическое учение павликан, которое было очень широко распространено в Восточной Римской империи. Привившись в Западной Европе, это гностическое направление называлось по-разному. В немецких землях католические священники идентифицировали его с манихейством. Во Франции новых гностиков назвали альбигойцами (от города Альби), вальденсами (от имени

лионского купца Пьера Вальдо, который, как гласят легенды, раздал свое имущество и провозгласил бедность жизненным идеалом). Сами же себя они назвали катарами, то есть «чистыми». В начале XII века возникла реальная угроза, что католичество будет вытеснено не только с юга Франции, но и из Фландрии, Шампани и некоторых германских земель. Церковная и светская власть решили объединить свои усилия. Был провозглашен Крестовый поход против еретиков. В 1209 году армия численностью в 50 тысяч человек вторглась в графство Лангедок. Началась страшная резня. Например, в городе Безье на площади перед церковью Святого Назария было собрано 20 тысяч человек, которых начали избивать крестоносцы. Именно оттуда пошла известная легенда. Узнав, что вместе с катарами в толпе затесались католики, крестоносцы обратились к епископу: «Как отличить еретиков от правоверных католиков?» Последовал жесткий ответ: «Убивайте всех, Господь отличит своих». Этот Крестовый поход закончился несколько десятилетий спустя. Последним оплотом катаров стал замок Монсегюр, который считался священным. В марте 1244 года после 10 месяцев осады замок пал. После падения Монсепора в живых осталось около 400 человек. Из них 200 были «совершенными» (parfaits) — священниками катаров. Все они были сожжены на кострах инквизиции. После этого гностические традиции были перенесены в залы тайных обществ.

Многие воспринявшие гностицизм видели возрождение духовного света в другом теле после смерти. Но новое тело было лишь новой тюрьмой для духа. Пневматики были призваны сломить этот зловещий круговорот постоянного томления души в темнице тела и приблизить царство света, установить его на земле и воссоединиться с божественным светом. Когда речь идет о свете как божественном проявлении, то, как правило, говорится о метафизическом, невидимом свете. Только отдельные гностические системы, например, созданная Мани, рассматривали физический свет — от солнца, звезд или луны — также как метафизическое понятие. Мани считал, что солнце и луна возникли после распятия злого архонта. Эти светила были призваны при помощи света ослаблять его мощь. То есть солнце и луна были созданы из очищенного, истинного света. Как же протекало возвращение света в царство доброго божества? Это описывалось так: «Чтобы возвратить свет обратно домой, привлекалась третья сторона. Она позволяла очищенному свету при помощи трех колес (огня, воды, и ветра) через „колонну величия“ (Млечный Путь) достигать лунного корабля света, на котором при полнолунии, когда он полностью является светом, отправляется к солнцу, а оттуда к новому Эону». В манихейской проповеди это описывалось так: «Я могу перед собой открыть двери к колонне (величия)… Я могу переправиться на корабле света и обрести спокойствие».

В некоторых гностических системах духовный свет мог находиться даже в животных и растениях. В одних случаях это вело к вегетарианству, которое должно было помочь не мешать душам, «пойманным» в тела животных. В других случаях это, напротив, приводило к ритуальному обжорству, дабы аккумулировать пойманный свет в собственном теле. Таким образом, при помощи растений и животных предполагалась обеспечить собственную «поездку» в спасительное царство света.

В качестве примера научно обоснованной гностической системы могут служить сетианцы. Их вера была основана на так называемом «Евангелии от египтян». Это произведение датируется где-то концом II века нашей эры. Согласно их представлениям, на Высшей Плероме — аналоге неба — находится невидимый дух. Здесь эта высшая сущность наложила пять печатей. На Нижней Плероме находится Просветленный — Фостер Элелет (Несущий Свет = Люцифер), который жаждет распространить свое влияние на материальный мир. Хюлическая София и построивший мир демиург Саклас затем создают человека. В этом случае в основе гностицизма не лежит ни злая интервенция мрака в материальный мир, ни божественная ошибка во время его творения. Отцом обычных людей является Адам, людей просветленных — Сет. Эти святые гностики живут в Содоме. «Сет влил свое семя в отдельных

специально отобранных для этого людей». Исследователи предполагают, что «Евангелие от египтян» было названо так именно потому, чтобы привлечь внимание религиозных египтян. Подчеркнуто египетский характер этого учения был выбран для того, чтобы гностический Сет составил конкуренцию египетскому богу Сету. Иная интерпретация событий в Содоме и Гоморре противопоставляет египетскому Сету, у которого наблюдали некоторые гомосексуальные склонности, нового гностического Сета, пришедшего из иудаизма. Но и заимствования из иудаизма были только частичными. Так, например, заклейменные позором в Ветхом Завете содомиты у сетианцев, напротив, интерпретировались как избранный род. Здесь можно наблюдать, как часто при создании философских или религиозных систем приходит искажение, инверсия: в изначальных тестах некоторые фрагменты либо искажаются, либо вовсе трактуются наоборот. Погрязший в грехах Содом Ветхого Завета в «Евангелии от египтян» был превращен в место сбора святых сетианцев. Или еще пример инверсии. Чтобы спасти сетианцев от сатаны, Сет прибыл им на помощь в виде Иисуса. Христос является снова в сетианской космогонии как божественное пламя в Нижней Плероме, но он совершенно другое явление, нежели Иисус, в которого воплотился Сет. Уже настолько запутанное изобилие упомянутых здесь персонажей указывает на чрезвычайную сложность сетианской мифологии.

Почти все мировые религии обнаруживают в себе некие гностические мотивы. Например, христианская мистика мастера Экхарта предусматривает, что в сути человека заложена scintilla animae (искра души), которая стремится к воссоединению с Богом. Архитектура готических соборов возвращает нас к французскому аббату Сугерию из Сен-Дени. Этот аббат подробно знакомился с произведениями V века, в частности, с «Мистическим богословием» Дионисия Псевдо-Ареопагита. Именно в этом произведении было найден вдохновение для создания готического стиля церквей аббатства Сен-Дени. В «Мистическом богословии» утверждалось, что Бог — это свет. После прочтения этой мысли активный парижский аббат стал увеличивать окна церквей, дабы Бог мог попасть в храм. Более того, оконные проемы строились так, чтобы свет струился на аналой. В итоге гностическая мысль Дионисия Псевдо-Ареопагита сыграла решающую роль в возникновении готической архитектуры.

Одним из главных различий христианства и гностицизма была андрогинная, двуполая природа гностических божеств. Впрочем, отчасти имелось нечто общее в области таинств: многие из гностических групп придавали особое значение христианскому крещению. Но, с другой стороны, манихеи и катары отказывались от крещения в материальной воде. Вместо традиционного крещения катары осуществляли ритуал consolamentum — крещение духом посредством наложения рук. Или еще пример: некоторые гностики перед смертью для окончательной победы души над телом и воссоединения ее со светом практиковали елеосвящение или соборование.

Бог Ветхого Завета и троичный христианский Бог излучали свет, но для гностиков они не были идентичными. Они не признавали, что христиане и ветхозаветные иудеи поклонялись одному и тому же божеству. Ветхозаветный Бог иудеев, создавший землю, материю, мог ассоциироваться у гностиков только со злым божеством, ответственным за бедствия сего мира. Следуя этой логике, гностики нередко ставили знак равенства между Яхве и сатаной. В итоге иудеи и евреи вообще рассматривались многими гностическими системами как дьяволопоклонники. Неудивительно, что евреев почти автоматически причисляли к хюликам. Именно в этой предпосылке кроются давнишние антисемитские и антииудейские традиции гностицизма. Сам же Христос рассматривался гностиками как борец прогив еврейского божества. Согласно христианскому теологу Иренею, сирийский гностик Саторнил, живший во II веке нашей эры, учил, что Христос явился для уничтожения бога евреев.

Гностицизм во многом — это классическая религия кризисов: люди ставили вопрос о происхождении зла только тогда, когда дела у них шли из рук вон плохо. Гнозис можно

считать некой протестной религией, которая обращается к интеллектуальной элите, делая упор, прежде всего, на политические и хозяйственные сложности.

Глава 2

МИСТИКА СВЕТА КРОВИ

Но вернемся к Альфреду Шулеру. Почему же Шулера назвали последним немецким катаром? Напомним, Альфред Шулер родился в 1865 году в Майнце, месте, которое еще в начале XII века было заселено катарами. До наших дней дошли даже остатки их кладбищ. Монах Экберт Шонау, будучи еще молодым каноником, в 1140 году оказался в этих местах. Здесь он впервые познакомился с катарами, которые были очень распространены в Рейнской области Германии. Местные катары, подобно католикам, пытались вести свою миссионерскую деятельность. Позже Экберт Шонау использовал приобретенные им в Майнце знания, для того чтобы писать речи, обличающие альбигойскую ересь. Во время процессов и массовых казней он отмечал: «Они шли на мучительную смерть от огня не просто бесстрашно, но даже с какой-то радостью». Шулер с детства интересовался этим сюжетом, хотя его родители и не были коренными жителями этих мест.

Его интерес укрепился, когда он познакомился с литературой, посвященной тайным наукам, которая в изобилии издавалась в XIX веке. Пожалуй, решающую роль здесь сыграли книги Генри Папюса, который, кстати, обращался в письмах к Шулеру не иначе, как «господин и мастер». Сам Пагаос был человеком, который проявлял к катарам и гностицизму далеко не просто праздное любопытство. В 1907 году он основал Гностическую католическую церковь, которая появилась после раскола Неоальбигойской церкви, учрежденной в 1890 году в Париже его помощником Жюлем Дониэлем.

Переписка Шулера с Папюсом началась в 1899 году и длилась почти полтора десятилетия. Влияние Папюса на Шулера было несомненным. В одной из статей Шулера можно было прочитать о всезнающем мастере с обликом змеи, который продолжал толкование Библии. В опубликованной ранее «Зеленой тетради» Папюса можно было найти такой отрывок: «Человек осознавал источники всего плодородия и ел со своей женой прекрасные плоды и с благословения мастера отдыхал на них. Они вступили из жизни грез в осознанную и самостоятельную жизнь детей света. Они почитали память мастера в облике змеи». О подобном почтении мы могли узнать у ряда средневековых философов. Кроме этого, в ряде произведений Шулера находятся места, в которых он позитивно отзывается о змеях:

О, позвольте по-новой пожертвовать нас
сладкому змеиному богу,
место Эроса будит священный озноб.

Или другой фрагмент:

У того мага в черной мантии,
что стоял у колонны со змеями на груди?

Или вот еще одно из возможных заимствований. Выдержка из высказываний Шулера о музыке: «Даже музыка, которая сопровождает званые обеды, здесь восстановлена в первоначальном исходе. Она звенит в сладком благозвучии как вибрирующая струна, натянутая между этим и потусторонним миром. Это исходный пункт всей музыки». А вот что писал Папюс в своей «Зеленой тетради»: «Струны, которые натянуты как ось между этим и потусторонним, всегда вибрируют в сладком благозвучии». Из «Зеленой тетради» Папюса Шулер позаимствовал и формулировку о «Великой Телесме».

Несомненно, что Шулер черпал свои знания о гнозисе и гностицизме поначалу главным образом из тетрадей Генри Папюса. Но со временем его познания расширялись. Один очевидец вспоминал, что как-то рылся в архиве Шулера: «Он содержал большой список оккультных работ, который был либо составлен самим Шулером, либо, по меньшей мере,

откуда-то переписан. Основные части этого материала касались высокопоставленных масонов и теософии. В нем упоминалась, прежде всего, идея Е. П. Блаватской о „семи формах сознания"… Упоминался французский неогностик Элифас Леви, немецкий теософ Франц Хартманн и оккультист Карл Кизеветтер». Несмотря на интерес к оккультной тематике Альфред Шулер очень негативно и даже враждебно относился к масонству. Достаточно одной цитаты: «Масон как протокозел иудаизма».

Шулер проявлял интерес и к тамплиерам, которые из-за их поклонения бородатой голове, именуемой Бафометом, были сожжены на костре. Он объявлял рыцарей-храмовников скрытыми гностиками. Вполне возможно, что у них имелись связи с катарами и исламскими гностиками. Возрождение тамплиерского учения официально произошло в конце XIX века, когда Карл Келлер и Франц Хартманн основали в 1895 году оккультный «Орден восточных тамплиеров». В 1905 году его руководство перешло к Теодору Ройссу, а позже к англичанину Алисетру Кроули. Во многом ритуалы «Ордена восточных тамплиеров» были восприняты уже упоминавшейся «Гностической католической церковью». Что касается ориентации Шулера на французских тамплиеров, то именно она послужила предпосылкой для экспорта этого учения в Германию. Традиционно считалось, что гностическая традиция передавалась по следующей линии: катары — тамплиеры — розенкрейцеры — масоны. Но во многом подобное предание являлось профаническим. В действительности же цепочка передачи гностических традиций от поздней Античности к произведениям Шулера осталась сокрытой. Она была тайной. Шулера считали последним немецким катаром, так как именно он ясно воспринял в своих произведениях традицию французских гностиков и альбигойцев, да к тому же, в отличие многочисленных представителей неогностицизма, он действительно верил в то, чему учил. Людвиг Клагес, которому Шулер жаловался, что его высасывает какой-то вампир, повсюду рекламировал влияние катаров на произведения своего друга.

Тот же Клагес сообщал следующее о подготовке к серии докладов о сущности Рима, «Вечного города»: «Я превратил мое участие в добычу материала (например, о стоиках) и повторному изучению каждого доклада». В своих докладах Шулер непосредственно обращался к гностическому «Евангелию от египтян». «Я заканчиваю это рассмотрение несколькими местами из так называемого „Евангелия от египтян", которое, перемещенное в этот круг идей, обретает новое значение. Иисуса спросили, когда придет его царство, он ответил: Когда два станет одним, а внешнее (то есть смесь субстанций в теле) станет внутренним (смесью субстанций в свете), но не будет ни мужским, ни женским». После этого последовала ссылка на три вида бесполости, приведенные в Евангелии от Матфея: «Он же сказал им: не все вмещает слово сие, но кому дано; ибо есть скопцы, которые из черва материнского родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сами себя сделали скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит».

В своем докладе, называвшемся «Дома жизни», Шулер привел в качестве доказательства проникновения христианства в дворцы римских императоров граффити, на котором изображался распятый мужчина с головой осла. Подпись к рисунку гласила: «Алексаменос молится своему богу». Клагес указывал, что речь идет о смешанной сущности, которая почиталась христианской сектой гностиков, которая приравнивала Христа к египетскому Сету. Речь идет уже о знакомых нам сетианцах.

Но пока вернемся к некоторым фактам биографии Шулера. Как мы помним, он познакомился с Дерлетом в 1894 году. Это был человек, который не только проповедовал агрессивный, почти орденский католицизм, но и был прекрасно знаком с другими религиозными течениями. Впервые гностическое влияние он ощутил после знакомства с сэром Жозефом Пеледаном, гроссмейстером ордена розенкрейцеров и храма Грааля. Несколько позже Дерлет, подобно Шулеру, познакомился с Генри Папюсом. Именно Дерлет подсказал Шулеру одну интересную мысль. В своем докладе «Термы, игры, солнечный

ребенок и цезаризм» Шулер указывал на возможность пролития крови для овладения светом противника. Чтобы понять «Кровавые ритуальные убийства», он очень рекомендовал изучить труды баварского философа Баадера. Франц Бенедикт фон Баадер (1765–1841) родился и умер в Мюнхене, где совместно с Якобом Бёме изучал теософию. В своем окружении он считался гностиком, хотя на самом деле всю жизнь оставался католиком. Именно Баадер был одним из тех мостиков, которые вели к немецкому идеализму.

Подводя некоторые итоги, можно смело утверждать, что Шулер соприкоснулся с гностиками и французскими катарами только благодаря контактам с Генри Папюсом. Подобное же можно сказать и о Дерлете. Клагес, который сам интересовался гностиками, принимал участие в подготовке самого знаменитого доклада Шулера «О сущности Вечного города». Кроме этого, он занимался изучением различных теософов, которых Шулер цитировал в своих произведениях.

Но все вышеперечисленное — это только, так сказать, внешние признаки того, что Шулер был гностиком и катаром. Внешние признаки должны быть подтверждены некими внутренними убеждениями, которые проще всего найти в произведениях Шулера. Не надо ходить далеко — остановимся на уже упоминавшемся докладе «О сущности Вечного города», одной из задач которого являлось гностическое просвещение публики: «Мои речи „О сущности Вечного города‟ полны психического содержания. Они обращены к душе, а не к интеллекту. Они несут психические колебания и пытаются найти внутренние источники света у слушателей. Они — эротические поклонники, их намерение совокупиться и родить свет, то есть совершить религиозное действие».

Шулер должен был «оплодотворить» слушателей своими словами, которые должны были пробудить в них внутренний свет. Он действительно обращался к душе, а не к рассудку. Считалось, что после этих докладов слушатели могли самостоятельно пробудить в себе свет. Некоторые из своих докладов Шулер заканчивал словами: «Пришло время имени, облаченному в плоть, открыть тайну лампы и помчаться на упряжке Гелиоса над свежими трещинами дымящейся пашни, приближая душевное зарево». Понятие «лампы» относится к древней гностической традиции и встречается уже в оригинальных манихейских трактатах.

Шулер считал, что символами света могут быть не только определенные драгоценные камни, но и курица. «Белая курица является символом телесматического светильника души. Это — курица души… куриная мистерия». Понятие телесма (от греческого хеXeiv — завершение) впервые встречается у легендарного мага Гермеса Трисмегистаса. Он употребил его своей книге «Таблица Смарагда», на которую опирались многие средневековые гностики. Сама книга до сих пор остается загадкой. Нет никаких указаний ни на время, ни на место ее появления. Возможно, она была написана самими гностиками в VI–VIII веках нашей эры. Завеса таинственности над ней — это всего лишь предосторожность, дабы их не уличили в обмане. Так или иначе, но гностическая традиция представляет Гермеса, самого старого из всех «философов» (не путать с греческим божеством), в качестве автора этого документа. Имеется два представления о Гермесе. Некоторые делают его египтянином; но, провозглашая его современником Платона, они нарушают всю хронологию. Другие утверждают, что он — король греков, который находился в Константинополе, но это запутывает ситуацию еще больше, чем первое утверждение.

Сама таблица утверждала, что во внутреннем мраке вещей сокрыто определенное излучение мирового духа, основными инструментами которого являются солнце и луна; а сам он существует в неком влажном паре. Эта мощная сила включена во все земные вещи, именно она является созидателем совершенства вещей и всего мира. Эта сила является определенным переваривающим, совершенствующим все вещи фактором, в котором нашли взаимодействие небо и земное расположение вещей. Эта сила — квинтэссенция всех вещей, отнятое мракам сокровище мира, очищенное от всего земного осквернения. «Таблица Смарагда» является не чем иным, как изложением учения об этой превосходной сущности,

которую называли «Эликсир жизни» (Elixir vitae), пятой эссенцией. Именно от этого словосочетания произошло нынешнее понятие «квинтэссенция». И здесь мы непосредственно соприкасаемся с алхимией. Дело в том, что пятой эссенцией в алхимии называлась особая сущность, которая существовала наряду с землей, огнем, воздухом и водой. Отвлекаясь от высоких материй, хотелось бы привести еще одно свидетельство проникновения гностицизма в нашу современную жизнь. Вспомните фильм Люка Бессона «Пятый элемент»…

Но если все живые существа происходят из источника света, являются ли они одинаковыми в телесматическом свете? Как эти представления отразились на политических взглядах Шулера? Лучше всего о политических воззрениях Шулера знал Клагес: «…он не был ни радикальным противником марксизма, ни врагом противников имущих; он только хотел правильно употребить деньги последних. Он не мог никогда ощущать какой-то бедности и появлялся в обществе с естественной честью мужчины, который, кажется, не знал ничего о будничных трудностях». Но тем не менее у Шулера находится формула, данная молодому рабочему, которая не лишена определенного революционного потенциала: «Советую ли я повышать заработную плату? Сокращать рабочий день? Лучше уж фабрики, охваченные огнем!» И мы опять видим у Шулера навязчивую идею о сожжении. При этом он не отказывался от своих религиозно-гностических представлений. «В общественной жизни нет ни владельцев, ни собственности, так как владение светильником является общим. Все живут во всем. Именно поэтому доисторическому времени абсолютно чуждо понятие собственности. В Средневековье стыдились владения и, как бы оправдываясь, называли его „солнечный лен“… Так как каждое целое является чувством солидарности, само собой разумеется, надо правильно понимать это слово. Признаки старой расы сохранил единственный первобытный народ современности — русские. Основываясь на телесматических колебаниях, они пытаются снести карточный домик эволюции». Удивительно, что мюнхенский эзотерик Шулер в качестве примера свидетеля телесматических колебаний приводит русский народ. Здесь невольно напрашивается связь с Папюсом, который некоторое время находился при дворе Николая II. Но это вовсе не значит, что Шулер благодаря своему гностически-мотивированному эгалитаризму примкнул к левому политическому лагерю. Напротив, Французскую революцию, социал-демократию и анархию он классифицировал как «выход наружу нижних загноившихся масс». Проблема, которую он связывал с Французской революцией, это была оценка расправы с аристократами, особыми носителями света. Во «Дворянстве труда» он писал: «Гильотина этой позорной расы трещит на благородных позвоночниках. Последнее извращенно-половое преступление против света и души».

Вообще Шулер мечтал заменить традиционную школу с ее аналитическо-абстрактными предметами на интернаты с раздельным обучением мальчиков и девочек. Разумеется, в них не должно быть целевой установки на формирование мужественности, так как свелось бы исключительно к функциям мужчины, которые предъявлял прогресс, но вредно сказалось на магическом аспекте. Шулер видел в современной ему школе только матрицу для мозгов, которая пагубно воздействовала на психические возможности. Вместо этого он выступал за юношеские дома, в которых во время периода полового созревания чувственная деятельность превратилась бы в таинственную, свидетельствующую о свете мистерию: «Центр внимания арийских юношеских домов, несмотря на удаленность во времени, очень узнаваем как по внешней, так и по внутренней структуре — чувственно-трансцендентные мистерии самой ранней любви». Там юноша на основе его чрезвычайно высокого светлого потенциала стал бы «завершением в себе». Его больше нельзя было бы рассматривать как неполноценного человека. Молодежь по причине ее «радости освещения» становилась самоцелью. Конечно, из этой достаточно пространной теории очень сложно было бы вывести конкретную педагогическую теорию, но определенные отголоски идей Шулера мы опять же находим у национал-социалистов. Взять хотя бы популярный в конце 20-х годов лозунг: «Национал-социализм мобилизует молодежную волю». Там, как и в мечтах Шулера, не было

совместного обучения, школьная программа не была ориентирована на перегрузку знаниями. А элитарные учебные заведения (Наполас, школы Адольфа Гитлера), которые были построены по образцу юношеских домов…

Определение света и божественности у Шулера можно найти в стихотворной форме. Так, например, в одном стихотворении он обращается к предполагаемой родине своих предков:

Из конца пути свет
между древесиной и металлургическим заводом
освещает самое последнее божественное бытие.

Другая строфа может интерпретироваться как перемещение космической борьбы между светом и тьмой:

Живут — двое из Вселенной, отмежевавшиеся от общего, бессмертные, которые знакомы как враги: туманные искры вспарывают ночь, произведенные на свет волею случая.

Шулер также обращался к классическим метафорам гностицизма, каковой являлась, например, жемчужина в раковине. Образ души, закованной в теле.

Я — свет, пропитанный ночью…
Я — жемчужина, наполнившая раковину
Я — опьянение, омолаживающее этот мир.
Я — жизнь.

Начало строфы «я являюсь кем-то» можно найти не только в стихотворении Георге «Я один и меня двое», но и в различных античных гностических текстах. Эта формулировка, присущая богам и пророкам, присутствует у Шулера и в другом месте:

Мой вихрь пожара страстно жаждет вашей крови.
Ваших красных хлебных ручьев из сердец.
Меня не спеша выпивает светлая жизнь.

Во время одного из своих погружений в прошлое Шулер видел «за воротами истории» светлое райское государство. Современность же виделась ему в характерной для гностицизма манере — пустота, мрак, холод и мучение. Так как выглядело будущее? Человека ожидало «грядущее царство света». Но как достигнуть его? Это было возможно только после избавления от телесного покрова, скрывавшего свет. Здесь мы видим классические гностические идеи: тело препятствует вступлению в царство света и должно быть оставлено как надоевший костюм. Или, по-другому, просветленного человека окружают эфирные одежды — покров каждого живущего.

У Шулера мы находим также часто встречаемый в гностических системах взгляд о спасителе в облике «солнечного ребенка». «Я допускаю, что время от времени сущность жизни выступает в виде ребенка, который время от времени поднимается из большого прилива народов, тогда должен наступать перелом жизни, касающийся всего человечества таинственный мировой переворот, восход солнца для новой жизни». Однако как действуют эти всегда пассивные «солнечные дети», которые на всю жизнь остаются детьми? «Поляризация солнечного ребенка перемещает наружу более активную сущность, которая словно окружает его, которая, так сказать, образует внутренних придворных солнечного ребенка». После этого, окруженный сиянием, которое Шулер назвал «розовым Кольцом», солнечный ребенок рассылал во все стороны мощные потоки своей силы, которая напоминала по форме солнечное колесо (свастику). Шулер вел здесь речь о сверхчеловеческой форме, которую он никак не мог забыть, сравнивая ее с последним взглядом на Содом. И здесь мы видим традиционное для сетианцев представление о Содоме как царстве, созданном из семени великого гностика Сета.

Шулер видел светлого носителя, солнечного ребенка и в Иисусе: «В то же время передо мной возникают образы нового приключенческого романа: пустыня верхнего Египта. Время

действия: теряющее силу язычество. Окончательная победа бесполого, наполненного солнечной эссенцией Иисуса». Шулер изображал Иисуса как бесполого, в некоторых версиях как оскопленного, так как солнечный ребенок обладал андрогинной природой.

В какой же связи находились солнечный ребенок и центр света? Согласно идеям Шулера, солнечный ребенок был идентичен богу с пламенным семенем, создавшим ядро Вселенной. Следовательно, центр света и солнечный ребенок едины; центр света может также рассматриваться как божество, которое производит солнечного ребенка.

У Шулера мы видим также представления различных гностиков о том, что души людей собирались на Луне, чтобы затем быть доставленными на Млечный Путь. Собранием на Луне душ (света) объяснялось возрастание Луны. Затем души людей воссоединялись с центральным метафизическим светом. Шулер использовал эти гностические мотивы в своих произведениях: «Затем их взгляд нырял в полный диск Луны на переполненном звездами небе. Казалось, что от чистой священной страсти их души отправятся туда». На то, что дальше происходило на Луне, намекает одна формулировка: «Лунный свет капал жемчужинами на тропинку, вымощенную кирпичами». Жемчужина, как мы помним, считалась у гностиков стандартной метафорой души. То есть в определенной степени души умерших могли в виде света возвращаться обратно на землю.

Кстати, о Луне: заместитель фюрера Рудольф Гесс после Нюрнбергского трибунала, который приговорил его к пожизненному заключению, держал на стене своей камеры карту Луны. Это было вызвано вовсе не его любовью к астрономии. Он верил, что именно оттуда, с Луны, придет его спасение, последний батальон СС. Это было не просто совпадением. Было общеизвестно, что Гесс был увлечен средневековой мистикой. Вальтер Шелленберг написал о нем в своих мемуарах: «Он часто цитировал целые абзацы из книг прорицателей, таких как Нострадамус и прочих, имена которых я не помню». Другие утверждали, что Гесс был одержим мистическим умерщвлением плоти — одна из практических составляющих гностицизма. Нет никаких сведений, что Рудольф Гесс был знаком с Альфредом Шулером, но будущий заместитель Гитлера, проживавший в Баварии, увлекавшийся мистикой и гностицизмом, скорее всего, был не просто знаком с идеями Шулера, но и присутствовал на его публичных выступлениях.

Несмотря на некоторые эгалитарные заявления, Шулеру было присуще традиционное элитарное гностическое мышление. Перед началом своего доклада о Вечном городе он заявил своим гостям, что не придет никакой ценности бурлящим человеческим массам. Не менее последовательно он воспринял идею о трехчастном делении человечества. Материалистических хюликов он назвал экзотериками. Вследствие своей материалистичности он считал их крайне поверхностными. Классического физика он именовал «религиозным дилетантом», он был в равной степени зависим и от знаний, и от церкви. Пневматики — совершенно другой тип людей. В силу своею природного стремления они склонны к внутренним переживаниям. Именно эти люди должны были находиться в центре всех его идей. Именно они являлись ключом к расшифровке всех событий. Переживание для Шулера — это познание собственного света, собственной божественности. Это знание, связанное с восприятием дуалистического деления мира, с его борьбой между светом и мраком, которое объясняет исторические события, бывшие следствием борьбы двух начал. Шулер далеко не случайно употребил в отношении пневматиков формулировку «в силу своего природного стремления». В его понимании класс пневматиков имел вполне конкретное биологическое выражение, хотя и не ограничивался представителями одного или нескольких этносов.

Однако, если истинное познание доступно от природы далеко не каждому, то и тайный язык должен был стать уделом лишь гностической элиты. Шулер не раз заявлял, что изъял бы из тайного языка слова «Телесма» и «телесматический». Шулер попытался даже придать гностическую трактовку такому естественнонаучному понятию, как электрон. «Подумайте о вибрирующем комплексе света, состоящем из бесчисленного количества активных и

пассивных электронов, вспыхивающих от взаимного трения. Это флюиды неутомимого движения, которые являются основной субстанцией Вселенной. Эти флюиды создают нимб, ореол творческой силы, который окружает нас и всё сущее… Как я предполагаю, эта субстанция идентична „большой Телесме" и изображается аналогичным способом. Ее спасающая преображенная сила располагается в крови». Как видим, для Шулера понятия: электрон, флюид, Телесма и кровь — были почти идентичными. Это можно увидеть в описании герметической литургии, которую практиковал Шулер. «После того, как они произнесли слова молитвы, они целовали друг друга и шли, чтобы есть священную (очищенную) еду, не содержавшую никакой крови». Неудивительно, что многие гностики были вегетарианцами. Для них кровь была местонахождением божественной души. Они опасались, что при приеме пищи свет души будет рассеян, ядро души или «семя ангела» могло разделиться и стало бы еще больше переплетенным с материей тела. «Когда волна крови делается просветленной, то я называю ее существующей жизнью. Это обозначение представилось мне вместе с моими переживаниями». Следовательно, Шулеру самому казалось, как просветленная кровь, некий кровавый светильник переполняли его. «Обладание светом — это наше участие в абсолютной жизни… С другой стороны, складывается впечатление, что такой свет связан с течениями из Вселенной, в которых он должен быть распространен. Находящиеся в свете испытывают эти потоки как пришедший из космоса холодный озноб. Но, соединяясь с эссенцией (сущностью) крови, они приобретают радостное тепло». Следовательно, во Вселенной имеется центр света, из которого на человека снисходят эти «флюиды» и «потоки». Шулер описывал это так: «Я называю субстанцию, хлынувшую из Вселенной, — космической. Эрос Космогонос кажется мне поздним символом такого происхождения». Теперь мы можем понять, почему мюнхенских философов, сплотившихся вокруг Шулера, называли космистами. Очевидно, Шулер видел в богах символическую реализацию реальных процессов. Во всех гностических системах общим является космическое содержание. Является ли происхождение природы неповторимым? Шулер ощущал «озноб», например, когда «внезапная идея, как светящаяся искра, воодушевляла на творческое действие. Это телесматическая сила потревожила личность». Тот же самый доклад «О сути Вечного города» только внешне касался античной метрополии. На самом деле Шулер вещал о причастности телесмы к земным событиям.

А вот еще одно показательное место в произведениях Шулера. В «Триптихе Эроса» он достаточно быстро нашел причину строгой христианской морали — еврейский «сифилис»: «Христианская дегенерация. С ее чумной моралью. С ее стыдом. С ее еврейским сифилисом». Странно, но в конце XIX века сифилис считался «французской болезнью», а вовсе не еврейской. Не эта ли мысль Шулера породила некоторые пассажи Гитлера в «Майн кампф»? «Борьба против сифилиса требует борьбы против проституции, против предрассудков, против старых укоренившихся привычек, против многих старых представлений, устаревших взглядов и, прежде всего, против лживого святошества, укоренившегося в определенных слоях общества». Гитлер также провозглашал сифилис еврейской болезнью. Многие исследователи считали, что это было следствием того, что в юные годы Гитлера заразила этой болезнью еврейская проститутка. Версия более чем надуманная. Есть более простое объяснение — а именно знакомство с идеями Альфреда Шулера.

Но вернемся к душе человека в гностическом представлении. Переселение души было составной частью гностической веры. Обремененная душа путешествует после смерти от тела к телу, пока не познает свою светлую, божественную сущность. Только после этого она сможет освободиться от оков очередной телесной тюрьмы. Гностики предусматривали возможность как непосредственного переселения душ, так и ее унаследованную «пересылку». В зависимости от той или иной гностической системы предпосылкой для воссоединения со светом являлось либо осознание душой собственной божественности, либо исключительно благочестивый образ жизни. Некоторые системы говорили о существовании

«промежуточного неба» или «Новой земли», которые располагались на пути к высшему небу. Души, попавшие туда, могли вернуться обратно на грешную землю в новое тело. Катары пошли еще дальше. В своей религиозной системе они установили, что может происходить переселение душ животных, что связано с так называемой теплой кровью. Конкретные упоминания касались лошадей и ящериц. Упоминания о связи души и крови мы можем найти и в Библии в «Книге Левита» (17,11–14): «Потому что душа тела в крови, и Я назначил ее вам для жертвенника, чтобы очищать души ваши, ибо кровь сия душу очищает. Потому Я и сказал сынам Израилевым: ни одна душа из вас не должна есть крови, и пришелец, живущий между вами, не должен есть крови. Если кто из сынов Израилевых и из пришельцев, живущих между вами, на ловле поймает зверя или птицу, которую можно есть, то он должен дать вытечь крови ее и покрыть ее землею. Ибо душа всякого тела есть кровь его, она душа его». Катары объясняли также связь души и тела человека: «Душа человека не является ничем иным, как чистой кровью». После смерти душа принудительно покидает тело человека. Но почему она воплощается в новом теле или просто остается бестелесной? Катары объясняли это так. После смерти душа, покинувшая тело, начинает истязаться воздушными демонами, а потому она ищет защиту в новой телесной оболочке. Только чистые (катары) могли тут же воссоединиться со светом. Ни один из катаров не должен был после смерти возродиться в телесном облике.

В условиях того, что душа человека могла возродиться в зверином теле, было предусмотрено особое отношение к животным. Но находим ли мы уважительное отношение к животным у Шулера? Для него всемирная история развивалась во главе с мужчиной — движущей силой эволюции. В процессе своего развития мужчина был обуреваем борьбой противоположностей. Шулер не мог смириться «с уничтожением какого-либо вида фауны и флоры», которое стало результатом несбалансированного бытия мужчины, которое грозило превратить Землю в лунную пустыню, так как мужчинами в основном двигали корыстолюбие и убийственной страсть. Клагес был свидетелем специфического отношения Шулера к миру животных. Он описывал маленькую квартиру, в которой жил Шулер со своей матерью, как фантастическое жилье. По нему бродил породистый черный кот Мориц, который чувствовал себя хозяином этой территории. Любовь Шулера к животным распространялась не столько вширь, сколько вглубь. В глазах животного Шулер видел собственную душу, а потому строил отношения с ним как с возлюбленной. Именно этим объяснялись долгие беседы… с котом Морицем. Из животной пищи Шулер ел только рыбу. Катары в свою бытность отказывались от убийства и потребления мяса мертвых животных, так как те были, подобно людям, носители света. Но это не распространялось на рыб, которые были порождены не светом, а водой.

Но вернемся обратно к переселению душ. Сегодня многие люди, в том числе и христиане, находившиеся в состоянии клинической смерти, описывают светлый тоннель. Христианская церковь во многом разделяла такое мнение.

Именно по длинному тоннелю, состоявшему из света, души христиан попадали в Царство Небесное. Такое воззрение нередко иллюстрируют картины Иеронима Босха. В качестве примера можно привести одно из его творений, созданных около 1500 года для дворца венецианского дожа, — «Подъем в небесный рай». На картине можно увидеть ангелов, которые сопровождают души людей на небо по некому подобию огромного светлого тоннеля. До сих пор не понятно, был ли Босх тайным катаром и гностиком, или же его картины были продиктованы исключительно христианским учением.

Какую же позицию занимал Шулер в вопросах переселения душ? Клагес рассказывал, что Шулер считал жизнь «открытой» только при условии взаимосвязи между миром живущих

и умерших. Жизнь была бы «закрытой», если бы подобная связь была оборвана, «запечатана». Однажды Шулер заявил: «Только мертвые являются квинтэссенцией жизни. Только перешагнувшие порог смерти, чтобы испытать телесму и ядро света, возвращаются обратно, чтобы призвать живущих к свету жизни. Однако [вновь] родиться они могут там, где наступила смерть, а потому… юная, освобожденная, жизнь приносит даже мертвым дрожь блаженства. Это — открытая жизнь. Закрытая жизнь воспрещает возвращаться мертвым, она запечатывает потусторонний мир, превращает небо в закрытую сущность». Этот свет молодости казался Шулеру принципом реинкарнации.

В старости в теле одновременно с утратой половой функции растет светоносный продукт. Именно он подготавливает «возвращение души домой». Для Шулера это было неким способом наследственным воспоминаний: «Кто жил в телесме, тот знает, что в воспоминаниях он может увидеть самые древние времена… Это моя теория о переселении душ и о возрождении». Сам себя Шулер определял всего лишь как «слабо горящую лампу». Но этого ему вполне хватало, чтобы погружаться в прошлое и повествовать о нем своим гостям. Переселение душ могло бы показаться незначительным сюжетом в учении Шулера, если бы не одна фигура, рейхсфюрер СС, Генрих Гиммлер. Только учение Шулера может объяснить, почему глава «черного ордена» считал себя новым воплощением, реинкарнацией короля Генриха II («Генриха-Птицелова»). Это было не просто тайной мечтой или фантазией, а вполне оформившимся убеждением, которое привело к появлению в Третьем рейхе особого культа «Генриха-Птицелова».

Или вот другая тема, на первый взгляд не имеющая никакого отношения к национал-социализму: гермафродит. Клагес не раз описывал попытки Шулера постигнуть античное понятие о гермафродите. В античном бесполом или двуполом ураническом, первобытно-изначальном существе Шулер видел отражение сущности просветленного человека. Немецкие романтики XIX века излагали свои смелые мечты об утраченной «андрогинности» первобытного мира. Это подтолкнуло Шулера к мысли о происхождении исчезнувшего человека. Благо, что в гностической литературе имелось достаточно «сведений» по этому вопросу. Кроме обозначения андрогинной сути высшего божества, имелись вполне определенные упоминания о гермафродите: «Когда Проноя увидела ангела, то она полюбила его. Однако он ненавидел ее, так как она была во мраке. Однако она хотела обнимать его, но не могла сделать это. Когда она не смогла удовлетворять свою любовь, она излила свет на землю. В тот же день этот ангел [предшественник первобытного человека] был назван „светлым Адамом“. Он стал „светлым человеком крови“.. Из этой первой крови возник Эрос, который был и мужчиной и женщиной… Когда все боги и их ангелы увидели Эроса, то они полюбили его. Когда он возник среди них, то зажег в них свет. Как от одной лампы зажигается свет во многих лампах… так на земле возникло первое желание». Или другой отрывок: «Когда София бросила каплю света, та стекла в воду. Тотчас человеку стало очевидно, что он — и мужчина, и женщина. Та капля сначала сформировалась в женское тело. Она приняла облик матери, которая породила андрогинного человека, которого греки называют гермафродитам. Евреи же называют его мать Евой, что значит жизнь».

Шулер в своем докладе в о «солнечных детях» приводил своеобразную экзегезу древних египетских мифов о том, как боги оплодотворяли сами себя или производили на свет андрогинных детей без отца. Шулер считал, что в любом сюжете, где повествовалось о рождении ребенка без отца, речь шла о появлении на свет гермафродита.

Телесматическая эссенция, согласно взглядам Шулера, не была чем-то единым. Она делилась на пассивную женскую часть и мужскую активную. Свет появлялся в результате «взаимного соития» этих частей. Шулер называл этот процесс «вечной свадьбой». А потому, чтобы человек полностью просветлился, в нем должны были быть представлены и мужская, и женская субстанции. «Мужская сущность и женская сущность по отдельности мертвы». Однако разделение полов все-таки произошло, что привело к исчезновению космической

ячейки. Вину за это Шулер перекладывал на мужчин, «агентов эволюции»: именно мужчина как творческое начало изгоняет из своего сердца Бога.

В тексте одного из своих докладов Шулер писал: «Ни мужчина, ни женщина. Все породил один. Никто из существующих не порождал свет. Никто не повелевает светом… Из него жизнь катится золотыми спиралями. Широкой вращающейся свастикой». Несколько десятилетий спустя после написания этих строк под знаком свастики будут производиться новые гермафродиты. Сначала лишат пола (стерилизуют) наследственно больных людей. Затем «расово неполноценных». Но этим действиям, какими бы они чудовищными ни были, находится вполне логичное объяснение. Но никто не в состоянии ответить, почему нацистский режим стерилизовал преступников, проходивших по некоторым уголовным статьям. В целях перевоспитания? А может, для пробуждения внутреннего света?..

Гностики вообще уделяли особое внимание размножению, так как именно оно служило пленению душ в земном теле. Неудивительно, что у гностиков существовало множество половых ограничений. У катаров, например, половое сношение считалось дьявольским процессом, а в беременной женщине находился бес. Поэтому катары запрещали даже в случае крайней необходимости прикасаться к беременным — это было строго-настрого запрещено. Но здесь речь шла вовсе не о дискриминации женщин и враждебном к ним отношении. Среди альбигойских «совершенных» были даже женщины. В представлении катаров, сатана создал и мужчину и женщину, а потому в определенной степени они были равны. В итоге верующим катарам сексуальные извращения и половые отношения между супругами преподносились как одинаково тяжкие проступки. Попытка катарского епископа Филиппа провести реформу и провозгласить, что сексуальные отношения даже для «совершенных» не являлись прегрешением, закончилась полным провалом.

Как мы помним, Шулер верил в существование двух состояний жизни: «открытой» и «закрытой». Признаками открытой жизни являлись: чувство удовлетворения, переполненности, пассивность, наслаждение настоящим моментом, остановка времени, чувство абсолютного бытия. В этом описании открытой жизни мы видим слово «пассивность». Нечто подобное мы могли бы найти в книге манихейских псалмов: «Дайте вашим рукам спокойствие… Суетливость, царящая на земле, только причиняет вред». Подобные наставления давались чуть ли не для всех повседневных видов деятельности. В манихейской исповедальной книге можно обнаружить принципы ненасильственности: «Если из-за меня люди сражались или арестовывались, или были вынуждены переносить оскорбления и унижения, если я применил к четвероногим животным силу, ударил их, или только запланировал сделать зло дичи, птицам, земным или водяным животным или… — я у всех прошу прощения».

«Закрытая жизнь», по Шулеру, определялась следующими характерными чертами: активностью, закалкой, нуждой, упорной работой, жаждой деятельности, воспитанием к работе, исполнением долга. Этим состоянием руководило стремление к каким-то достижениям, направленным в будущее. Оно было переполнено беспокойством. Во времена, когда господствовала «закрытая жизнь», ценились не столько полнота жизни или красота личности, сколько работоспособность во имя перспективных целей. «Закрытая жизнь» как бы была направлена наружу, и соответственно этому появлялось чрезмерное размножение. «Внутренняя жизнь» ощущалась вообще как аскетизм, как избавление от телесного покрова во имя достижения цели. В данной ситуации стремление к размножению Шулер считал «порывом к материализации». Закрытая неким «черным магом» жизнь вращалась лишь вокруг сексуального размножения, биологического воспроизводства будущих поколений.

Но, с другой стороны, «черному магу» противопоставлены «производители света», которые жертвуют его человечеству. Но по мере того, как набирал силу порыв к биологическому размножению, терялась возможность «внутреннего зачатия людей». Духовная жизнь в этих условиях была направлена исключительно на блокирование

биологического влечения: кастрация, искусственная феминизация, католическая церковь с ее обетом безбрачия — целибатом. Далее Шулер указывал на связь между католическими монастырями и традиционным «римским юношей с длинными струящимися локонами», а также с «царством света христианских ангелов». Он вел речь прежде всего об эзотерическом значении «молодой крови», но ни в коем случае не о развратных намерениях в отношении бесчисленных мальчиков и девочек, окружавших римских императоров. Они являлись для него некими донорами силы света: «С одной стороны, мы имеем мальчиков, с другой стороны, девочек, а между ними деспот, выкачивающий из них свет». Особая юная жизнь именовалась Шулером не иначе, как Грааль — источник света.

Появление на исторической сцене Лютера значило для Шулера наступление новой исторической эпохи. Виттенбергский скандал фактически подписал приговор светоносному христианству. Верх одержал темный человек (материалист) и биологическое влечение. Человек превратился в машину не только в рамках своей профессии. На место духовной свадьбы с ее светлым и святым браком духовенство поставило морализаторство, а само превратилось в неких врачей. Вандализм достиг своего пика. Все, что отклонялось от общепринятой нормы, тут же попадало в учебники по психиатрии. Свет стал признаком безумия. Гомосексуализм, в древности считавшийся индивидуальным средством для пробуждения света, изгонялся из культуры и искусства. Шулер вновь обратился к теме однополых отношений. Теперь они имели для него ценность, так как они не содействовали размножению и заключению еще одной души в тело.

Вопреки широко распространенному мнению, Шулер ни в коем случае не был душевнобольным фантазером. Наоборот, по сравнению со многими из своих современников он проявлял склонность к поразительно четкому анализу древности и современности. Историческая картина, созданная Шулером, рассматривала «доисторический» период как эпоху, когда весь физический мир был проникнут светом. Эту эпоху можно было назвать райской. Ей противопоставлялись периоды истории, которые характеризовались «откачиванием» света. Шулер выдвинул гипотезу, в которой предположил, что периоды изобилия света сменялись эпохами его вытеснения, «как ночь сменяет день, как увядание приходит на смену цветению». Однако подробности подобных взлетов и падений нельзя найти ни в одном гностическом произведении. Сам же Шулер ссылался на учение Эмпедокла, который различал во времени два периода: полный любви (афродистический) и переполненный ненависти. Но как Шулер представлял себе детали космического центра света, который ассоциировался с плеромой и царством изобилия света у катаров? «Снаружи перед калиткой истории находится центр мощнейшего света, к которому стремятся в одинаковой мере все люди». Но, оказавшись по другую сторону «калитки», люди попадают под воздействие другой силы, движущей историю, — прогресса. Но на самом деле естественнонаучный прогресс является лишь одним из «агентов» силы, которая действительно противодействует свету. Господство той или иной силы предопределяет наступление «открытой» или «закрытой» жизни. Именно эти понятия в основном характеризуют сменяющие друг друга исторические эпохи. «Я обозначаю время озарения как открытую жизнь, время помрачения как закрытую жизнь». Между тем темный век прогресса как бы выступает в роли катализатора новой вспышки, когда свет должен проявиться в еще более чистой форме. Подобные модели очищения были вовсе не чужды гностикам. Некоторые гностические группы настаивали на поедании светоносных блюд, например, арбузов, с целью аккумуляции света перед новой вспышкой. Символом новой светлой, открытой жизни Шулер сделал свастику. Именно он впервые ввел ее в широкий обиход в Германии. Но гитлеровская свастика несколько отличалась от символа, который употреблял Шулер. Последняя вращалась в другую сторону и имела на конце каждого из изогнутых лучей три точки.

Вероятно, Шулер принял французскую манеру изображения гамматического креста. Сама свастика встречалась в десятках древних культур, начиная от Индии, заканчивая Римом. Но нигде мы не могли найти три точки на ее лучах. Зато эти три пресловутые точки встречаются в манихейской живописи по шелку, найденной в оазисе Турф. Эти изображения датируются где-то VIII веком. В манихейской традиции крест с тремя точками на каждом конце назывался «крестом света». Позже подобные изображения можно было обнаружить на катарских барельефах. «Крест света» до сих пор изображен на флаге французской провинции Лангедок, являвшийся центром катарской религии. Шулер не раз говаривал, что «огромные цепи звезд обвивают центр света». Именно эта фраза может объяснить значение трех точек. Шулер трансформировал манихейский «крест света» в особый знак — свастику (вращающийся центр света), несущую по три точки (цепи звезд) на каждом из своих лучей. В этом символе он совместил свои гностические и космические представления.

Современный Шулеру мир виделся ему как самая низшая точка в развитии человечества. Он говорил о «колебаниях черного колеса над земным шаром». Но с другой стороны, он не терял надежды, что даже в источниках чумы можно было найти здоровые симптомы. Растущая дрожь от приближающегося света говорила о нарождающемся гермафродите. Впрочем, его оптимизм не был таким лучезарным, когда Шулер ставил вопрос о конце истории. Среди катаров циркулировали самые различные версии конца света. Было представление о сгорании земли. В другой версии она распадались на элементы первоначального хаоса. Другие верующие полагали, что в один момент настанет предел спасенных душ, так сказать, будет исчерпан лимит. Те, кто не сможет к этому моменту воссоединиться со светом навсегда, останется на земле, пребывая в бессмысленном круговороте жизней. Сама же земля превратится в ад. К тому же к пребыванию на адской земле будут приговорены все иудеи. В гностической системе Шулера они являлись самим порождением тьмы. Шулер всегда презрительно относился к евреям. За их жизнью он видел действия Кроноса, бога времени: «Этой расой управляет ужасный Кронос, который всегда разрушал Вселенную. Когда же, наконец, дети Зевса устранят эту гадость?» Шулер умер в 1923 году и не смог увидеть, как его «ученик» Гитлер последовал этому совету.

Как мы помним, Шулер всегда определял местонахождение света в человеке в его крови. Говоря о римских амфитеатрах, он повествовал вовсе не о том, как во время гладиаторских боев противники пытались уничтожить друг друга. Он говорил о попытке влить в свою кровь еще одну частицу света. Именно для того и нужно было кровопролитие. «Вследствие чего лишаются души? Местонахождение души, пламенного флюида — это человеческая кровь. Именно поэтому [гладиаторы] пытались вскрыть противнику желудочек сердца. Они открывали пламенный светильник и становились сопричастными к этому кровавоубийственному светильнику».

Антисемитизм Шулера, так восхитивший юного Гитлера, всегда носил специфический характер. Его неприязнь к евреям никогда не носила расово-национальный характер. Его произведение «Человек Триас. Язвы Иуды» ясно указывает на исключительно религиозно обоснованный антииудаизм. В определенной мере Шулер шел в традиции христианского антисемитизма, возлагая на евреев вину за смерть Христа. Но в его трактовке они распяли андрогинную сущность, великий источник света. Вторую стадию «еврейской эпидемии» Шулер увязывал с началом Реформации. В своих выступлениях он не раз назвал Лютера евреем. «Внутри высохшей язвы иудаизма возникли: моральная полиция и пасторское государство». «Наследие нового создания ячейки света» (так Шулер назвал Ренессанс) было отравлено евреями. В конце XIX века Шулер почувствовал приближение нового андрогина. Раймонд Фурнесс в своей книге «Дети Заратустры» вполне определенно говорил, что «Шулеру был чужд тогдашний иррациональный пангерманизм. Его „антисемитизм“, хотя и был непростителен, но он, тем не менее, принадлежал к совсем другой категории, нежели гитлеровская ненависть к евреям». Герд-Клаус Кальтенбруннер в своей статье «Альфред

Шулер: между Рильке и Гитлером» также подчеркивает, что Шулер не воспринимал расовый антисемитизм. Вольфганг Фроммель в книге «Альфред Шулер. Следы языческого гнозиса» приводил высказывание еврея Карла Вольфскеля: «Антисемитизм Шулера — это типично гностическая установка… Он хотел спасти европейскую историю и „открытую жизнь" от разрушительной еврейской рациональности и морализаторства, как он полагал, навязанных Яхве. Но был абсолютно чужд вульгарному погромному антисемитизму».

Хотя такое мнение разделяли далеко не все. Например, Вилли Гаас в своей статье «Литературные родоначальники мюнхенского антисемитизма» возлагал именно на Шулера ответственность за геноцид евреев в Третьем рейхе: «Тот, кто занимается изучением истоков антисемитизма во время пребывания Гитлера в Мюнхене, не должен забывать странный эпизод, который произошел в эзотерико-поэтических кругах Германии и элитарном салоне дома Брукмана, крупного книгоиздателя, который начал с самого низменного и вульгарного антисемитизма, что в итоге закончилось уничтожением немецких евреев. Под этим эпизодом мы подразумеваем дружбу Стефана Георге с Альфредом Шулером…» Этому высказыванию вторили и другие исследователи: «Это [национал-социализм] был посев Шулера, который взошел и привел к грехопадению Германии».

Сам Шулер отзывался о евреях как о «сдохшей козлоподобной падали». Козлоподобным, как правило, представляли сатану, а потому демонизация евреев представлялась Шулеру логичным шагом в борьбе между светом и тьмой. Впрочем, несмотря на подобные высказывания, в частной жизни у Шулера никогда не возникало никаких проблем с евреями. Он не возражал, чтобы они присутствовали среди слушателей — хотя очень часто бурно и невыдержанно реагировал на своих чисто немецких последователей.

Глава 3
МИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ДЛЯ КОНКРЕТНОЙ ПОЛИТИКИ

Итак, национал-социализм и Альфред Шулер. На первый взгляд кажется, что между ними нет ничего общего. Но это весьма поверхностное суждение. Почему же тогда немецкие исследователи среди прочих «нацистских пророков» — Отто Рана, Карла Марии Вилигута, Юлиуса Эволы, Гвидо фон Листа, Йорга Ланца фон Либенфельса, Рудольфа Зеботгендорфа — особо выделяют фигуру Альфреда Шулера, помещая ее на первое место в этом списке. На первое место не только по хронологии, но и по значению.

Тема влияния гностицизма на национал-социализм еще ждет своего исследователя. Потребуется, пожалуй, не один год, чтобы осуществить междисциплинарный исследовательский проект, в котором бы самым подробным образом были изучены все следы гностических идей, оказавших влияние на национал-социализм в период его становления и развития. Достаточно даже беглого взгляда на нацистскую элиту, чтобы убедиться в том, что гностические элементы достаточно глубоко проникли в национал-социалистическое движение. При этом не стоит забывать, что гностицизм был всего лишь одним из фрагментов в идеологической мозаике нацизма. Он соседствовал со многими другими факторами, которые превратили германский национал-социализм в некий феномен, легко узнаваемое историческое явление. Здесь можно назвать и социал-дарвинизм, и социально-исторические процессы, происходившие во всем мире, и конкретные условия внутренней и внешней политики Германии в первой трети XX века, и психология масс, и даже биография отдельных из нацистских бонз.

Одна нельзя не отметить, что первые попытки срастить европейское гностическое наследие с расистскими установками было предпринято далеко за пределами Германии. Рано или поздно нам бы пришлось столкнуться с гражданкой США русского происхождения — Еленой Блаватской (1831–1891). Именно она в своей «Тайной доктрине» разработала систему коренных рас. В свое время на нее произвел неизгладимое впечатление вполне безобидный фантастический роман Эдварда Бульвер-Литтона «Грядущая раса». В своей «Тайной

доктрине» Блаватская упоминала эту художественную утопию чаще других произведений. Именно этот роман подтолкнул основоположницу теософии к мысли о создании новой расы: «Оккультная философия учит, что именно сейчас, как раз на наших глазах, происходит создание новой расы и новая раса подготавливается, чтобы уже втайне преобразоваться в Америке». Центральным стержнем ее произведений являлся обзор происхождения человека. Впервые на немецком работы Блаватской были опубликованы в 1903 году. В них рассказывалось о существовании пяти «коренных рас», которые разделились на некоторые подрасовые виды: «Первая раса не имела никакой собственной истории. То же можно сказать и о второй расе. Поэтому, прежде чем начать историческое описание нашей собственной пятой расы, мы должны уделить тщательное внимание лемурам и атлантам». В доктрине Блаватской определенную роль играли и арийцы: «Мы находим последних атлантов, смешавшихся с арийским компонентом 11 тысяч лет до нашей эры. На это указывают огромный охват территории расой, последовавшей за ними». Египтяне, греки и римляне объявлялись Блаватской остатками атланто-арийцев. Блаватская разделяла расы на «высокоинтеллектуальные» и «низшие расы, от которых еще осталось несколько схожих явлений — как быстро вымирающие австралийский аборигены». Именно Блаватская впервые совместила миф об Атлантиде с расовой теорией. Именно она впервые смешала спиритуализм и расизм. Можно говорить о мощном мистическом импульсе в развитии расизма. Именно Блаватская придала ему новое звучание. Использование исторических мифов вызвало к жизни «расовую мистерию».

Но, собственно говоря, что являет собой расизм? Различия людей по их цвету кожи? Или нынешнее понимание расизма не сводится только к физическим признакам? Патрик фон Мюлен дал, наверное, самое исчерпывающее понятие расизма. Расизм определяется как групповой конфликт, в котором индивидууму приписывается действительное или предполагаемое происхождение, а также на основе действительной или предполагаемой наследственности придаются неизменно действующие физические и психические свойства и групповые признаки.

Развивая эту тему, мы неизменно должны были столкнуться с Рудольфом Штайнером, который, сначала являясь теософом, затем разработал собственное учение, названное антропософией. В 1920 году Штайнер опубликовал в берлинском «Теософском издательстве» небольшую книжку, которая называлась «Наши атлантические предки». В ней он собирался изложить тайные знания «Хроники Акаша». Этот мифический документ, который нельзя было найти ни в одной библиотеке, упоминала в «Тайной доктрине» и Елена Блаватская. Так вот, эта хроника определялась теософами как «существующая универсальная душа, матрица Вселенной, магическая мистерия, из которой рождено все». Очень несложно узнать в этих словах уже знакомый гностический мотив, когда из универсальной души рождается все существующее в мире. Так что же сообщает нам Штайнер, ссылаясь на этот таинственный источник? «Предки атлантов жили на исчезнувшей части света, основной участок которой лежал к югу от нынешней Азии. В теософских работах его называют Лемурией. После того, как Лемурия прошла через различные стадии развития, она пребывала в упадке. Ее население стало хиреть. Потомков [этой расы] можно встретить и сейчас в определенных частях света, среди так называемых диких народов… Пока основная масса атлантов пребывала в упадке, некоторые из них произвели так называемых арийцев, к которым принадлежит наша современная человеческая культура. Лемуры, атланты, арийцы являются, согласно тайным наукам, коренными расами человечества». «Посланцы других богов помогали Ману [творцу коренных рас] вывести отдельные жизни и работать над развитием новой расы». «И только из последних двух [рас] Ману действительно смог создать зародыш новой расы. Затем он удалился, чтобы усовершенствовать ее, в то время как другие смешивались с остальным человечеством. От упомянутого небольшого числа людей, которые в последний момент собрались вокруг Ману, затем происходит все, что до нынешних дней

создается истинными зародышами прогресса пятой расы. Однако во всем развитии этой пятой коренной расы можно найти две характерные черты. Одна черта обычно присуща людям, воодушевленным высокими идеями, которые рассматривают себя в качестве детей мирового божественного царства. Другая — проявляется у тех, которые думают только о личных интересах и собственной корысти». Отметим, что здесь велась речь не о трансцендентных сущностях или давно исчезнувших народах и этносах. Штайнер говорил о существующих людях: диких потомках лемуров, носителях культуры — арийцах, расе людей, которая носила в себе зародыши прогресса. Обе группы людей, которые выводились из теософской расовой системы, не сгинули в прошлом, а продолжают существовать и по сей день. По крайней мере, так утверждал Штайнер. В данной ситуации Штайнер видоизменил гностическую схему деления человечества. Он сделал ее дуалистической, разделил людей на две группы. С одной стороны — воодушевленные люди «мирового божественного царства», а с другой стороны — стяжатели прибыли и корыстолюбцы, которых можно интерпретировать как воплощение материи. На основе настоящего или предполагаемого различного происхождения человеческим группам приписывались особые физические (захиревшая раса) и психические (воодушевленные люди) свойства. Если взять приведенное выше определение расизма, то мы обнаружим, что построения Рудольфа Штайнера были типично расистскими. Харальд Штром в своей книге «Гнозис и национал-социализм» комментирует эти мысли Штайнера: «Многие из идей Штайнера были сомнительными, но не опасными, по крайней мере, пока толпа его приверженцев не воспринимала их как бесспорную истину».

Но от теософии отделилась не только антропософия Штайнера, но и ариософия, самым знаменитым представителем которой был австриец Адольф Ланц. Он тоже охотно использовал наследие мадам Блаватской. Несостоявшийся монах, он достаточно рано проявил интерес к гностическим доктринам, перенеся их на языческие тексты, например, скандинавскую Эдцу. В одной из своих статей он писал: «Там [в Эдде] рассказывалось, как Ригр (= Тринг, бог неба) породил от трех различных матерей три различные человеческие расы. Эдда произвела от него расу животных слуг, Эмма, находившая на более высоком уровне — расу крепких крестьян. От Мотир произошли белокурые герои и знать… В обоих мифах [Старшей и Младшей Эдде] основное содержание сведено к следующему: смешивание богов или полубогов с низкой первобытной сущностью». И снова знакомая нам гностическая традиция о трехчастном делении человечества. Но на этот раз деление происходило по расовому принципу, а вовсе не по духовному состоянию людей. Внутренний свет высшей расы был трансформирован во внешние физические признаки: голубые глаза, светлые кудри. Более того, следуя гностической традиции, Ланц требовал стерилизовать всех людей «низшей расы» и выслать их на Мадагаскар. Также он предлагал поработить их и использовать как вьючных животных. В некоторых пассажах он настаивал на их сожжении, что послужило бы жертвой богам во имя приближения расовой чистоты старого человечества. С этой точки зрения крематории концентрационных лагерей представали как некие алтари. Подобно нацистам, Ланц не собирался ограничиваться территорией Германии, его планы выходили далеко за ее границы. «Но это должно продолжаться лишь до тех пор, пока не возникнет новый электрон, новый Грааль, новый род священников… Великие князья, сильные воины, богоугодные священнослужители возникнут из древней священной земли германских богов, которую содомитские обезьяны вновь заковывают в цепи».

Свои творения Ланц публиковал в небольшом журнале «Остара», который назвал по имени языческой богини света. Есть версия, что во время пребывания в Вене Гитлер регулярно покупал этот журнал в газетных ларьках. Когда ему не удалось купить отдельных номеров, то якобы он выписал их по почте непосредственно у Ланца. Тут можно процитировать одно из писем Ланца, датированное 1932 годом: «Знай, что Гитлер — это один из наших учеников. Ты еще испытаешь, как он, а стало быть, и мы, победит и разожжет движение, которое заставит содрогнуться мир». Вильфрид Дайм, автор книги «Человек,

который давал идеи Гитлеру», проанализировал журналы, выпускаемые Ланцем, и пришел к выводу, что в них очень часто встречались несколько искаженные цитаты из Альфреда Шулера, а в некоторых местах Ланц даже делал их эпиграфом: «Надо отметить, что за собственной идеологией Ланца скрывалось не просто извращенное христианство, а даже определенное старохристианское еретическое учение, которое уходило корнями к языческим богам. Это был гностицизм… У Ланца дух стал белокурой расой, а материя расой чандалов (неприкасаемых). Здесь мы вновь встречаемся со старым искушением Запада, со странным гностицизмом».

Новая религиозно-политическая мода не обошла стороной и одного из предшественников национал-социализма, Хьюстона Стюарта Чемберлена. В своей работе «Основы XIX века», опубликованной в 1899 году, он интерпретировал борьбу между гностицизмом и христианством как войну евреев против индогерманцев. Он писал: «Те два основных столпа, на которых христианские теологи первых столетий создали новую религию, были еврейской исторической верой и индоевропейской символической и метафизической мифологией… В христианстве эти чужие друг другу элементы спаялись воедино, что стало результатом беспрерывной борьбы, которая шла на протяжении первых столетий. Самое очевидный вывод, что эта борьба за доминирование шла между индоевропейскими и еврейскими религиозными инстинктами. Она возникает сразу же после смерти Христа. Борьба идет между иудеохристианами и христианами-язычниками. Она вновь пробудилась во время Реформации и длится по сей день, правда, ведется она не в облаках или на полях сражений, а под землей. Неожиданно еврейская религия и еврейское мессианство встали в одни ряд с мистической мифологией эллинского упадка. Они не только не сливаются, но в основных пунктах противоречат друг другу. Возьмем хотя бы представления о Боге: с одной стороны — единый Яхве, с другой — древнеарийское триединство. Или представление о Мессии. С одной стороны — ожидание героя из колена Давида, который завоюет евреям мировое господство. С другой стороны — облаченный в тело Логос, который продолжает метафизические умозрения, которыми греческие философы занимались за 500 лет до Рождества Христова». Чемберлен последовательно упорядочивал свою систему в неком семантическом порядке: в одном поле — евреи, иудеохристиане, мировое господство, а в другом — индогерманцы, индоевропейцы, символическая и метафизическая мифология и греческое языческое познание. Примечательно, что в этой книге глава, посвященная религии, открывается цитатой из персидского пророка Заратустры. В одной из сносок Чемберлен давал также указание на греко-еврейский конфликт в творчестве Харнака. Адольф фон Харнак читал лекции о влиянии гностицизма на ранее христианство, а также написал несколько публикаций о гностике Маркионе.

Нам уже известно, как Шулер и Ланц инфицировали Гитлера вирусом гностицизма. Подобной участи не миновали и другие «коричневые бонзы», вспомним хотя бы Рудольфа Гесса. Но ярче всего признаки гностической эпидемии проявились у Альфреда Розенберга. В своей книге «Миф XX века» Розенберг заявлял, что слова Ахурамазды, сказанные Заратустре: «Только один раз в году видно, как заходят и восходят звезды, луна и солнце, а жители считают год днем», надо трактовать, как далекое воспоминание о северной родине персидского бога. Именно там, на Крайнем Севере, располагалась, по мнению Розенберга, Атлантида, из которой «лучами расходились отряды воинов как первых свидетелей все вновь и вновь воплощающейся нордической тяги к дальним странствиям с целью завоеваний и организации новой жизни». И далеко не случайно в «Мифе XX века» чуть ли не самым главным действующим лицом является «блаженный мастер» Экхарт — приор-доминиканец, который в течение своей многолетней жизни проповедовал о несозданном и несоздаваемом свете души.

Но вернемся к Розенбергу. В 1934 году он был назначен Гитлером особым уполномоченным по вопросам общего и мировоззренческого обучения и воспитания в

НСДАП. Должность, если честно, крайне невыгодная. Розенберг был, по сути дела, министром без портфеля. Его влияние в аппарате нацистской партии было незначительным. Но, несмотря на это, не стоит недооценивать его значение, ведь Розенберг был редактором официального печатного органа НСДАП — «Фёлькишер беобахтер». Кроме того, его «Миф XX века» к 1944 году был издан тиражом более 1 миллиона экземпляров. Фактически это была вторая по значимости (после «Майн кампф») книга Третьего рейха. Сам Розенберг в 1937 году так отзывался о своей личной роли в национал-социалистическом движении: «Моя персона была воплощена в имперской программе: мое „частное мнение‟ должно было объяснить принципы всей революции, осуществленной фюрером». Розенберг, подобно своему тезке Шулеру, частенько бывал в доме издателя Брукмана. Подобно Шулеру, Розенберг проявлял неподдельный интерес к катарам. «История альбигойцев, вальденсов, катаров, манихеев… описывает, наряду с историей мучеников свободного исследования и изображением героев нордической философии, поднимающуюся картину гигантской борьбы за ценности характера, т. е. за те интеллектуально-духовные предпосылки, без осуществления которых не было бы западной, не было бы народной цивилизации. Тот, кто сегодня посмотрит на демократизированную, неверно управляемую хитрыми адвокатами, ограбленную еврейскими банкирами, духовно богатую и, тем не менее, истощаемую прошлым Францию, тот едва ли сможет представить себе, что эта страна с севера до самого юга находилась в центре героических боев, которые в течение половины столетия создавали образы храбрейшего типа, и которые в свою очередь разжигались героически настроенными мужчинами. Кто из „образованных‟ знает сегодня действительно что-либо о готической Тулузе, развалины которой и теперь могут многое рассказать о гордом человечестве? Кто знает великие господствующие кланы этого города, которые в кровавых войнах были уничтожены, истреблены? Кто пережил историю графа Фуа, замок которого сегодня превратился в жалкую груду камней, деревни которого стоят опустошенные, земли которого заселяются только бедными жителями?»

Розенберг непосредственно связывал европейских еретиков с вестготами. Действительно, во время великого переселения народов германская ветвь вестготов оказалась в Южной Франции, оплоте катаризма. Более того, географический центр этих «иммигрантов» лежал в районе Тулузы.

Автор «Мифа» яростно нападал на католицизм, который организовал внутренние крестовые походы. «Но то, что в этой борьбе погибло, что вызвало изменение расового типа и характера, именно это и не было рассмотрено настоящими историками. Но сегодня просыпается новая вера, миф крови, вера в защиту вместе с кровью вообще божественной сущности людей. Олицетворяющая светлое знание (!) вера в то, что нордическая кровь представляет собой таинство, которое заменило и победило старое причастие. Если мы заглянем в самое далекое прошлое и в самое последнее настоящее, перед нашим взором развернется следующее многообразие: арийская Индия подарила миру метафизику, глубина которой не достигнута и сегодня; арийская Персия сочинила нам религиозный миф, сила которого подпитывает нас и сегодня». «Нордическое духовное наследство заключалось, в самом деле, в осознании не только богоподобна человеческой души, но и ее равенства Богу. Индийское учение о равенстве Атмана с брахманом „Бытие. это вселенная, потому что он сам вселенная‟ — было первым признанием этого. Персидское учение о совместной борьбе человека и светлого Ахурамазды показало нам строгую точку зрения нордических иранцев».

Главный идеолог Третьего рейха пошел по пути Шулера и в «Мифе XX века» объявил, что божественный свет располагается в человеческой крови. Различие состояло только в том, что Розенберг видел «божественную сущность крови», зависимой не от человеческих «классов», а от человеческих рас. В подтверждение этого он фактически идентифицировал вестготов с катарами. В заключительной главе «Мифа XX века» Розенберг вообще прибегал к терминологии Шулера: «Вокруг центра народной и расовой чести должны сплотиться

личности, вокруг того таинственного центра, который издавна оплодотворял ритм германского бытия и становления, когда Германия обращалась к нему. Это то благородство, та свобода мистической души, сознающей честь, невиданно широким потоком принесшей себя в жертву, перейдя границы Германии и не требуя никакого „заместительства". Отдельная душа умирала за свободу и честь своего собственного возвышения, за свою народность. Эта жертва одна может определять ритм будущей жизни немецкого народа, культивировать новый тип немца. При строгом сознательном отборе теми, кто его изучил и жил им. Этот старо-новый миф приводит в движение и обогащает уже миллионы человеческих душ. Сегодня тысячью языками он говорит, что мы не „кончились в 1800 году", а с возросшим сознанием и взволнованной волей впервые хотим стать самими собой как целый народ — единый с самим собой, чего добивался мастер Экхарт. Миф для сотен тысяч душ является не чем-то, что отмечают в качестве курьеза с ученым зазнайством в каталогах, а новым пробуждением, образующим ячейки духовного центра».

Также вспомним, что Шулер в начале всего располагал мировую космическую культуру, которая породила человека из света, «ячейки эссенции». В итоге жизнь, порожденная из света, сама продуцировала свет. Реформация, по Шулеру, «отравила» свет, который пробудился во время Возрождения. Розенберг словно продолжал фразу Шулера и заявлял, что национал-социализм был символом поворота к свету, к возрождению новой «клетки». «В его мистическом символе происходит новое построение клеток души германского народа». Разумеется, в центр этого процесса он ставил чисто биологический аспект. «Отдельная душа умерла… для народности», для «центра народной и расовой чести». Упомянутый им центр являлся телом народа, роль души была фактически сведена до минимума.

Как мы заметили, Розенберг в первую очередь прибегал к расово-биологическим аргументам, и лишь затем к чисто религиозным. В данной ситуации не могло быть и речи об изначальном понимании гностицизма. В итоге Розенберга можно рассматривать как одного из создателей вторичного гностицизма, его секуляризованного варианта. Во время становления гностицизма существовало две модели мистического взаимодействия: небо — земля и земля — преисподняя. В национал-социалистическом варианте возникла новая модель гностицизма: земля — земля. Сугубо метафизическое понятие «плерома» ассоциировалось с абсолютно реальным праисторическим государством, в котором господствовали расово чистые атланты-арийцы — протогерманцы. Свет крови обретал здесь вполне четкие очертания. Искра души, находившаяся в крови, становилась реальной биологической наследной субстанцией. Утрата изначального райского, доисторического состояния произошла из-за смешения с низшими расами, которые не являлись носителями света. И чем дальше происходило смешение, тем меньше становилось света в крови. В то время как «настоящие» гностики для того, чтобы воссоединиться со светом, ожидали смерти, национал-социалисты решили прибегнуть к позитивной и негативной евгенике. Чтобы избегать нового нашествия мрака, надо было всего лишь уничтожить его носителей. Только при этом условии чистота света мота сохраняться почти вечно.

Новая мода на гностицизм быстро охватила весь фёлькише-националистический лагерь. Иероним Эккехард в своей статье «Дуализм и гнозис в фёлькише движении» делал следующий вывод: «Дуализм как расовая двойственность, как двойственность духа в борьбе между собственной и чужой душой, как тайное гностическое знание, поднимающееся из глубин души, крови божественных искр света, спущенных на сдерживающую материю, будет возрождаться вновь и вновь. И снова будут возникать тайные организации и союзы, единственно претендующие на правильное понимание мировой действительности».

Интерес к катарам и гностицизму не ограничивался Гитлером, Гессом и Розенбергом. Пожалуй, самым известным исследователем катарского вопроса был эсэсовец Отто Ран. Собственно, и Ран не был уникумом. В СС вопросами гностицизма занималось несколько структур. В федеральном архиве ФРГ сохранилась переписка офицеров СС. Так вот, в ней

есть несколько писем, из которых становится ясно, что в 1943 году руководство эсэсовского исследовательского общества «Наследие предков» («Аненэрбе») установило контакты с дивизией ваффен-СС «Принц Ойген». В самом этом факте ничего удивительного нет, если бы не повод для подобных контактов. Речь шла о получении «Наследием предков» контроля над могилами богомилов (балканских предшественников катаров), которые находились на территории Герцеговины. Само руководство «Аненэрбе» фактически ставило знак равенства между богомилами и готами, к которым проявляло весьма повышенный интерес. Имперский руководитель «Наследия предков», Вольфрам Зиверс, писал по этому поводу: «Богомилы и их могилы в Боснии, Герцеговине, Черногории и Северной Албании являются предметом изучения уже около 60 лет. Фотографии установленных погребений богомилов большей частью уже опубликованы. Связь между сектой богомилов и готами очевидна. Религия богомилов появлялась повсюду, где однажды возникали поселения готов». «Наследие предков» намеревалось провести собственные исследования богомильских захоронений, которые планировалось осуществить под руководством доктора Райсвица, «очень подходящего человека, который уже на протяжении 20 лет занимался изучением богомилов». На это письмо ответил один из сотрудников личного штаба рейхсфюрера СС, Генриха Гиммлера: «Рейхсфюрер СС подчеркнул, что имеются сведения о связи между богомилами и катарами». Как следует из переписки, Гиммлер проявлял повышенный интерес к богомилам. Только этим можно было бы объяснить, что впоследствии по его инициативе в «Народном художеством издательстве» было отпечатано 100 тысяч (!) открыток с изображением уже упоминавшихся захоронений. Интересна подпись на этих открытках: «Могилы немецких героев — могилы солдат из Ваффен-СС наряду с хорватскими погребениями VII–IX веков, на которых изображены руны и свастики». Генриху Гиммлеру показалось, что подобной инициативы недостаточно, и он потребовал, чтобы эти открытки были напечатаны на самой лучшей бумаге. В сентябре 1944 года рейхсфюреру СС показали пять вариантов этих открыток.

Когда мы изучаем гностические следы в нацистской идеологии, то никак нельзя отстраняться от специфических нацистских культов. О свастике даже не приходится говорить. Она применялась фактически повсюду. Когда Шулер фактически впервые ввел ее в употребление, то он даже предположить не мог, что этот символ приживется фактически во всех теософских и ариософских группах, положив начало новому культу. Символика мистического света не исчерпывалась изображением свастики. Возьмем хотя бы «собор света», созданный Альбертом Шпеером в 1936 году на Нюрнбергском съезде нацистской партии. «Собор» был создан при помощи 130 прожекторов, которые выбрасывали мощный свет на восемь километров в небо. Под куполом из его лучей уместилась фактически четверть миллиона людей. Редактор одной из ежедневных газет писал об этом событии как о «часе благоговения нацистского движения»: «Над полем возник готический собор из света. Это мечта или реальность? К бескрайним лучам света взлетают слова клятвенной песни. Это поют ученики ордена. Это гигантское благоговение дает всем собравшимся здесь новые силы. В этот час благоговения море света защищает нас от темноты, находящейся снаружи».

Очевидец этого события Ина Зайдель даже сочинила стихи:

Этот собор, построенный из ясного огня,
Не меньше, чем замок из стали и камня,
Не он ли должен быть святыней
Дорогой для нас, вечной Германии,
Являя собой новую картину смысла?

Глава 4
ПО ТУ СТОРОНУ «ВАЛЬКИРИИ»

В событиях антигитлеровского заговора 1944 года на первый взгляд нет ничего мистического и потустороннего. Однако, обращая внимание исключительно на политические

моменты, историки оставляют за бортом некоторые детали биографии полковника Клауса фон Штауффенберга, который занимался разработкой так называемого плана «Валькирия». Попытаемся заново взглянуть на этого человека, сыгравшего едва ли не центральную роль в запланированном покушении на Гитлера.

Клаус фон Штауффенберг появился на свет 15 ноября 1907 года в аристократической семье, которая считалась плоть от плоти кайзеровской империи. В его семье было несколько братьев. За два года до рождения Клауса на свет появились братья-близнецы Бертольд и Александр. Отцом трех братьев был граф Альфред Шенк фон Штауффенберг, а матерью — графиня Каролина (в девичестве фон Юкскюлль). Штауффенберги, считавшиеся одной из знатнейших семей в Южной Германии, традиционно были католиками, хотя Каролина фон Юкскюлль была протестанткой. Еще во времена Средневековья представители правящей династии Гогениггауффенов пожаловали представителям этого рода статус «свободных имперских рыцарей», что было много почетнее, нежели простой дворянский титул. В 1874 году прадед Клауса, барон Франц Людвиг Шенк фон Штауффенберг, был советником баварского короля Людвига II. В указанный год барону должно было исполниться 70 лет. Баварский монарх поинтересовался у барона фон Штауффенберга, который уже четверть века исполнял обязанности главы баварского парламента, что бы тот хотел получить в качестве признательности за свое верное служение. Франц Людвиг попросил титул графа, хотя подобные титулы в большей мере были распространены в Британии, а не в Германии.

Отец Клауса, граф Альфред фон Штауффенберг, был командующим баварского полка Св. Георгия, а кроме всего прочего являлся майором кавалерии в Вюрттемберге. Это герцогство в ходе Наполеоновских войн получило статус королевства, после чего было включено в состав Швабии. В рамках созданной Бисмарком империи правитель Вюрттемберга формально сохранил свой трон и условную независимость. В период до начала Первой мировой войны Альфред фон Штауффенберг был кроме всего прочего сенатором в суде вюрттембергского монарха. После революции 1918 года монархия в Вюрттемберге была упразднена, а граф Альфред фон Штауффенберг утратил все свои официальные посты и титулы. Впрочем, это не мешало ему служить Вюрттембергу уже в качестве свободной земли Германии. Очевидцы описывали его как «набожного, но не политизированного католика», консервативного аристократа, эксперта по вопросам протокольных дел и церемоний. Близкие же люди знали его как искусного садовника. В отличие от многих представителей немецкой аристократии граф Альфред не стеснялся своего увлечения, и даже пытался иронизировать, когда слышал шутки по этому поводу.

Мать Клауса фон Штауффенберга была придворной фрейлиной при вюрттембергском дворе. Многие характеризовали ее как исключительно мечтательную, романтическую, не приспособленную к повседневной жизни женщину. Ее отличительной чертой было страстное увлечение Шекспиром и поэзией немецких романтиков XIX века. В них она искала спасения от скуки церемоний, вплоть до начала XX века царившей при дворе вюрттембергских монархов. До самого момента крушения немецких монархий в 1918 году (прусская, баварская, вюрттембергская) семья Штауффенбергов проживала в Штутгарте, в королевском дворце, где занимала несколько комнат на втором этаже. После революции они перебрались в родовое имение Лаутлинген, располагавшееся в 70 километрах к югу от Штутгарта на берегу озера Констанц. Имение и находившаяся рядом деревня выступали в роли некого «пограничного поста» в ущелье, ведшем через Швабские Альпы. Несмотря на то что поблизости располагалась железная дорога, а река была судоходной, этот пейзаж можно было без преувеличения назвать типичной швабской пасторалью. Повсюду были раскиданы яблочные сады, а на лугах паслись неизменные для тех мест коровы. На удаленных отрогах гор и на холмах можно было увидеть стены и башни древних замков. В этих краях в архитектуре господствовал так называемый «альпийский стиль» с характерными для него элементами: балконами, деревянными ставнями, крутыми крышами. Ядро поместья

Штауффенбергов образовывал небольшой замок, который был построен еще в XIX веке. Он возник на месте более древнего замка, фрагменты стен которого можно увидеть до сих пор. Именно в этих пейзажах провел большую часть своего детства и юности Клаус фон Штауффенберг.

Во время своего редкого пребывания в Штутгарте юный Клаус обучался в гимназии Эберхарда-Людвига. Это учебное заведение было известно не только своей историей, насчитывавшей почти три века, но и углубленным преподаванием гуманитарных предметов. В учебном плане большое внимание уделялось не только изучению Гомера, Платона, Шекспира и Гёте, но также поэзии Стефана Георге. По воспоминаниям современников, Клаус фон Штауффенберг был болезненным мальчиком, которого часто мучили головные боли и различного рода простуды. Именно по этой причине большую часть своей юности он провел в родовом имении, где его обучением занимались специально нанятые учителя.

Теодор Пфицер познакомился с Клаусом в 1918 году, когда мальчику было всего лишь 11 лет. Несмотря на разницу в возрасте, Клаус обучался в том же самом классе, что и его старшие братья — Бертольд и Александр. Теодор и Клаус быстро подружились. Эту дружбу укрепляло то обстоятельства, что позже оба юноши стали своего рода учениками Стефана Георге. В 1957 году Теодор Пфицер издал мемуары, в которых описал свою дружбу с Клаусом фон Штауффенбергом. Именно он одним из первых отметил некую мистическую привязанность братьев Штауффенбергов к швабским пейзажам: «Братья буквально росли на этой почве и цвели от этого воздуха». Отдельное восхищение у них вызвало то, что в швабских ландшафтах «черпали свои силы» Шиллер, поэт Фридрих Гёльдерлин и писатель-новеллист XIX века Эдуард Мёрике. В своих воспоминаниях Пфицер описал прогулки с братьями по холмам. Он вспоминал, что Клаус испытывал неимоверную привязанность к местности, которая называлась Торфельзен (Скальные двери). Это был горный хребет, лежавший к югу от имения Штауффенбергов. Его скалы утопали в буковых рощах. «Здесь мы говорили о будущем, о болезненном развитии новой Германии, о задачах государства, о своих надеждах и мечтаниях».

Любовь к швабским пейзажам можно было отнести к простым романтическим увлечениям юности. Однако этот момент представляет особый интерес, так как именно здесь происходило осознание юным Клаусом своей принадлежности к аристократии, к германской благородной касте. Для него принадлежность к аристократии была не просто высоким социальным статусом, но необходимостью осознания своей особой миссии. И эта миссия была связана со служением и долгом. В 1934 году, когда Клаусу фон Штауффенбергу уже было 27 лет, он написал одному из кузенов своей супруги: «Истинное аристократическое поведение, которое для нас должно являться важнейшей вещью, определяется служением государству. При этом данное служение необходимо вне зависимости от выбранной профессии». Именно в этом отношении крылись различия между германской и британской аристократией. Немецкие дворяне никогда не были богатыми в смысле стяжания богатств. Их стремлением было образование и служение. Уже после войны один из знакомых Штауффенберга, лейтенант Эвальд фон Клейст, заявил: «Англичане, которые создали колониальную империю, стремились на службу, чтобы обогатиться и сделать свою семью богатой буквально за несколько поколений. Немцы шли на службу, не ожидая особых богатств». Поначалу принцип аристократического служения был воплощен в монархической системе. Однако крушение монархии лишило немецких аристократов смысла указанного служения.

Если же говорить именно о Клаусе фон Штауффенберге, то он осознавал свою аристократичность не только через служение и ответственность, но и через специфическое понимание прошлого. Чтобы лучше проиллюстрировать эту мысль, имеет смысл сослаться на эссе, которое в 1936 году написал Томас Манн. В нем великий немецкий литератор говорил о «мифическом сознании, как специфической разновидности менталитета, через который люди определяли сами себя». Люди с мифическим сознанием склонны изучать прошлое страны и

ее историю, чтобы подобрать себе модели для поведения. Вызовам, которые являло настоящее, предполагалось противостоять при помощи «освященного временем контекста». Томас Манн не раз цитировал Наполеона, который идентифицировал себя с великими правителями и полководцами прошлого. «Он весьма сожалел о том, что дух эпохи запрещал ему провозгласить себя сыном Юпитера… Но едва ли подлежит сомнению, что во время восточного похода он нередко путал себя самого с Александром Великим. Когда же он обращал свое оружие на запад, то говорил: „Я — Карл Великий‟. Обратите внимание, что он не говорил „Я похожу на Карла Великого‟ или „Ситуация, в которой я оказался, напоминает Карла Великого‟. Он говорил, что он и был Карлом». Подобного рода мифические сопоставления были характерны для всех времен и всех стран. Например, Генрих Гиммлер считал себя реинкарнацией короля Генриха Птицелова. Маргарет Тэтчер хотела, чтобы ее сравнивали с Елизаветой I Английской. Билл Клинтон всячески намекал на свою схожесть с Джоном Кеннеди. Подобных примеров можно привести великое множество.

Надо отметить, что все трое братьев Штауффенбергов были не просто аристократами, но людьми, с головой погруженными в искусство. Они много. читали, рисовали. У них дома постоянно проходили музыкальные вечера. Клаус играл на виолончели, Бертольд — на фортепиано, Александр — на скрипке. Некоторое время Клаус фон Штауффенберг даже вынашивал мечту стать профессиональным музыкантом или композитором. В возрасте 18 лет он поменял свои интересы и задумал стать архитектором. Нельзя не отметить, что после крушения монархии граф Альфред фон Штауффенберг решительно отказался ходить в театр, так как тот именовался республиканским. Впрочем, это не помешало его сыновьям стать заядлыми театралами. Они даже некоторое время ходили в театральную студию. Известно, что они поставили небольшую пьесу — Александр играл Цезаря, а Бертольд — Брута. Клаус же сыграл роль в достаточно провокационной постановке, в которой самым новаторским способом использовался «Вильгельм Телль» Шиллера. Кроме этого все трое братьев принадлежали к молодежному движению «Перелетные птицы», в котором культивировался романтический национализм. Именно во время одного из туристического походов, которые предпринимались в рамках «Перелетных птиц», братья познакомились с поэзией Стефана Георге и завели разговор о его творчестве. Сейчас большинству отечественных читателей фигура Стефана Георге известна только потому, что в его кружок входил Райнер Мария Рильке. Однако в Германии того времени был более популярен все-таки Стефан Георге. В Рильке видели всего лишь австрийца богемского происхождения. Нельзя не отметить, что вся поэзия Георге была пропитана глубокой мистикой, что можно воспринимать как влияние Альфреда Шулера. Являясь выходцем из кружка мюнхенских космистов, Стефан Георге постоянно прославлял пантеистическую юность.

В молодежной среде Германии 20-х годов XX века Стефан Георге ценился много выше, чем Гёте, Новалис, Герман Гессе или Гейне. С мистической точки зрения, творчество Стефана Георге являло собой смесь из германских легенд и классической греческой мифологии. Вне всякого сомнения, Штауффенберги были околдованы этим поэтом и его идеями. Так, например, на Рождество 1922 года Клаус фон Штауффенберг украсил помещение школьного класса не привычной елкой, а изображением германского «дерева света», что должно было отсылать к легендам об Ирминсуле. Кроме этого Клаус пытался во всем походить на богемного литератора. Он специально не брился, отрастил длинные волосы. Сохранилось описание Штауффенберга тех лет, которое сделал один из членов кружка Стефана Георге, Людвиг Тормелен. «Стремительный ум, быстрые действия, способность поступать вне зависимости от своих эмоций — именно в этом проявлялся Клаус. Возможно, он не обладал мистической углубленностью, как Бертольд, не был разносторонне развит, как Александр, но ему не были ведомы запреты. Он был чист, силен. В нем были органичным образом уравновешены разные черты характера, что позволяло ему быть воплощением отчаянной, деятельной мужественности».

5 марта 1926 года Клаус фон Штауффенберг сдал государственные экзамены, которые позволяли ему продолжить обучение в высшей школе. Он уже решил отказаться от карьеры композитора или архитектора — Клаус остановил свой выбор на военном ремесле. Это решение стало огромной неожиданностью и для родственников, и для его друзей. Более того, против этого стал даже возражать его отец — граф Альфред фон Штауффенберг. Если бы в Германии существовала монархия, то Штауффенберг-старший не сказал бы ни слова. Но он до глубины души презирал Веймарскую республику, а потому не хотел, чтобы ей служил младший сын. Но Клаус решил не отступать, в очередной раз продемонстрировав не только твердость характера, но и некоторое высокомерие. Он хотел командовать людьми, так как полагал, что мог принимать решения и нести за них ответственность. Не исключено, что на этот выбор повлиял Стефан Георге. Братья Штауффенберг стали членами кружка Георге в 1923 году. Тогда Клаусу было всего лишь 16 лет. Но именно знакомство и общение с Георге стало самой яркой страницей в его юности, настолько яркой, что она предопределила всю его судьбу. Упоминавшийся выше Людвиг Тормелен писал: «Решающим фактором в жизни Клауса фон Штауффенберга стали отношения со Стефаном Георге и люди, окружавшие поэта».

Сразу же надо оговориться, что в Германии и Европе Стефан Георге имел более чем неоднозначную репутацию. С одной стороны, он считался величайшим из живущих немецких поэтов. Принимая во внимание мистицизм Георге, который во многом был почерпнут у Альфреда Шулера, многие видел в нем «литературного мага», пророка, гуру, оракула, который был готов формировать новую интеллектуальную элиту. В Берлине, в Мюнхене и Гейдельберге Стефан Георге основал собственные кружки, в которые привлекал молодых людей. Он полагал, что из этой молодежи должна была вырасти новая элита — будущее Германии. Собрания кружков мало походили на традиционные литературные вечера. Они больше напоминали ритуалы тайных обществ, где каждое действо обладало своим потаенным смыслом. Однако надо отметить, что почти те же самые моменты могли выступать в качестве поводов для обвинения. Профессор Э. К. Беннет в своей работе, посвященной Стефану Георге, писал: «Он был буквально одержим идей заполучить власть над молодыми умами. Эта идея выражалась в практике жесточайшей дисциплины, которую надо было блюсти в личной жизни». Стефан Георге даже не пытался скрывать своего высокомерия, а всех прочих писателей и поэтов не считал творцами. Претендуя на то, что только вокруг него формировалась истинная «духовная аристократия» или «аристократия духа», он никак не мог заработать симпатии со стороны левой интеллигенции. Георге ожесточенно критиковали и Эрнст Толлер, и Альфред Дёблин, и Генрих Манн, и только-только получивший известность Бертольд Брехт. Среди приверженцев традиционной литературы Георге считали слишком сложной, почти непостижимой фигурой, а потому также предпочитали держать дистанцию. Аналогичная ситуация наблюдались и со сторонниками «эгалитарного эзотеризма». Рудольф Штайнер не без некой зависти говорили о Стефане Георге, что тот создал «собственное интеллектуальное царство». Штайнер, конечно же, симпатизировал поэту-мистику, но Георге предпочитал не слиппсом-то сближаться с создателем антропософии. Они несколько раз встречались в Лондоне, но Георге постоянно вел себя как «надменный обитатель Олимпа». Эти черты характера можно обнаружить почти на всех фото, на которых был запечатлен Стефан Георге. Впрочем, репутации Георге много больше вредили слухи о его возможном гомосексуализме. Подобные обвинения не были ни подтверждены, ни опровергнуты. Можно однозначно утверждать лишь одно — в окружении Георге почти не было женщин. Однако нельзя отрицать того факта, что в массовом сознании совершение таинственных обрядов должно было сопровождаться сексуальными оргиями, а потому во многом подобного рода обвинения могут быть надуманными.

Сам же Стефан Георге не предпринял ни одной сколько-либо заметной попытки опровергнуть эти слухи. Казалось, что они льстили ему. Однако не все слухи были пустыми

домыслами. Действительно, кружок Стефана Георге являл собой разновидность мистического культа, а ученики поэта приносили подобие клятвы. Попав в кружок, все его члены обращались к Георге не иначе как «мастер». Сам «мастер» был вправе вмешиваться в личную жизнь любого из своих «учеников». Решения были окончательными и обсуждению не подлежали. Детали этого культа так и остались невыясненными, так как все «ученики» обязались хранить основы их учения в тайне. Сохранилось лишь несколько небольших описаний практиковавшихся ритуалов. В основу их было положено чтение поэзии «мастера». Вся эта церемония сопровождалась воскурением ладана. Георге сидел во главе длинного стола. «Ученики» по очереди читали его поэмы. На этом сходство с тайным обществом не заканчивалось. Чтобы попасть в кружок Георге, надо было пройти сложную процедуру. Вначале надо было сочинить «достойное» стихотворение или поэму, и только если это произведение понравилось «мастеру», то желавший стать «учеником» проходил обряд инициации. Все члены кружка Георге получали новые, ритуальные имена. В них должны были отражаться особенности того или иного человека. Исключение составлял лишь Клаус фон Штауффенберг. Он был единственным из «учеников» Стефана Георге, которому было решено оставить собственное имя. В ритуальной практике кружка использовался специальный язык, который, как считалось, был выдуман самим Стефаном Георге. По своему звучанию он напоминал испанскую или португальскую речь.

Едва ли Стоит удивляться тому, что графиня Каролина, осведомленная о подобных слухах, была обеспокоена судьбой своих сыновей. Она даже решила специально познакомиться с поэзией Стефана Георге. Однако это знакомство не принесло в материнское сердце успокоения. Сначала она решила нанять частного детектива. Затем она лично направилась в Гейдельберг к Георге. Она хотела собственными глазами убедиться в том, что «мастер» не развращал ее детей. Неизвестно, о чем говорили «мастер» и графиня, но обратно Каролина фон Штауффенберг вернулась не просто успокоенной, но даже воодушевленной. Отныне она сообщала всем окружающим, что едва ли можно мечтать о лучшем наставнике для ее сыновей. Они попали в число «учеников» в 1923–1924 годы. Все они знали множество стихотворений «мастера» наизусть. Не стоит полагать, что присяга, данная Георге, ничего не значила для трех братьев. Бертольд почти по всем вопросам испрашивал разрешения Стефана Георге. Дело доходило до того, что он даже осведомлялся насчет разрешения направиться в Париж (это произошло в 1927 году). В 1931 году Бертольд решил без разрешения «мастера» вступить в брак. В скором времени он был вызван в Швейцарию, где проживал скрывавшийся от немецких властей Георге. Вернувшись домой, Бертольд фон Штауффенберг был вынужден развестись. Он вновь женился на своей возлюбленной только после того, как скончался Георге. Один только этот факт указывает, насколько велико было влияние поэта-мистика на братьев-аристократов.

Если говорить о мистике Георге, то она ярче всего выразилась в стихотворении, посвященном «тамплиерам».

Мы золотого века бег и свет —
Отвергнутый толпой во мраке лет.
Мы — Роза: мы любви пречистой весть.
Мы — Крест: наш долг легко страданье несть.
Мы в тишине безвестности идем,
Во тьме владеем прялкой и копьем.
А в час — когда в испуге трон трещит,
Народ ведем мы, взяв и меч и щит.
Не следуя обычаям людей,
Не знаем ни забот их, ни затей.
Их ненависть сильна… Но в тяжкий год —
Поверьте: зло — лишь смерч любви спасет.

А то что взяли мы в бою мечом
Расхитят люди — все им нипочем!
И тот — чья в гневе нас карала власть,
Во прахе пред младенцем может пасть.
Свет Божьих глаз, что не затмила плоть,
Когда являлся в рубище Господь,
Скрываем мы стыдливо от толпы —
Но красит чернь своих святых столпы.
Мы — соками чужих корней сильны:
От нас родятся новые сыны —
Гореньем духа знаменит наш род,
Не одряхлеет он, не отомрет.
И всех великих перемен дела
Лишь тамплиеров рать свершить могла,
Народ нас призывал в свой смутный час,
А после проклинал во злобе нас.
И если Пряха-Вечность к роднику
Прильнет, уставши на своем веку —
Предаст дела земли, чтоб кануть в ночь,
Лишь мы сильны — и сможем ей помочь.
Ее заставить — за косу схватить:
Пускай живую жизненную нить
Нам подчинясь — она бессменно ткет.
Божественный во чреве зреет плод.

Конечно, за событиями лета 1944 года можно видеть всего лишь военный заговор, преследовавший политические цели. Но в любом случае нельзя не учитывать, что вовлеченные в заговор братья Штауффенберги были членами мистической организации, члены шторой поклялись не разглашать сути своего учения. Впрочем, Штауффенберги были отнюдь не единственными мистиками, которые хотели устранить Гитлера.

Глава 5
ТАЙНЫЙ ФРОНТ ИЛИ ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО?

Во второй половине XIX века на территории Центральной Европы (прежде всего Германии и Австрии) происходили странные, на первый взгляд, процессы. Древнее религиозно-мистическое направление гностицизм смешивалось с современными (на тот момент) теориями научного познания. Как уже говорилось выше, древние гностики полагали, что основой гнозиса (познания) должен являться божественный свет, искры которого могли быть заронены в человеческую душу. Поиск этого божественного света в собственной душе, ее познание и дало название гностицизму. Со временем некоторые из гностических школ пришли к выводу, что люди делились на три группы. Деление производилось с учетом того, сколько света было в душе того или иного человека. К первой группе принадлежали люди, в чьих душах было много света. Ко второй — люди с незначительным душевным светом. К третьей группе относили тех людей, в чьих душах совершенно не было света. Обычно таковыми были убежденные материалисты, которые пребывали во власти «мира сего».

В конце XIX столетия подобное деление стало применяться не в отношении отдельных людей, а в отношении наций и человеческих рас. Большая часть приверженцев ариософии заявляли о том, что белокурые и голубоглазые нордиды были больше других приближены к Богу — они являлись носителями света. Метисы и смешанные народы (по их мнению) в значительной мере утратили божественный свет. В различных трактовках приверженцами исключительно материальных благ провозглашались либо евреи, либо негры. Именно в их душах якобы царила вечная тьма. Таким образом, сугубо духовное учение, которым, по сути,

являлся гностицизм, выводило на вполне физические практики, предполагавшие селекцию человеческого вида. Ярче всего подобное смешение идей прослеживалось в мировоззрении Ланца-Либенфельса, который в начале XX века создал на территории Австрии «орден новых тамплиеров». Предложенные Ланцем-Либенфельсом идеи были взяты на вооружение в Германии так называемым «Германским орденом». Эта организация стала прародительницей общества «Туле». Впрочем, «Германский орден» дал начало не только этому обществу.

В 1910 году в кёнигсбергский филиал «Германского ордена» вступил некий Курт Пельке, который позже стая известен мистически настроенной публике под псевдонимом Вайсхаар[3]. По прошествии нескольких лет Пельке основал собственную организацию, которую назвал «Союз благих», позже она была переименована в «Союз гуотов». В отличие от множества ариософских объединений, которые действовали на территории Германии, «Союз благих» не был карликовой сектой, не имевшей никакого влияния на общественную жизнь. Сделав объектом приложений своих усилий Восточную Пруссию, «Союзу благих» удалось добиться определенных успехов. Например, на пике своего развития в нем состояло около 3 тысяч членов. Уже в годы национал-социалистической диктатуры сотрудники Главного управления имперской безопасности считали, что тому моменту, когда Гитлер пришел к власти, «вне всякого сомнения» «Союз гуотов» включал в себя целый ряд организаций: «Орден немецких господ», «Союз немецкой самообороны», «Народный союз немецкой победы», объединение «Борнштайн», Союз исследования истории древней Пруссии, патриотическое объединение «Прегель», клуб «Двойная голова», Союз народных игр и физических упражнений, KKS, Стрелковый союз «Треф 12».

Некоторое время Пельке даже пытался заключить союз с набиравшей силу Национал-социалистической партией. В 1928 году гауляйтер НСДАП по Восточной Пруссии вел с Куртом Пельке переговоры о возможности заключения «соглашения в пользу Национал-социалистической партии». В итоге был заключен «союз на условиях взаимного благожелательного нейтралитета» (по крайней мере, об этом сообщал один из «благих» — Ширмер). Этот «пакт о ненападении» просуществовал не слишком долго. 4 марта 1929 года Пельке разослал членам своей организации директиву, в которой сообщал, что те могли вступать в Национал-социалистическую партию только при условии, что не присягали на верность Гитлеру как «фюреру немецкого народа». Пельке пояснял свою мысль: «Фюрером немецкого народа может признаваться только тот человек, кто доказал обоснованность своих претензий на это звание». А между тем национал-социалисты уже претендовали на власть во всей Германии, что привело к обострению противоречий с «Союзом гуотов». В итоге уже 5 апреля 1929 года Пельке разослал своим сторонникам новую, более жесткую директиву, в которой сообщалось, что членам «Союза гуотов» запрещалось вступать в Национал-социалистическую партию, если от них требовали признать Гитлера «фюрером немецкого народа». В свете нескольких острых политических дискуссий, которые прошли между «благими» и национал-социалистами, можно было говорить, что союз между двумя организациями распался. Пельке в своей директиве кроме всего прочего сообщал: «Надо позаботиться о том, чтобы довести до сведения наших членов, что вожди национал-социалистов, лишенные веры и верности, могут привести немецкий народ только лишь в пропасть». Тем не менее в 1930 году Пельке пошел на новые контакты с национал-социалистами, пообещав им десятки тысяч голосов гуотов, проживавших в Восточной Пруссии. Но сближения не произошло. Национал-социалистическое руководство с большой подозрительностью отнеслось к деятельности «Союза гуотов». Во-первых, эта организация поддерживала тесные связи с национал-революционерами, национал-большевиками и левыми (революционными) национал-социалистами, которые находились в однозначной оппозиции к Гитлеру. Во-вторых, «Союз гуотов» по своей структуре и действиям весьма напоминал масонскую ложу. Генрих Гиммлер, считавший, что исследование арийской мистики должно было осуществляться исключительно в рамках СС, видел в Пельке и «Союзе

гуотов» своеобразных конкурентов. По этой причине Пельке был арестован и направлен в концентрационный лагерь.

Имеет смысл задаться вопросом, что означало название организации. Слово «гуоты» было смешением двух немецких слов — «благие» (Guten) и «готы» (Goten). В одном из выпусков журнала «Фемпггерн», издававшемся «Союзом гуотов», мы могли бы обнаружить следующее объяснение: «Даже сегодня готы почитаются как одно из самых благороднейших германских племен. Надо напомнить, что даже в настоящее время встречается такое словосочетание: благие готы, хорошие готы. После этого можно понять, что должно означать название „Союза благих‟. Едва ли теперь можно было бы назвать организацию „Союзом готов‟, так как ни один человек не может полностью осознать, что есть „благо‟ и „добро‟… К числу готов принадлежали вандалы и т. п… Лангобарды же для своей знати подобрали слово „фаруны‟. Когда сегодня люди хотят восстановить германцев и построить империю на расовых и аналогичных принципах, то они пытаются заглянуть в прошлое, проникнуть обратно в историю. История германцев в их историческое время была связана с вождями, которыми как раз были фаруны. Если высшее дворянство лангобардов называлось „фарунами‟, то члены высшей касты египтян именовали своих королей „фараонами‟… Понятие „гуоты‟ (благие) поначалу было нравственно-этическим, но не расовым понятием. Но именно из общности „благих‟ происходят „фаруны‟. „Благой‟, „готский‟ равносильно в своем значении понятию „немецкий‟, в высшем понимании этого слова».

Несмотря на то что в околоисторической литературе, которая в последние несколько десятилетий посвящается проблеме так называемого «оккультного рейха», не нашлось места для Курта Пельке, это отнюдь не значит, что он не имел большого веса. Пельке, распространяя свои мистические идеи, был столь же важен для Восточной Пруссии, как Ланц-Либенфельс для Вены или Альфред Шулер для Мюнхена. Рассматривая сюжеты, связанные с деятельностью «Союза гуотов», можно прийти к однозначному выводу — эта ариософская организация в отличие от множества мистико-расистских сект принимала активное участие в политической жизни. После прихода в 1933 году к власти национал-социалистов «благие» были причастны к подпольной деятельности «Черного фронта» Отто Штрассера.

Официально «Союз гуотов» был запрещен 23 июня 1933 года. Причиной этого послужили «антигосударственные и противоречащие нравственности установки» его руководства. Впрочем, активное преследование «благих» началось только в 1937 году. Во время обысков были обнаружены документы, которые свидетельствовали, что 26 марта 1933 года в берлинской штаб-квартире «Младогерманского ордена» (Артур Мараун) произошла тайная встреча. В ней принимали участие: Курт Пельке («Союз гуотов»), капитан Вальтер Штеннес («Боевое содружество революционных национал-социалистов»), Эрнст Никиш (национал-большевистское «Сопротивление») и представитель Отто Штрассера («Черный фронт»). Во время указанной встречи было принято решение сформировать нечто вроде «тайного фронта», который должен был продолжить борьбу против усиливающейся диктатуры Гитлера. После того как «Союз гуотов» был запрещен, «благие» не прекратили своей подпольной деятельности. Имевшихся доказательств было вполне достаточно, чтобы 26 мая 1937 года гестапо арестовало Курта Пельке и его секретаря Яблонского. Они сразу же предстали перед судом. Некоторое время спустя был арестован издатель Х. Ширмер. Подобное промедление гестапо было вызвано тем, что он находился на учениях рейхсвера. К его аресту было решено не приковывать лишнего внимания, а потому предполагалось выждать, когда закончатся сборы резервистов. Весьма показательно, что делом «благих» занимался штурмбаннфюрер Зикс, которому в СС поручались самые щекотливые (с идеологической точки зрения) вопросы.

В делах Главного управления имперской безопасности сохранились документы из Кёнигсберга. Они были датированы 17 февраля 1937 года. В них содержались сведения,

которые удалось собрать агентам гестапо. Часть из них касалась конспиративной встречи в Берлине. На этот раз сведения были более детальными. Отмечалось, что 26 февраля (а не марта) 1933 года в офисе «Младогерманского ордена» произошла «встреча представителей революционных групп, которая привела к складыванию тайного фронта». Принятые решения были распространены в специальных циркулярах конфиденциального характера. Такие документы среди своих членов распространяли: имперское руководство Союза «Вервольф», федеральный канцлер «Союза гуотов», комтур «Ордена немецких господ». Кроме упоминавшихся выше Пельке, Эрнста Никита и Вальтера Штеннеса на встрече присутствовали: Герберт Бланк и Хильдебранд (представители Отто Штрассера), землевладелец Клют (руководитель «Народного союза немецкой победы»), Андреас фон Флотов и представлявшие фрайкор «Франкен» майор фон Врохем и капитан фон Мюллер.

Собравшиеся в Берлине люди не были интернационалистами или марксистами, все они имели хотя бы косвенное отношение к национал-социализму. Необходимость данной встречи была продиктована тем, что за полторы недели до этого в Германии была запрещена деятельность «Черного фронта». То, что список оппозиционеров было решено пополнить представителями ариософских кругов, не было чем-то удивительным. В данном случае привлечение к подпольной деятельности мистиков было вполне рациональным шагом. «Тайный фронт», который должен был возникнуть после ликвидации «Черного фронта», мог включать в себя любых национально ориентированных противников Гитлера.

Поскольку большинство участников встречи по меньшей мере уже несколько лет находилось в оппозиции к фюреру, то отдельное внимание надо уделить Андреасу фон Флотову. Он достаточно поздно сделал карьеру в Национал-социалистической партии. Лишь в 1932 году ему было поручено командовать штурмовыми отрядами (СА) в трех северогерманских областях: Померании, Любеке и Мекленбурге. Своей власти он лишился в первые дни 1933 года, уже после назначения Гитлера рейхсканцлером. Фон Флотову ставилось в вину то, что 3 января 1933 года он опубликовал статью, которая квалифицировалась как «наносящая вред партии». «Отягчающим» обстоятельством стало также то, что этот материал был опубликован в газете «Ежедневное обозрение», которая считалась рупором рейхсканцлера Курта фон Шляйхера. Гитлер уже давно подозревал фон Шляйхера в том, что тот пытался расколоть Национал-социалистическую партию. Статья, которая была подписана «ф. Ф.», только укрепляла эти подозрения. В частности, в ней говорилось, что НСДАП должна была уйти со сцены («умереть»), чтобы тем самым «освободить место для новых форм». Автор статьи предполагал, что место НСДАП должен был занять некий «боевой союз». Сразу же после этого фон Флотов были исключен и из НСДАП, и из СА. Насколько же велико было его разочарование, когда через несколько дней он узнал, что к власти пришло гитлеровское правительство.

В феврале 1933 года опальный штурмовик продолжил свою деятельность в Мекленбурге, где находилась его квартира. Именно в этом время он присоединяется сначала к «Боевому содружеству революционных национал-социалистов» (там он сразу же стал «боевым руководителем округа Мекленбург»), а затем оказался в составе «Черного фронта». Оппозиционная деятельность фон Флотова была недолгой, 30 апреля 1933 года он был убит сохранившими верность Гитлеру штурмовиками. Дело не удалось замять, началось расследование. Подозреваемые предстали перед судом. Показания пришлось давать даже правительственному комиссару Мекленбурга Фридриху Хильдебранду (не путать с соратником Отто Штрассера). Именно он заявил, что в свое время фон Флотов заключил тайное соглашение с Куртом фон Шляйхером, после чего опубликовал в «Ежедневном обозрении» «подрывную» статью. Но нас должны в первую очередь интересовать другие показания, а именно те, в которых комиссар говорил о создании в Германии «тайного фронта», который был нацелен на устранение Гитлера.

Как видим, первое публичное упоминание о «тайном фронте» было сделано в 1933 году. Не будет преувеличением сказать, что предшественником этой подпольной организации был созданный Отто Штрассером еще во времена Веймарской республики «Черный фронт»[4]. По большому счету «Черный фронт» не являлся типичной организацией, в которую можно было вступить или выйти из нее. Это было нечто вроде тактического союза, созданного из организаций, движений, союзов и отдельных личностей, которые придерживались идей революционного национализма. Один из идеологов «Черного фронта», Рихард Шапке, характеризовал его как «национальное, антиимпериалистическое и религиозное объединение, которое выступало против цивилизаторского, интеллектуально бессмысленного просвещения XIX века». Сам лидер фронта Отто Штрассер видел в своей организации подобие масонской ложи, которая была разделена на отдельные сектора. «Это — айсберг, над водой виднеется лишь верхушка которого». В итоге в новой организации оказались собраны военные, представители молодежных движений, выразители интересов крестьянства и мистические настроенные ариософы из Восточной Пруссии.

Магистр «Младогерманского ордена» Артур Мараун в своем тайном бюллетене сообщал о встрече создателей «тайного фронта» следующее: «С нашей подачи многочисленные небольшие объединения ищут связь с национальной оппозицией. В воскресенье 26 февраля в помещениях управления ордена произошло заседание руководителей этих групп». К этому надо добавить тот факт, что во время обысков, которые происходили в правлении Союза «Вервольф» было обнаружено письмо Вильгельма Риддерса, адресованное имперскому руководителю «Верфольфа» Клоппе, из которого следовало, что «Младогерманский орден» был готов предоставить свой офис в распоряжение правым и национальным оппозиционерам. Несмотря на то что эта деятельность должна была быть подпольной и о ней не должны были знать широкие круги общественности, уже на следующий день после получения этого письма руководство «Вервольфа» сделало открытое заявление, которое было напечатано в их газете. В нем сообщалось о начале сотрудничества всех правых ненационал-социалистических объединений и союзов. Для полицейского министерства не представляло никакой сложности начать следствие в отношении «Младогерманского ордена», так как «тайный фронт» на практике не был таким уж «тайным». По меньшей мере он был таковым всего лишь несколько часов.

В данных условиях вместо того, чтобы смириться с провалом идеи создания «тайного фронта», Пельке предпринял попытку формирования собственного «движения Сопротивления». Из документов гестапо можно было узнать, что член «Ордена немецких господ» майор фон Белов две недели спустя после встречи в Берлине сообщил «мастеру»: «Я и Штольпе (Восточная Померания) ищем выход на „Вервольф“ и „Немецкую церковь“. Я придерживаюсь точки зрения, что представители всех более-менее независимых союзов, которые разделяют твои идеи, должны встретиться друг с другом. Тем более что в ближайшее время ожидается запрет этих организаций, в том числе „Союза гуотов“». Как видим, член построенного на монашеский манер «Ордена немецких господ» после закончившейся неудачей встречи в Берлине пытался создать собственную сеть групп сопротивления в Восточной Германии. Предполагалось, что новый союз будет менее централизованным. Показательным является то, что в него планировалось вовлечь известного своими антисемитскими проповедями пастора Фридриха Андерсена (Фленсбург), который являлся создателем «Немецкой церкви». Нет никакого сомнения в том, что в качестве предводителя нового оппозиционного фронта майор фон Белов видел только Пальке. На это указывает фраза: «…которые разделяют твои идеи». Поскольку в новое объединение должны были войти не столько политические, сколько квазимасонские и мистические организации, то его было бы правильнее называть не «тайным фронтом», но «фронтом тайных организаций», что должно было отличать его от провалившихся берлинских затей.

Полтора месяца спустя после берлинской встречи «Союз гуотов» предпринял попытки установить контакты с зарубежными организациями. К сожалению, остается неизвестным, были ли это объединения немецких эмигрантов, либо же союзы сторонников идей Ланца-Либенфельса, или же расистские общества вроде воссозданного в 1915 году Уильямом Дж. Симмонсом Ку-Клукс-Клана, который в 20-е годы находился на пике своей активности. Майор фон Белов всего лишь сообщал, что член «Ордена немецких господ», скрывавшийся под ритуальными именем «Альбион», установил связи с США и с Канадой, в связи с чем просил разрешения отправиться за границу.

Изучая сюжет о недолговечном «тайном фронте», в который вошли «национальные социалисты» (не путать с национал-социалистами, то есть сторонниками Гитлера) и некоторые ариософы, необходимо задаться несколькими вопросами: как мог сложиться подобный альянс? имелись ли другие точки соприкосновения между этими двумя силами?

Сразу же надо оговориться, что в свое время (хотя и очень недолго) Пельке был членом «Германского ордена», который был создан расистами из числа приверженцев идей Гвидо фон Листа и Йорга Ланца фон Либенфельса. В 1916 году «Германский орден» раскололся на две организации: на собственно «Германский орден» и «Германский Орден — Вальфатер[5]», который возглавляли Герман Поль и Рудольф фон Зебботендорф. Позже на базе второй организации в Мюнхене возникло общество «Туле».

23 августа 1926 года гауляйтер НСДАП в Мекленбурге и Любеке Фридрих Хильдебрандт (тот самый, который в качестве правительственного комиссара давал показания в 1933 году на процессе по делу об убийстве фон Флотова) направил в Мюнхен имперскому руководству Национал-социалистической партии сообщение, в котором извещал своих шефов, что в середине 1925 года в Мекленбурге возник Орден «Рыцарей пламенеющего креста». Эта новая организация весьма напоминала германский филиал Ку-Клукс-Клана. Однако по прошествии некоторого времени она предпочла сменить название и с лета 1926 года назвалась «Союзом пролетарского Просвещения». Хильдебрандт заявлял в своем партийном рапорте: «Как мы смогли узнать, этот союз финансируется преимущественно пангерманскими организациями. Однако предположительно в нем имеют вес также масоны и евреи-полукровки. В своей деятельности союз пытается заручиться поддержкой образованных кругов: офицеров, преподавателей, врачей, банковских служащих, торговцев и т. д. Руководителями союза в основном являются господа из так называемого „Союза благих“. Кроме всего прочего в их числе находятся Рейнхольд Вулле, граф Эрнст цу Ревентлов, Юрген фон Рамин, Зайферт Шарлоттенбург (он же Зиверт), Кёрнер, профессор Крэгер (руководитель фёлькише-немецкой ложи). Представляется, что целью этого союза является дискредитация фигуры Адольфа Гитлера. Это следует из текста разосланного по членами союза циркуляра… По своей организационной форме и по положениям Устава союз весьма напоминает масонскую ложу, что позволяет оказывать сильное психологическое влияние на людей, приверженных идеям этой организации».

Чтобы читателю было понятно, о ком шла речь в процитированном выше письме, позволим дать себе краткие характеристики некоторых из упоминавшихся личностей. Рейнхольд Вулле и граф Эрнст цу Ревентлов были одними из первых выразителей идей «национального социализма», которые со временем были взяты на вооружение левым крылом НСДАП и Отто Штрассером. Поскольку они имели прямые контакты с «Союзом гуотов», го весьма не исключено, что именно они в 1933 году могли способствовать налаживанию связей между «благими» и «Черными фронтом». Впрочем, судя по всему, Фридрих Хильдебрандт все-таки перепутал «Германский орден» и «Союз гуотов», так как ни граф цу Ревентлов, ни Вулле не были руководителями «благих». «Профессор Крэгер» был Генрихом Крегером из Дюссельдорфа, который после окончания Первой мировой войны вместе с инженером-машиностроителем Альфредом Бруннером основал «Немецко-социалистическую партию». Эта организация в исторической литературе изображалась либо

как ответвление «Германского ордена», либо как один из проектов общества «Туле». Бернхардт Кернер был один из крупнейших в Германии специалистов по геральдике. В конце XIX века он встал во главе «Издательства Штарке», которое занималось изданием справочников, посвященных родовым гербам и символам. Уже в 20-е годы он издал фундаментальный «Справочник по геральдическому искусству», в котором попытался дать собственную трактовку многих символов и знаков. Несмотря на то что Кернер был уважаемым в академических кругах специалистам, в его трудах отчетливо прослеживалось влияние идей Гвидо фон Листа. То есть он пытался скрестить между собой ариософию и науку. В 20-е же годы Бернхардт Кернер оказался привлеченным к политической деятельности. Например, в 1926 году он читал доклады для членов «Немецко-национального освободительного движения». Это движение стало набирать силу после неудачного «пивного путча», когда была запрещена Национал-социалистическая партия. Некоторые из национал-социалистов перешли в ряды этого легального движения, которому в мае 1924 года удалось провести нескольких депутатов в рейхстаг. Весьма показательно, что на выборы оно пошло под названием «Национал-социалистическая партия свободы».

Еще одним «дочерним» проектом «Германского ордена» может считаться «Союз немецкого мировоззрения», который возглавлял депутат Юрген фон Рамин, избранный в рейхстаг от «Немецко-национального освободительного движения» («Национал-социалистической партии свободы»). Об этой организации известно не очень много. Однако в 1937 году в Германии была защищена в высшей мере интересная диссертация — она была посвящена проблемам «действительной силы всеобщего германского религиозного движения». Ее автор Хайнц Барч предпринял попытку проанализировать все религиозные и мистические устремления, которые предпринимались в правом и националистическом лагере. В частности, он писал: «„Союз немецкого мировоззрения“, созданный бывшим фёлькише депутатом Юргеном фон Рамином (журнал „Сражающееся германство“), полностью сочетал в себе нормальное и фантастическое. Союз был порожден тайным „Германским орденом“, учрежденным в 1912 году Ф. Штуаффом. Согласно Людендорфу его гроссмейстером был Теодор Фрич, а самими известными членами Гутенберг, Класс, Гвидо фон Лист и Ланц фон Либенфельс („Остара“). Согласно тому же Людендорфу к 1914 году в ордене состояло несколько тысяч членов, которые были объединены в сотнях лож. „Союз немецкого мировоззрения“ проповедовал весьма популярные тогда „германский“ оккультизм и „истинное“ христианство. Много позже Рамин, как минимум, порвал с оккультизмом». Далее Хайнц Барч продолжал: «Тем не менее, немецкое христианство было вытеснено арио-нордическим протохристианством образца Германа Вирта. Союз строил свою идеологию на германских мифах, произведениях Густава Косины и прусских идеях. Он был связан с фёлькише „Союзом бескризисной экономики“ (директор шахты Отто Вайсследер) и „Роландом — союзом немецкого благосостоятельного хозяйства“ (профессор Свейрштрупп). Это были типичные для того времени мелкие организации. В декабре 1933 года союз был запрещен».

Фридрих Хильдебрандт в своей справке 1926 года предполагал, что Юрген фон Рамин был одним из первых членов «Союза гуотов», а стало быть, он подобно Пельке проводил в жизнь негласную политику, которой придерживалось руководство «Германского ордена». Эта политика якобы состояла в том, чтобы учреждать как можно больше «дочерних» организаций, в которых бы проповедовался «германский оккультизм». Между тем «благие» попали не только в поле зрения национал-социалистического гауляйтера Мекленбурга и Любека. Справки о них в 1925 году пытался навести Генрих Гиммлер, который тогда еще не являлся рейхсфюрером СС. В указанное время Гиммлер, окончательно разочаровавшись в католичестве, как раз активно изучал многие мистические доктрины. Именно в 1925 году он направил письмо одному мюнхенскому астрологу. Приведем его текст:

«Господину профессору Хайльмайеру
Мюнхен, Райтморштрассе, 26/ IV

Глубокоуважаемый господин профессор!

Разрешите обратиться к Вам с вопросом. Не могли бы Вы рассказать мне о „Союзе благих" и его намерениях? Им (этим союзом) руководит человек, который подписывается псевдонимом Вайсхаар (Мудрые волосы). Мне не совсем ясно, какое отношение он имеет к публикации гороскопа депутата Юргена фон Рамина. Поскольку я не могу сам все перепроверить, то я вижу возможность препятствовать неудобным людям через публикацию аналогичных, плохих гороскопов. Если Вы ничего не знаете об этом союзе, то я готов выслать опубликованные им брошюры. Буду рад встретиться в Мюнхене с Вами и Вашим другом Пфаффенцеллером. Думаю, что смогу помочь Вашему другу, когда тот вновь надумает избираться в ландтаг. Готовы ли составить гороскопы по указанным датам рождения?

Мюнхен, 7 октября 1900 года, 16 часов 30 минут[6]

Ландсхут, 27 сентября 1903 года, 8 часов

Регенсбург, 2 марта 1903 года, 17 часов 45 минут

Шверциген, близ Гейдельберга, 3 марта 1896 года, час ночи

Заранее благодарен за ответ.

С истинно немецким приветом, признательный Вам Г. Г.».

В ответном письме астролог отвечал молодому Гиммлеру, что ничего не знал об упоминавшемся «Союзе благих». А кроме этого подчеркивал, что у него не было времени на составление гороскопов. Отдельный интерес представляет упоминавшийся в письме Пфаффенцеллер. Судя по всему, речь шла о Вильгельме Пфаффенцеллере, одном из фёлькише националистов, которому удалось пройти в баварский ландтаг. Пфаффенцеллер в марте 1925 года опубликовал в «Народном обозревателе», официальной газете возрожденной после запрета Национал-социалистической партии, открытое письмо, в котором выражал поддержку Людендорфу[7]. Под этим письмом свою подпись также поставил Макс Зессельман, который был не просто депутатом баварского ландтага, но и входил в число руководителей общества «Туле». В свое время он был членом «Германского ордена». Пфаффенцеллер и Зессельман не были рьяными сторонниками Гитлера, а потому в апреле 1925 года создали внутри НСДАП свою собственную платформу, которая получила название «Национал-социалистическое сотрудничество».

Из письма Гиммлера, текст которого приведен выше, однозначно следовало, что он был не просто наслышан о «Союзе благих», но даже познакомился с брошюрами, которые выпускались этой организацией. Поскольку в 1925 году Гиммлер пытался создать базу для деятельности национал-социалистов в фёлькише организациях (например, в союзе «Артаманы»), то нельзя исключать возможности того, что он мог планировать вступление в «Союз благих». До нас дошли некоторые сведения о том, как в середине 20-х годов Гиммлер реагировал на деятельность «благих». В феврале 1925 года он познакомился с первым выпуском журнала «Сокровище готов», после чего записал в своем дневнике: «Депутат рейхстага Юрген фон Рамин и Союз благих. От Г. Ролла». В журнале имелась статья, в которой утверждалось, что еще в 1923 году к фон Рамину обратились представители «Союза благих», которые уговаривали его стать членом их организации. Кроме этого утверждалось, что составленный для Рамина гороскоп «был предвещающим удачу в деле достижения целей организации, а потому он [фон Рамин] в союзе в Вайсхааром мог бы стать преуспевающим руководителем, а возможно даже президентом или диктатором». Якобы после этого состоялась двухчасовая встреча Рамина и Вайсхаара. Отдельно подчеркивалось, что «господин фон Рамин пообещал, что скроет гражданское имя Вайсхаара, что было скреплено рукопожатием». На самом деле сотрудничества не получилось.

Упоминавшийся в дневнике Гиммлера «Г. Ролл» был одним из «благих» — Гансом Роллом. Именно он очень бурно прореагировал на статью Юргена фон Рамина, которую тот опубликовал в своем еженедельнике «Сражающееся германство». В ней фон Рамин подверг «благих» острой и язвительной критике. В частности, он писал: «Имеется якобы фёлькише

организация, которая называется „Союз благих". Она намеревается открыть нам „древнюю арийскую мудрость", для чего занимается толкованием звезд. Ее руководитель, который предпочитает писать под псевдонимом Вайсхаар, постоянно составляет гороскопы, при помощи которых намеревается найти будущего немецкого императора. Нет смысла высмеивать этот гротеск. Этот союз на основании своего превратного толкования звездного неба не только пытается узнать тонкости судьбы, но также делает принципиально зависимым от астрологии отбор руководителей. Причем надо отметить, что каждый, кто неудобен союзу, получает гороскоп, в котором он получает какую-нибудь неприглядную характеристику. По единогласному мнению астрологов, ясновидцев и духовидцев я являюсь (по вполне понятным причинам) совершенно ничтожной личностью. Однако данный приговор я полагаю честью». Именно подобного рода критика и вызвала возмущенное недоумение Ганса Ролла. «Поскольку он [фон Рамин] отверг дружбу Вайсхаара, но при этом члены союза не предпринимали в адрес Рамина никаких нападок, то у подобного поступка просто нет морального основания, а значит, можно заподозрить зависть или недоброжелательство». К сожалению, до сих пор не удалось установить, какой же именно гороскоп подразумевал фон Рамин. Однако обвинения, сделанные «благими», были не совсем беспочвенными. Поскольку фон Рамин, находившийся во главе созданной «Германским орденом» структуры, предпринял нападки на «Союз гуотов», то это могло лишь означать попытку устранения нежелательных конкурентов. Сами «благие» не заставили себя ждать с ответными шагами. Они все-таки решили опубликовать гороскоп фон Рамина, хотя до момента обвинений с его стороны такового фактически не составляли. Это был один из тех шагов, который должен был хотя бы косвенно навредить неблагожелательному политику. В комментариях к указанному гороскопу говорилось: «Ниже приведенный гороскоп господина Юргена фон Рамина демонстрирует восходящий знак Близнецов… Можно говорить о духовной семитизации. Такие люди постоянно проявляются свою двуличную натуру — они могут говорить одно, однако поступают совершенно по-иному. Они крайне эгоистичны, словоохотливы, болтливы, недоверчивы, хитры и лживы… Сатурн в конъюнкции с Венерой делает их предрасположенными к извращенным сексуальным наслаждениям… Находящийся в четвертом доме Марс позволяет предположить склонность к смерти в тюрьме… При неблагоприятном стечении обстоятельств знак Близнецов может являться отличительной чертой обладателя неполноценной, [расово] смешанной крови… Обладателя этого гороскопа очень сложно рассматривать в качестве покровителя человеческого общества. А потому можно только поздравить фёлькише движение, что у него имеется такой „вождь"».

Подобный выплеск негативных эмоций был отнюдь не одноразовым действием — в «Союзе гуотов» очень долго предпринимали нападки на Юргена фон Рамина. «Ветераны» из числа «благих» именовали его не иначе как «наконечником копья дьявола». Дело дошло до того, что Ганс Ролл в своей озлобленной критике перешел от самого Юргена фон Рамина к третьим лицам, которые так или иначе были с ним связаны. «Напечатанное в 1924 году пасхальное послание „Германского ордена — Вальфатера" содержит в себе несколько нелестных отзывов о господине фон Рамине. Оно наглядно показывает нам, что подобные личности разлагают значительные организации, которые стремятся к немецкому обновлению… В пасхальном послании указывается, что господин фон Рамин противоправным образом завладел принадлежащим „Германскому ордену — Вальфатеру" журналом „Сражающееся германство"».

Как видим, конфликт между Пельке и фон Рамином постепенно вышел за рамки заочной перепалки. Однако как в этом свете можно относиться к сведениям Фридриха Хильдебрандта, который указывал на Юргена фон Рамина как на одного из членов «Союза гуотов»? Данные указания подтолкнули германских историков к тщательному изучению этого конфликта. Обнаруженные сведения заставили их усомниться в версии, согласно которой спор произошел между недолго знакомыми фон Рамином и Вайсхааром (Пельке). Оказывается, их

контакты не ограничивались двухчасовой встречей, как то пытались представить публике «благие». В этой истории имелась одна весьма пикантная деталь — в свое время у фон Рамина была любовная связь с первой женой Пельке. Когда это обнаружилось, то последовали взаимные обвинения, в итоге приведшие к разводу супругов. Если принимать в расчет эти детали, то конфликт между Пельке и фон Рамином предстает совершенно в ином свете. Более того, этот «щекотливый контекст» позволяет предположить, что фон Рамин все-таки мог быть членом «Союза гуотов». В противном случае очень сложно объяснить факт его близкого знакомства с женой Пельке. Версия, изложенная Гансом Роллом, нисколько не отменяет предположения Хильде-брандта, что Рамин (равно как граф цу Ревентлов и Вулле) некоторое время все-таки могли состоять в «Союзе благих». И Рамин, и граф цу Ревентлов, и Вулле были активистами «Немецко-национального освободительного движения» («Национал-социалистической партии свободы»), которое нередко получало от Пельке предложения о сотрудничестве. Это могло вызвать споры среди членов этой организации.

В любом случае в 1925 году в выпускавшемся «гуотами» журнале «Фемштерн» некий Вольф Дитрих сообщал: «Вместе с тем я открыто заявляю Немецко-национальному освободительному движению и его руководителям о том, что наши члены знают — „освободительное движение‟ трактует понятие „свобода‟ так, чтобы с некоторого времени вредить неудобному для него „Союзу благих‟. С этой целью оно натравливает на нас депутата рейхстага Юргена фон Рамина… Бросается в глаза заметка капитана Дёринга, которая была опубликована 30 марта 1925 года в еженедельнике „Танненберг‟. В ней сообщается: „Юрген фон Рамин подал жалобу на материал, написанный членом „Союза благих‟. Немецко-национальное освободительное движение отказывается поддерживать связи с этим авторов и „Союзом благих‟, полностью находясь на стороне Юргена фон Рамина, которому целиком доверяет. Кроме этого генерал Людендорф заявил, что господин фон Рамин является человеком безупречной репутации‟».

Только в свете этих политико-мистических трений становится понятным смысл письма, которое в 1925 году написал Генрих Гиммлер. Едва ли он хотел узнать истину о конфликте фон Рамина и Пельке. Во-первых, его интересовал собственный гороскоп. Не исключено, что в трех случаях сведения о рождении в письме были придуманы самим Гиммлером. Его интерес к «Союзу благих» может показаться странным, тем более что Гиммлер находился в Мюнхене, а «гуоты» действовали в Восточной Германии. Зона влияния «Немецко-национального освободительного движения» в большинстве своем ограничивалась территориями Северной Германии. Кажется маловероятным, что Гиммлер намеревался вступить в «Союз благих». Однако если принимать во внимание, что в середине 20-х годов он был близок к левому крылу национал-социалистической партии, то эта версия не кажется вовсе фантастической. Письмо, адресованное астрологу, Гиммлер написал для того, чтобы услышать мнение третьей стороны. Это указывает на то, что он колебался — присоединяться ли к «благим», которые конфликтовали с «левыми национал-социалистами», или нет. В любом случае это конфликт был преодолен только к 1933 году, когда ариософы и «национальные социалисты» решились образовать «тайный фронт». Подпольная организация прожила всего лишь несколько дней, но это не помешало Пельке задумать собственное движение Сопротивления. На этом поприще он так и не снискал успеха, так как был арестован и до конца жизни пребывал в различных концентрационных лагерях.

Глава 6

«БЛАГИЕ» И ИХ ВОЖДЬ

Курт Пельке родился 10 ноября 1875 года в семье таможенника в местечке Каукемен (округ Нидерунг). Он посещал народную школу и гимназию в Мемеле, но школьное обучение уже заканчивал в Бартенштайне. После этого он год служил добровольцем в воинской части Кёнигсберга. Затем там же девять месяцев работал служащим таможенного управления. После этого решил заняться торговлей. В 1905 году Пельке открыл в Кёнигсберге магазин

почтовых марок, которым он владел до 1913 года. Одновременно с этим он вступил в «Немецко-национальный союз торговцев», местную организацию которого возглавлял на протяжении долго времени. В 1910 году в Кёнигсберге Пельке вступил в «Германский орден», в котором приступил к активной пропагандистской и вербовочной деятельности. Тремя годами позже он перебрался в Берлин, где основал «Уран» — структуру, которая одновременно считалась и институтом психологии, и литературным агентством.

После начала Первой мировой войны Пельке в составе батальона ландштурма оказался в Бельгии. Во время одного из боев он получил ранение. Поначалу его намеревались демобилизовать, но в итоге все-таки признали годным к несению военной службы. Поэтому было решено оставить Пельке в Германии, где он должен был нести гарнизонную службу. В 1915 году Пельке по предложению своего приятеля, издателя Ширмера, основал «Союз благих», который поначалу назывался «Новое объединение для обновления жизни на ариохристианской основе». После поражения Германии в мировой войне Пельке в чине лейтенанта был демобилизован из армии. В это время он много времени проводил в берлинском институте «Уран», который намеревался использовать для расширения деятельности «Союза благих». Именно в это время в «Уране» стали составляться гороскопы для всех членов союза. Предполагалось, что так можно будет заглянуть в «зеркало души». В 1925 году Пельке решил перебраться в Восточную Пруссию. Сам он объяснял этот шаг тем, что именно в Восточной Пруссии в тот момент усилилось влияние «благих». Однако не исключено, что покинуть Берлин его заставил развод с супругой, которая была уличена в любовной связи с депутатом Юргеном фон Рамином. Постепенно межличностный конфликт приобрел политическую окраску, так как Пельке стал вести борьбу против «Немецко-национального освободительного движения», по спискам которого в рейхстаг был избран Юрген фон Рамин.

В 1926 году, когда Пельке уже находился в Восточной Пруссии, он решил переименовать «Союз благих» в «Союз гуотов». Надо отметить, что в период с 1924 по 1928 год количество членов «Союза гуотов» возросло до трех тысяч, причем подавляющая часть из них проживали на территории Восточной Пруссии. В 1928 году Пельке решил изменить форму пропагандисткой деятельности. Чтобы нести свои идеи в широкие массы, он основал «Союз немецкой самообороны». Это была военизированная организация, которая должна была противостоять «польской угрозе». Сразу же почти после этого была основана сугубо политическая организация «Народный союз немецкой победы». Эти дочерние организации «Союза гуотов» должны были вербовать новых сторонников во всех социальных слоях. Растущее влияние «благих» в Восточной Пруссии не осталось незамеченным. В 1928 году местный гауляйтер НСДАП Эрих Кох предложил «благим» заключить союзнический пакт с национал-социалистами. После долгих переговоров было решено, что обе политические силы будут придерживаться принципов взаимного нейтралитета. Однако уже к апрелю 1929 года стало понятно, что заключенный с национал-социалистами союз потерпел неудачу.

В 1930 году Курт Пельке через издателя Ширмера обратился к Рудольфу Гессу с предложением на определенных условиях поддержать национал-социалистов на ближайших выборах. Предполагалось, что Пельке мог бы дать около 10 тысяч голосов своих сторонников и сочувствующих. Однако это предложение не было принято. В итоге «Союз гуотов» во время выборов в рейхстаг, проходивших 14 сентября 1930 года, рекомендовал голосовать за список № 10, который был образован так называемой партией «Ландфолька». Такое название носило широкое протестное движение шлезвигских крестьян, поддержанное национал-большевиками и национал-революционерами. Казалось, что после этого Пельке удалился из политической жизни. В том же 1930 году он приобрел в прусском местечке Зиллинген семь гектаров земли и строение, напоминавшее замок. Два года спустя он купил еще одиннадцать гектаров земли. Пельке создал подобие сельской общины, в которой работали его взрослые сыновья, родственники его второй жены и три подсобных рабочих. То, что Пельке устранился

от политики, не могло не сказаться на «Союзе гуотов» — его численность стала стремительно сокращаться. К 1933 году в его рядах оставалось чуть более тысячи человек. В это время Пельке совершил совершенно необдуманный шаг. В марте 1933 года он стал избираться в местный крайстаг по спискам социал-демократической партии. Впрочем, эти выборы уже не могли изменить ситуацию в стране. Предвидя возможную ликвидацию «Союза гуотов», 15 мая 1933 года Пельке разослал по своим сторонникам обращение, в котором призывал их создавать «религиозные общины гуотских кристиан». Показательны те установки, которые были даны: «Руководитель гуотов Курт Пельке-Вайсхаар желает иметь в своих учениках и духовных друзьях только приверженцев гуотско-кристианского мировоззрения и германоверующих (арио-германских) людей… В общинах не взимаются взносы… Религиозные общины гуотских кристиан лишены каких-либо политических устремлений. Подобные устремления являются делом партий и государственного правительства».

Прогнозы Пельке оказались совершенно правильными — 23 марта 1933 года обер-президент провинции Восточная Пруссия запретил деятельность «Союза гуотов». Организации инкриминировалось «аморальное поведение» и «антигосударственные установки». После этого вся собственность, принадлежавшая организации, была конфискована. Под конфискацию попало и имение Пельке — ему пришлось переселиться на съемную квартиру. Здесь он был арестован в первый раз. Его приговорили к семи с половиной месяцам пребывания в концентрационном лагере. Вначале он оказался в лагере Бранденбург, а затем был переведен в лагерь Ораниенбург. Пельке не выдвигали никаких обвинений. Хотя это было обычной для того времени практикой — люди оказывались в лагерях в качестве подозреваемых, то есть арест был «легитимной» мерой пресечения. В 1935 году Пельке и двое его сторонников вернулись обратно в Восточную Пруссию. Там они основали организацию, которая называлась «Владельцы тевтонских гербов». По большому счету это было небольшим коммерческим предприятием. Курт Пельке получал 550 рейхсмарок за предоставление одного из таких гербов. Но это отнюдь не было торговлей «родовыми символами». Герб мог получить только тот член «Союза гуотов», который достиг достаточно высокой степени посвящения, то есть был принят в «Орден немецких господ».

В 1935 году Пельке ожидало очередное потрясение. В сентябре он узнал от бургомистра Георгенсвале (место в Восточной Пруссии, где постоянно проживал Пельке), что согласно распоряжению начальника окружного управления в Кёнигсберге у него было конфисковано все движимое и недвижимое имущество. Оно передавалось в пользу Пруссии. Несмотря на это Пельке решил не прекращать свою деятельность. В частности, он продолжил организовывать встречи «религиозных общин гуотских кристиан». Эта деятельность не могла быть совсем незаметной. По сведениям, которые были собраны полицией Кёнигсберга, в 1937 году в общинах Восточной Пруссии состояло около тысячи бывших членов «Союза гуотов» и «Ордена немецких господ». Тогда же был составлен список людей, которые, несмотря на запрет, продолжали пропаганду «гуотского наследия». В нем значилось 89 человек. Интересным является социальное положение этих людей. 29 из них имели высшее образование (в том числе 19 преподавателей и 6 врачей), 11 крестьян, 6 торговцев, 5 землевладельцев. Еще имелось несколько женщин, у которых не была указана профессиональная принадлежность — не исключено, что они могли быть домохозяйками. На своих собраниях они нередко критиковали Национал-социалистическую партию и государство. Сведения об этом являлись достаточным поводом, чтобы 25 мая 1937 года Курт Пельке был арестован в очередной раз.

В июле 1937 года Пельке был осужден специальным трибуналом Кёнигсберга как «враг народа». Его приговорили к трем с половиной годам заключения, которые он должен был провести в центральной тюрьме Штум (Западная Пруссия). Однако из тюрьмы он был переведен в лагерь Заксенхаузен. Здесь следы Пельке теряются. Известно лишь, что в 1944 году он был переведен в лагерь Равенсбрюк, а затем в Берген-Бельзен. После 1945 года

Пельке считается пропавшим без вести. Судя по всему, в конце войны он погиб в одном из концентрационных лагерей.

Если говорить об идеологии и практике действия «Союза гуотов», то на них очень сильно сказывалось влияние «Германского ордена», в котором в свое время состоял Пельке. Если «Германский орден» должен был быть средоточием незримой власти, которая распространялась на множество созданных им союзов и объединений, то в случае с Пельке такой «периферией» должны были быть «благие», деятельностью которых негласно должен был руководить «Орден немецких господ». Если официальный печатный орган «Германского ордена» назывался «Сокровище германцев», то у Пельке он именовался «Сокровище готов». При приеме в «Германский орден» все кандидаты на вступление в организацию должны были пройти проверку на специальном приборе — «пластометре», после чего они должны были быть обследованы на предмет принадлежности к «нордической расе». В «Союзе гуотов» также предполагалось проводить специальные обследования. Вайсхаар писал по этому поводу: «Наша жизнь зависит не от принятия большого количества законов и предписаний, но от выбора людей, которые, руководствуясь законами, будут отвечать за общие дела. Справедливые и благородные люди, стоящие у государственного кормила, могут обеспечить населению счастливое существование… Превосходным средством для оценки людей, их характера и способностей является „мудрость звезд“ (древняя астрология). Это больше чем просто наука или искусство. Эта мудрость дает возможность судить о том, какие перспективы открываются перед человеком в его жизни… По данным можно вычислить качества, которые не должны быть присущи людям, обладающим влиянием и общественным положением. Без везения и удачи даже самые хорошие руководители едва ли смогут дать народу многое. Если правильно использовать „мудрость звезд“ для упомянутых целей, то можно получить очень точные сведения. Кроме этого оценку характера и способностей можно получить посредством изучения формы головы и лица при помощи великолепного пластометра Бургера. Изобретатель, художник-портретист и большой знаток человеческой души Роберт Бургер проводит измерения у себя на дому по адресу Берлин, W 35, Штеглицерштрассе, 32». Нельзя не отметить и связь между двумя организациями на уровне мифологических ассоциаций. Если «Германский орден» имел приставку «Вальфатер», то есть Один-Вотан, то Вайсхаар (псевдоним, который взял Пельке) был сыном Вальфатера, то есть был одним из асов — Видаром. Видар — это божество безмолвия, которое не только мстит за своего отца, считая себя его проекцией, но и помогает созданию нового мира.

Были определенные соответствия между «Германским орденом» и «Союзом гуотов» на уровне программных требований. Так, например, Пельке планировал: «Новое немецкое народное сообщество откажется от римского права, которое на протяжении веков медленно убивало Германию; будет восстановлено немецкое право. Так называемое римское право исполнено еврейским духом, а потому является капиталистическим. Древняя Римская империя полностью находилась под еврейским влиянием, вследствие чего была разрушена». Как в «Германском Ордене», так и «Союзе гуотов» настаивали на огосударствлении экономики. Причем Пельке пошел в этом вопросе даже несколько дальше, чем его «учителя» из ордена. Он писал: «Нет никакой разницы, был ли капиталистический строй воплощен при монархии или при республике. Он может назваться демократическим, социалистическим и даже коммунистическим. В любом случае капитализм ведет к порабощению народов и отдельных людей, что в итоге приводит к гибели государства. Капиталистическое хозяйствование неизбежно связано с крупным производством, с чиновничьей экономикой, с государственной централизацией. Государство опекает своих граждан даже в самых мелких вопросах, чем лишает их прав… Труд превращается в однотонную, однообразную, механизированную работу. Человек лишатся гармонии, он не может творчески реализовать свои силы…» В данном случае в Пельке говорил культурный пессимизм, присущий многим ариософам и деятелям фёлькише движения: «Надо знать, что народ может оставаться

здоровым и гармонично развиваться, только если его люди являются независимыми владельцами малых предприятий. Фабрики, потребительские кооперативы, универсальные магазины, крупные земельные предприятия, тресты, акционерные общества — все это должно исчезнуть».

«Союз гуотов», вне всякого сомнения, был расистской и антисемитской организацией. Пельке весьма охотно использовал тезисы, которые предлагались Ланцем-Либенфельсом («Орден новых тамплиеров»), однако при всем этом позволял себе делать отступления от классического ариософского расизма. Для него не все голубоглазые блондины автоматически являлись «хорошими», а темноволосые люди — «плохими». В одной из своих статей Пельке писал: «Сегодня большая часть блондинов — это метисы. Но даже среди темноволосых неарийцев мы можем встретить „белокурые души‟. Мы должны быть заняты как раз поиском таким „светловолосых душ‟, которые будут способствовать возвышению благих людей. Внешние признаки должны отойти на второй план». Или: «Степень качества блондинов совершенно не говорит о принадлежности к белокурой расе. В юности цвет волос у людей всегда светлей, нежели позже… Нельзя давать себя вводить в заблуждение хорошей ариогерманской формой тела. В нем может скрываться волк, поскольку мы имеем непродуманное смешение рас и перемену ролей — в германском облике может скрываться совершенно негерманская душа и, наоборот, при не совсем германской внешности человек может быть обладателем германской души». Пельке предпочитал не выносить однозначных суждений даже в отношении евреев, которые для большинства ариософов являлись синонимом «зла». Он предполагал, что некоторые из евреев могли преодолеть свою «семитскую сущность». Например, Пельке писал: «Ранее было отмечено, что среди евреев имеются люди, которые называют себя расой „истинных евреев‟. В большинстве случаев речь идет о вполне физически сложившемся, ярко выраженном человеческом типе. Разумеется, немногим евреям удается возвыситься над своей расовой сущностью». Пельке был настолько «либерален», что позволял предполагать создание еврейского «Союза гуотов»: «Для всех неарийских людей не будет лишним самостоятельно создать структуры, аналогичные „Союзу гуотов‟. Такой союз может возникнуть из „благих‟ евреев. Если подобные общности будут придерживаться таких же нравственных принципов и будут действовать подобно арийскому „Союзу гуотов‟, то взаимодействие с ними пошло бы на пользу всему человечеству».

Нередко Пельке занимал позиции, которые нельзя назвать классическим антисемитизмом: «Некоторые хотят видеть в евреях причину всех бед, но при этом не могут заметить бревна в собственном глазу. Они не могут допустить, что все то худшее, что ассоциируют с евреями, находится в глубине сердца большинства белых людей. А потому если они хотят выносить обличающие вердикты, то должны сначала обратить внимание на самих себя, чтобы избавиться от зла в своем сердце… Только так можно решить еврейский вопрос, но отнюдь не при помощи насилия, преследования или искоренения. Мы должны начать с самих себя. Возрождение арийства означает также высвобождение евреев, которым должны быть открыты более тонкие и высшие уровни бытия. Только лучшие могут предпринять и осуществить эти духовные изменения. Едва ли можно отрицать, что самые влиятельные и образованные немцы сегодня являются либо духовными евреями, либо еврейскими метисами». Вольф Дитрих в 1925 году писал в журнале «Фемштерн»: «Огромное заблуждение — во всем винить только евреев. Более опасными и бессовестными являются падшие неевреи, „волки в овечьей шкуре‟. Как заповедано Евангелием, этих „белых евреев‟ мы узнаем по плодам их. В большинстве случаев они любят изображать из себя антисемитов, чтобы тем самым заручиться доверием». Столь противоречивое отношение Пельке к евреям находило свое выражение даже в конкретных рекомендациях, которые рассылались «благим». Так, например, им было предложено «сторониться антисемитских собраний».

Специфическую трактовку у «благих» получила и концепция «древней культуры», которой придерживались члены почти всех ариософских фёлькише организаций. Однако даже в этом случае Пельке предлагал своим сторонникам оригинальную трактовку. Если классические фёлькише придерживались мнения, что вся культура происходила с Крайнего Севера, где некогда располагался погибший континент (Гиперборея, Туле и т. д), то Пельке считал, что прародиной арийцев являлась «Скифия». Скифенланд была для него «истинной» Скандинавией. Как и стоило предположить, к этому ареалу относился Крым, Причерноморье и часть Восточной Европы. Впрочем, это обстоятельство нисколько не изменяло его отношения к славянам, так как Пельке всегда придерживался идей «экспансии на Восток», не исключая даже возможности начала новой войны с Россией.

Если говорить об ариософии в целом, то ее приверженцы находились под явным влиянием гностических идей. Как уже говорилось выше, общим для ариософского гностицизма было представление о делении людей на три группы. Одна из них имела в своей душе значительную часть «божественного света». Это находило свое внешнее выражение в расово-физических признаках. Представители этой группы людей обладали голубыми (или серыми) глазами и светлыми волосами. Подобные представления в свое время активно развивались Ланцем-Либенфельсом, который издавал журнал «Остара». Именно Ланц-Либенфельс превратил в четко развитую систему разрозненные мысли о противостоянии «высоко духовных» представителей белокурой расы и «материалистичных» чандалов, под которыми он подразумевал все темнокожие народы. Расовая гностика была присуща не только Ланцу-Либенфельсу, но и Пельке, — она проходила красной нитью через все его работы. Однако имелись нюансы и некоторые различия.

Чтобы было проще понять комплекс религиозных идей, которых придерживался Пельке, имеет смысл обратиться к типологической модели, которая была разработана немецким исследователем Кристофом Маркшисом в работе, посвященной гностицизму. Он четко выявил «ансамбль идей и мотивов», которые в целом были присущи религиозным конструкциям «благих». Во-первых, надо обратить внимание на то, что Пельке придерживался идей потусторонней, полностью отчужденной от «мира сего» божественности. В результате предполагалось наличие некоторых «божественных фигур», которые должны были быть ближе к человеку, чем отчужденная и далекая божественность. Пельке говорил о существовании «расового божества», которое должно было быть воплощено в расе посредством «личных духов». «По только что упомянутой причине законы отбора отдельных родов и народов воплощаются главным образом лишь в духовной самости, духовной индивидуальности, которая аналогична родовым и расовым духам, а также подобным им. Дух народа или дух расы — это реальное явление, хотя и не постижимое человеческим разумом. Это божество народа или расы. Каждый из представителей народа или расы оказывается расположенным в структуре божественного порядка (иерархии) сил творения». Кроме этого Пельке подчеркивал, что кроме расового божества могли иметься и другие «божественные сущности», располагавшиеся в структуре иерархии между человеком и высшей «всебожественностью». «К этим промежуточным элементами кроме всего прочего принадлежат народные божества, расовые божества, бог земли и боги планеты, солнечный логос». Отдельного упоминания у него заслужили «ариогерманские расовые божества».

Вторым принципиальным моментом в гностических доктринах было представление о «мире сем» и материи как порождении зла. По этой причине гностики негативно относились к сугубо земным проявлениям жизни. Противопоставление высшей божественности и низшей материи можно было обнаружить у Пельке. Он писал: «В материалистичных представлениях человек постепенно, но осознанно превозносит свое земное существование, эгоистичный разум, противопоставляя их истинной духовности и божественности». В статье 1921 года «Истинное значение свастики» Пельке писал о «распятом арийце»: «Под господствующим влиянием Творца и его окружения он [человек] борется за высвобождение от власти

материи… Он бьется за истинное познанием самого себя и окружающего мира. Это приводит к несказанным страданиям бессмертной души. Свастика символизирует собой заключение бессмертной души в бренное человеческое тело». В результате такого рода построений высказывалась мысль, что создатель «мира» сего был либо «злым Демиургом», либо не совсем компетентной силой.

Для мировоззрения Пельке был характерен образ противопоставленных друг другу света и тьмы. Подобная дуалистическая картина относилась даже к историческим процессам: «На протяжении тысячелетий темные силы, стоящие на службе черного шахматиста, вели планомерную работу по уничтожению нашего народа, армии белого шахматиста, которую стремились дегерманизировать». «Темные силы несколько столетий кряду прилагают немало усилий, чтобы свести к минимуму признаки нашей жизни (народное сознание, национальную гордость, подлинную уверенность в себе)… Человек лишился своих корней, он стал бесприютным и беспризорным». В приведенных здесь цитатах под «черным шахматистом» подразумевалось божество мрака, манихейская противоположность «Бога света», который упоминался как «белый шахматист». Для мировоззрения европейцев подобное деление не было экзотичным, так как оно с середины XIX века было тесно связано с весьма популярными в обществе конспирологическими теориями, в которых «агентами темных сил» обычно назывались евреи и масоны. В своих конструкциях Пельке добавлял к этому списку «вильсоновскую» «Лигу Наций». Он писал: «Вся она состоит из масонов высших степеней посвящения». И далее: «Полностью неверная трактовка древних преданий привела к тому, что масоны „Великого Востока“, которые внешне являются немцами, оказались под еврейским руководством. Их истинной целью было устранение монархии и установление демократии. Об истинных целях масонов было прекрасно написано в „Прикладной методологии оккультных наук“ Папюса».

Для европейского гностицизма было характерно восприятие дуалистической природы человека и мира как мифологической драмы, в которой божественный элемент попал в сферу «проклятого мира», то есть в «высших» людях теплилась божественная искра, которая должна была помочь им избавиться от «проклятия мира сего». Пельке писал об этом: «Согласно извечным законам природы эти качества могли обнаружиться только в телах высшей формы, которые ранее были выведены арийскими вождями». В данном случае «божественный свет» был увязан с «проблемой крови». «Они принесли великую жертву, отдав свою плоть и кровь во имя избавления своих менее развитых или отставших в развитии человеческих братьев. Это было избавлением ог несовершенства или даже звероподобного состояния». В этих словах Пельке отчетливо прослеживается влияние идей Ланца-Либенфельса, которые изложены им в «Теозоологии». В частности, Пельке утверждал: «Дети Бога, идеалисты и альтруисты, без разбора связывали с людьми человечьими — материалистами и эгоистами, им же нравилась только высшая форма тела. Сумерки спустились на Землю. Началась борьба всех против всех. Благие были бессильными. Они больше не были в состоянии понять и узнать друг друга. Яростной и скорбной была борьба против духов, воплотившихся в низших. телесных формах. Это были толпы демонов из преисподней. В современное время тьма находится в своем апогее. Во мрак не может проникнуть никакой свет, он не может указать путь. Кажется, что так будет вечно, и наступила зима Фимбул[8]. Она будет длиться 26 тысяч человеческих лет. Враг рода человеческого окажется на Земле, вырвавшись наружу после многовекового заточения». В другой статье Пельке заявлял: «Надо вовремя успеть перестроиться. Только так можно будет создать новый век, на пороге которого мы стоим. Это будет предреченная эпоха великой империи, время выведения истинных арийцев, наступление культурной эпохи арийских фарунов».

Под гнозисом (познанием) в данном случае подразумевалось состояние, которое можно было обрести, если возвыситься до уровня потустороннего Спасителя, то есть избавиться от

тела и вознестись в высшие духовные сферы. Пелькe писал, что «Божественный план» состоял в том, чтобы провести человеческую селекцию, соблюдая определенные «законы выведения». Этот план должен был воплощаться в жизнь «ангелами» — духовными, бестелесными существами. «Как сугубо духовные существа ангелы могут воздействовать только лишь на ментальном или астральном уровне. Поскольку они не являются физическими существами, то они воздействуют через вдохновение, которое воспринимается самыми возвышенными людьми. Такие люди являются более совершенными, чем ангелы, так как они могут действовать как на ментальном, так и на физическом уровне. Однако ощущается явная нехватка столь совершенных людей, которые могли бы осуществлять правильные действия от полученного вдохновения на протяжении длительного времени». Остается не совсем понятным, считал ли Пелькe этих одаренных существ посредниками межу высшими и низшими сферами мира. Впрочем, он делал некоторые указания по этому поводу: «То, что масоны высшей степени посвящения называют „тайным‟, давно уже не является тайной, подлежащей сокрытию. Они профанировали ее. Там, где заканчиваются их тайные знания, начинается лишь забота о том, чтобы сокрыть сведения, необходимые для будущих человеческих поколений. С другой стороны, если принимать в расчет нынешнее международное положение, то не остается другого пути, кроме как опираться на искренних искателей истины, которые имеются во всех слоях населения и дают ему камни вместо хлеба». В этой части своих рассуждений Пелькe цитировал Евангелие. В частности, он указывал на слова Евангелия от Матфея: «Ибо много званых, а мало избранных» (22, 14) и Евангелия от Луки: «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (14,26).

Принципиальным моментом гностицизма являлось избавление (освобождение) человека через познание Бога и «божественного света» в себе. Пелькe писал по этому поводу: «Кто является благим человеком? Это тот, кто способен во всех своих человеческих братьях увидеть божественный дух. Тот, кто возродится к новой жизни на Земле». «Арийские люди уже начинают вспоминать о своем божественном предназначении. Их развитие не остановилось. Из них в Европе хочет возникнуть ядро новой расы. Должна появиться шестая раса, которая будет производной от пятой арийской фаруновской коренной расы. Это будет великая славяно-германо-кельтская европейская раса. Светлокожие, белокурые люди в ходе отбора станут истинными фарунами. Их тела будут менее вещественными, а потому будут лишь в незначительной мере противиться одическим излучениям. Благодаря одическим излучениям они станут более проницательными и восприимчивыми». Если анализировать этот отрывок, то можно установить, что предводитель «благих» скомбинировал идеи о «силе Од» и теософскую программу Блаватской, в которой говорилось о «коренных расах».

Если проблемы теософии в великом множестве разбирались и обсуждались в отечественной литературе, то сюжеты, связанные с «силой Од», являются для нее относительно новыми, а потому на них надо остановиться более подробно. Когда говорится о «силе Од», то в первую очередь подразумевается комплекс проблем, связанных с переходом духа в материю, равно как и связи духа и тела. Отправной точкой этой теории стали наблюдения исследователей XIX века, которые обратили внимание на судорожные сокращения мышц уже умерших животных. Предполагалось, что «духовная воля» могла выражаться в физических выражениях. В 1844 году химик барон Карл Людвиг фон Райхенбах (1788–1896) предположил наличие силы, которую назвал «Од». Ее название фон Райхенбах вывел от имени германско-скандинавского божества Одина. На то время в науке господствовали представления Мессмера, который говорил о существовании флюидов (животного магнетизма). Мессмер писал: «Животный магнетизм (флюид) передается прежде всего посредством чувства. Только чувство позволяет постигнуть эту теорию». Предполагалось, что флюиды могли передаваться через любые живые и неживые предметы,

действовать на расстояниях, накапливаться, усиливаться за счет зеркал и звука. Главное отличие «силы Од» от мессмеровских флюидов заключалось в том, что фон Райхенбах считал открытую им силу двухполюсной.

Позже теорию о «силе Од» развивало множество теоретиков и мистиков. Если посмотреть на их конструкции, то можно обнаружить, что в большинстве случаев они понимали под «силой Од» метафизический свет, который был важнейшим элементом в гностической мистике. В данном случае сугубо мистическому понятию всего лишь пытались придать форму научного факта.

Известно, что Гиммлер интересовался спиритизмом. Причем этот интерес не ограничивался чисто теоретическими познаниями. Доподлинно известно, что в 1925 году будущий рейхсфюрер СС досконально проштудировал практическое руководство для медиумов, написанное Генрихом Юргенсом. Это пособие в вопросах «Практики вращения и магии маятника» было издано в качестве руководства для выявления болезней, определения пола и других характерных человеческих черт при помощи сидерической силы. Дело в том, что в своей книге Генрих Юргенс предположил, что многие знаменитые лекари, в том числе и Парацельс, обладали специфическим сложением головы, которая состояла из двух частей. Одна часть была сидерической, и другая — элементальной. Этим частям соответствовало смешение различных стихий. В данном случае — воздуха и огня (сидерическая часть), воды и земли (элементальная часть). Интерес Гиммлера к этой теории можно понять, если прочесть в подзаголовке пособия, что оно способствовало не только развитию медицинских способностей, но и «беседе с потусторонними силами». Гиммлер всегда мог найти контакт с царством мертвых и духов. Книга Юргенса могла «помочь» в этом начинании, так как была снабжена множеством таблиц и спиритических шаблонов, с помощью которых можно было беседовать с духами. В этих таблицах содержались основополагающие понятия и слова: да, нет, слева, справа, злой, добрый, живой, мертвый и т. д. Фактически это был популярный самоучитель по спиритизму.

Но система Юргенса несколько отличалась от общепринятого спиритизма. Дело в том, что в ней центральным атрибутом было не вращение блюдца, а раскачивание маятника, который приводился в действие таинственной силой — «Од»[9]. Видимо, именно эта сила способствовала переходу духа в материю, души в тело. Сила «Од» была неким новым средством передачи информации. Райхенбах, предположивший существование этой силы, стал в свое время наглядным примером того, как можно воедино увязать естествознание и спиритизм. Он был химиком, который изобрел креозот и парафин. Однако это не помешало ему в 1844 году заняться изучением силы «Од». Более того, он предположил, что сила «Од» обладала двумя полюсами. Автор «Практики вращения и магии маятника» весьма охотно ссылался на эпигонов Райхенбаха. Возьмем хотя бы одну цитату: «Мы знаем о существовании электричества, а потому можем обсудить: имеются ли в тканях организма такие места, в которых может накапливаться большое количество этой энергии? Может ли эта электрическая энергия превращаться в механическое действие, то есть при помощи импульсов, исходящих из мозга, приводить в движение мышцы? Но ничего подобного мы не найдем в человеческом теле… Моторные функции организма осуществляются без какого-либо электрического вмешательства. Не могут этого осуществить и химические реакции… С определенной уверенностью мы можем говорить о том, что организм подчиняется особенной, пока еще не известной официальной физике силе. По мнению автора этой сей работы, это — Од. Это особая субстанция, которая, как утверждает Райхенбах, позволяется людям с особой психической восприимчивостью, обладать особым зрением, осязанием и другими чувствами. Од исходит из человеческого тела преимущественно от кончиков пальцев, а также из ушей, глаз и рта. Для условного обозначения излучения исходящего от правой ладони, получает синий цвет, а от левой — красный. Райхенбах считает, что человеческое тело обладает такой же полярностью, как и земной шар». Или еще цитата из Юргенса: «Французский

исследователь Дюрвилль установил, что магнетизм является источником Ода, а точнее говоря, его излучений. Венский врач Фридрих Феров выяснил, что все нервы человеческого тела являются полыми и могут являться проводниками Ода. Фриц Кваде высказал в своей работе „Одик" рабочую гипотезу, согласно которой, Од может состоять из „ур-атомов". Эти полярные „ур-атомы" содержатся не только в Оде, но и во всех химических веществах». Затем Юргенс вновь цитировал Ферова, который воспринял античную концепцию об излучении взглядом. В частности, он писал: «Взгляд также обладает одическим воздействием — окинутый взглядом буквально облучается Одом. Свет человеческого Ода сильнее любых магнитов и кристаллов… Чувствительным людям в темноте человеческое тело видится полностью освещенным. Оно словно укутано одической оболочкой, которая увеличивает его размеры и придет призрачную необычность».

В этих «научных» выкладках теоретиков «Ода» мы можем легко узнать гностические идеи о метафизическом свете. Вспомним хотя бы того же Альфреда Шулера, который как-то сказал: «Представьте себе дрожащий комплекс света, который состоит из бесчисленного количества активных и пассивных электронов и флюидов, находящихся в непрерывном движении, из которых состоит Вселенная. Именно эти флюиды образуют нимб — ореол творческой силы, которая окружает каждую сущность». О том, что идея Ода имеет непосредственное отношение к гностицизму, становится понятно после заключительных слов Юргена: «Если дух Бога сначала проснулся только в нас, то для нас является возможным передать его и подняться на более высокий уровень, подключившись к космической энергии, без участия которой ничто не появляется и ничто не исчезает. Энергии, которая выводит нас из бессознательной сферы к осмысленному обозрению высших миров. Энергии, которая делает нас сияющими людьми, и которая дарует высшее сознание страны просветленных». То есть Бог находится в самом человеке, его надо лишь пробудить, сделать себя более возвышенным. В очередной раз мы можем видеть фактическое повторение гностической доктрины о том, что божественные искры были заронены в царство материи. Надо только лишь найти источник, откуда истекает космическая сила снова вернуться в плерому, Светлое изобилие, «Царство просветленных».

В 1942 году Гиммлер заявил своему массажисту Феликсу Керстену: «Мы начали лишь для того, чтобы объявить, что чистая германская кровь является предпосылкой для высших умственных и психических качеств. Нас порадует, если эта мысль овладеет широкими массами. Однако, здесь видна только биологическая сторона дела. Вместе с тем чистая кровь является условием, чтобы светлые силы, родственные нам, воплотились в германском человеке. А это уже религиозная проблема». О том, как Од попадает в тело, автор «Практики движения» дает достаточно четкий ответ: «В организме находится два важнейших источника Ода — это беспламенное сгорание питательных веществ в легких и тканях и фиксация Ода через дыхание. Чем больше перерабатывается питательных веществ, тем больше становится Ода. При 37° или более низкой температуре в тканях вырабатывается больше ур-атомов или эфирной материи. Но не все люди способны извлекать одинаковое количество ода из воздуха. Одом является то, что индийские йоги называют прамой».

Указанную тему не обошел стороной известный оккультист рубежа веков Папюс. В 1903 году он писал: «В учении каббалы говорится о Вселенной… Жизнь во Вселенной сохраняется благодаря световым потокам, которые омывают все планеты, накатывая на них приливами, которые зачинают жизнь. В человеке каждое кровяное тельце является получателем и преобразователем этого жизненного потока… Однако жизненная сила, которая распространяется через кровообращение, не является единственной в человеке. К ней надо добавить нервную силу. Флюиды нервов регулируют феномен, которым является жизнь. Над или скорее даже внутри упомянутых световых потоков находятся таинственные флюиды, которые являются эманацией Бога, то есть самим божественным телом». Часть из этих идей была воспринята Пельке. Например, он писал о «новом человеке» следующее: «Отставшие

или скатившиеся вниз в своем развитии люди в течение последующих столетий приобретут более совершенные формы лица и головы, что можно было наблюдать на основании тенденций развития прошлого времени. Они обретут внешнее выражение высших духовных и душевных сил, закрепятся в нем, и будут передавать свои качества по наследству. Из „кубических‟ людей они превратится в духовных существ и богочеловеков… Впрочем, фаруны все еще являются колоссами Земли — существами, которые могут думать и чувствовать по-земному, но в то же время воспринимать духовный свет, который оживляет их после мистической смерти». Идея «мистического умирания», через которое проходит путь к познанию себя, характерна не только для гностиков, но и большинства христиан. Более того, эта идея нашла свое выражение в ритуальной смерти, которая практиковалась у масонов. Пельке писал: «Братья, будьте бдительны, держите ваши двери настежь открытыми… Не оскверняйте необдуманным выбором супруга вашу „одежду‟ [земное тело], тела ваших потомков, в которых вы будет возрождаться вплоть до окончательного завершения [процесса преображения]… Как говорится в древнейшей книге человечества, книге Дизан, темнокожих и мулатов больше не будет, так как все „преодоленные‟ человеческие души будут высвобождены жертвенной кровью „агнца‟ и облачатся в „белые одежды‟. Эти слова надо трактовать с расовой точки зрения, что означает — в будущем будут иметься только белые человеческие расы, сходные нынешним арийцам».

Немалое внимание Пельке уделял проблеме защиты животных. Это было характерно для многих гностических школ, так как гностики верили в одухотворенность животных, что было связано с идеей перерождения. Пельке сообщал: «Воистину разумное и благое являются одним и тем же! Благим может быть только тот, кто действительно разумен. Он знает, что каждое притеснение обратится против самого же злодея. Поэтому он хорошо относится и к людям, и к животным. Он стремится сделать их счастливыми и заботится о них». Мистическое уравнивание в правах людей и животных было характерно в первую очередь для гностицизма. В своих построениях, которые касались проблем защиты окружающей среды, Пельке пошел много дальше, чем некоторые из гностиков. Например, он поставил природу выше человека. Пельке писал: «Мне кажется, что в результате применения минеральных удобрений интенсивный способ хозяйствования является исключительно вредным для народного здоровья. Рост числа заболеваний нервной системы, равно как и нарастание нервозности в целом, нельзя приписывать исключительно изнуряющему ведению борьбы за существование и жизни больших городов, так как аналогичные проявления мы можем найти и в деревнях… Ранее неизвестные болезни, которые шествуют по миру в виде эпидемий (например, грипп), приводят к ослаблению народного организма как в городе, так и на селе… Больше нет возможности сокращать леса. Мы и так уже достигли самого края. Теперь неизбежны катастрофические изменения климата. Нам только остается сожалеть, что в интересах сельского хозяйства мы уничтожили последние пустоши и болота, попутно изведя там остатки уникальной флоры и фауны. В наши дни многие виды птиц, животных и растений стали исчезающими, если не вымерли полностью. Мы не сохранили им условий для выживания… Но должны ли исчезнуть последние остатки природы, чтобы несколько тысяч безобразных двуногих существ смогли копошиться в земле?»

У Пельке можно обнаружить также весьма оригинальную и странную форму трактовки зарождения жизни. Например, он писал о германцах следующее: «Германцы были той расой, которая имела своей миссией передать избранную кровь другим народам, что, как известно, произошло в великом множестве… Однако германцы также призваны для того, чтобы зачать новую, шестую расу. В оккультной традиции германцы являются пятой подрасой пятой коренной арийской расы… В самом имени германец кроется потаенный смысл — оно означает „носитель семени‟… кровь германцев, в частности немцев, должна избавить человечество, она должна стать основой кристалла, из которого возникнет и разовьется совершенный человек». Если говорить о гностицизме в целом, то дуализм в нем проявлялся не только в

трактовках божественности. Противопоставление духа и материи было краеугольным камнем также гностической антропологи. В антропологической модели Пельке разделение, как того и стоило ожидать, происходило на «человеческие классы». В качестве определяющего признака для выделения этих «человеческих классов» выступали «основные уровни развития», под которыми в первую очередь подразумевалась степень приверженности земным благам и следование инстинктам. В частности, Пельке выделял класс «рационалистов», которым противопоставлял «людей разума». Первые «обладали материалистичными жизненными установками, а потому преимущественно являлись эгоистами», в то время как вторые были предрасположены к «чувству собственного достоинства». По этой причине «люди разума» виделись Пельке как «склонные к жертвенности, так как их земное „Я“ отступало на второй план перед высшими целями». Однако самый высший класс должны были образовывать «духовные люди». По мнению Пельке, они «стремятся к познанию трансцендентного и достигают своей цели». Органом шестого чувства Пельке провозглашал эпифиз — шишковидную железу головного мозга. Якобы именно она отвечала за интуицию человека (внутреннее зрение). «Она дает духовную способность видеть свет и дарует талант предсказания… Благодаря ей приобретаются оккультные способности и расположенность к мистическим силам». «Духовные люди» превозносились Пельке как «настоящие, истинные, совершенные существа, люди-ангелы, которые могли достигнуть состояния бессмертия». «Они свободны от ложных ощущений, которые дают формы чувственного мира. Они призваны занимать высшие руководящие посты в обществе. Из них возникнут баруны, белокурые люди шестой коренной и главной расы… Если они смогут достигнуть духовной зрелости, то у них Божьей милостью получится превратиться в боголюдей». Подобно большинству гностиков, глава «гуотов» отвергал жертвенный аспект распятия Иисуса Христа. Как и большинство поборников идей докетизма, он придерживался мнения, что Христос обладал лишь видимостью земного тела, а потому не мог ни страдать, ни умереть на кресте. Более того, он считал, что «глубоко духовные люди» должны были отвернуться от традиционного христианства, так как оно якобы являлось «по сути фетишизированным и нелогичным учением».

Глава 7

ИСТОЧНИКИ «БЛАГОСТИ»

Надо отметить, что большая часть ариософских теоретиков, несмотря на свой ярко выраженный антисемитизм, уделяла большое внимание еврейской каббале. Каббалистический гностицизм был присущ и Ланцу-Либенфельсу, и Альфреду Шулеру. Курт Пельке не был исключением, хотя он и предпочитал давать собственные трактовки. Если сравнивать ею толкования с классическими версиями гностицизма, изложенными в кодексах библиотеки Наг-Хаммади, то построения Пельке выглядят более умеренными. Каббала, что при дословном переводе означает «традиция», в период между XII и XVIII веками была важнейшим направлением в иудейской мистике. Центральная роль в каббале отводилась книге «Зогар» («Книга сияния»). Известная с XIII века, она должна была символизировать собой «сияние божественного света», который исходил от Торы. Каббала стала стремительно распространяться по Европе из Испании. Однако столь же стремительно она потеряла свои позиции в начале XVIII века, став «жертвой» Просвещения. Следы первых европейских каббалистов можно обнаружить в Лангедоке конца XII века, то есть как раз в то время, когда там процветала ересь катаров, которые были известны своей склонностью к гностицизму. Здесь была найдена первая каббалистическая работе — книга «Бахир» («Книга яркого света»). Средневековые каббалисты исходили из того, что в их трудах было несколько смысловых слоев. Было принято считать, что имелись различия между словарным смыслом текста и его духовным смыслом. Моше де Лион, предполагаемый автор основной части книги «Зогар», занимался разработкой четвертого смысла Торы, которому должны были

предшествовать первые три: буквальный (первый), агадский (второй) и философско-аллегорический (третий).

Четвертый смысл Торы должен был быть уровнем теософский мистерии, уровнем глубокой мистики. Именно этот четвертый смысл считался истинной сутью иудейских текстов. Впрочем, даже на этом каббалистические изыскания не остановились. Некоторое время спустя были предприняты попытки обнаружить пятый уровень, который бы позволял постигать суть слов при помощи числового значения еврейских букв. Этот способ мистической интерпретации получил название «гематрия» и до сих пор считается одним из приемов герменевтики священных текстов. Считалось, что каждое слово, каждая буква обладала 70 аспектами. В XVI веке сафедская школа каббалистики в очередной раз развила мистические представления. Она использовала представление о том, что из Египта в Израиль в исходе принимало участие 600 тысяч человек. Они же принимали Тору на Синайской горе. На этом основании строилось представление о том, что 600 тысяч душ, некогда увидевших сияние Синая, продолжали жить в последующих поколениях. То есть в одной из ветвей каббалистики речь шла о 600 тысяч божественных искр, которые должны придавать Торе такое же количество аспектов, а стало быть, должно иметься 600 тысяч буквенно-текстовых символов.

Столь подробное отступление, посвященное каббалистике, было необходимо, чтобы более наглядно продемонстрировать методы специфической герменевтики, которая была создана Куртом Пельке. Глава «благих» позаимствовал у теософов принципы каббалистической трактовки текстов, которые перенес к европейским сказкам и христианским трудам. В частности, он подчеркивал, что «Библия, а также древние сказания и сказки народов мира» обладали «многоуровневым смыслом», который можно было постичь при многократном обращении. Надо было несколько раз перечитать слова, чтобы понять их потаенный смысл. Пельке писал: «Нужно понимать арийский язык оригинала, который опирался на письмо согласными звуками. Евреи даже сегодня отчасти придерживаются этого принципа, когда в важных трактатах заменяются гласные звуки точками, расположенными в определенном порядке. Подлинный же язык оригинала является арийским». Идея трактовать еврейскую письменность через «арийский язык», скорее всего, была позаимствована Пельке у великого французского мистика маркиза Сент-Ив д'Альвейдра. Тот в 1901 году в одном из писем, адресованных Папюсу, писал: «Согласно моим изысканиям, касающихся древних алфавитов, Ка-Ба-Jla насчитывает 22 буквы и является самым таинственным арийским алфавитом». Пельке же почти в духе каббалы придерживался идей многоуровневых смыслов: «Высшие знания можно понять только при семикратном обращении. Трехкратное обращение (трехсказ) подразумевает в начале наличие простого, экзотерического рассказа. Затем следует смысл второго уровня — духовная, внутренняя (эзотерическая) сторона дела. Третий же уровень дает возможность практического приложения знаний во благо всего человеческого рода. Понимание третьего уровня было почти полностью утрачено, его отголоски можно изредка встретить у отдельных теософов и оккультистов».

Далее Пельке предлагал комментарии к пятому и седьмому уровням каббалистической интерпретации текстов: «Пятый уровень находится под влиянием планеты Марс. Он имеет алхимическое значение. На этом уровне оккультные и магические способности проявляются в степени алхимической свадьбы и чудес Христа. Этот уровень имеет отношение к „философскому камню“ и сказочной силе вриль древних атлантов. Это относится к эфирной субстанции (прана) теософов, флюидам Дюрвилля, силе Од фон Райхенбаха… Седьмой уровень находится под властью Сатурна… Он позволяет постигать тайны высшего миропорядка и божественности». В данном случае имеет смысл привести цитату из работы Папюса, которая была написана в 1903 году: «Обладание каббалистическими ключами открывает будущее, сулит успех, ведет на небо всех религий, приобщает к братству посвященных».

Если говорить о примерах применяемой Пельке интерпретации, то большинство из них относилось к библейским текстам. Одна из этих трактовок касалась указанного в Библии возраста Христа (33 года). Пельке полагал, что речь вовсе не о земном (физическом) возрасте. Пельке утверждал: «Иисус достиг тридцатого, наивысшего градуса посвящения, стал „рыцарем Кадоша", что символизирует собой совершенного человека — Адама Кадмона, о котором говорят каббала и оккультисты… Адам Кадмон — „первочеловек" — небесный прообраз человека земного». Современный иудейский мистик Гершом Шолем писал по этому поводу: «Если мы обратимся к каббалистическим трудам о Боге, то их мифический характер отчетливо обнаруживается в учении о десяти сефирот, возможностях и принципах действия живого божества… Только средневековая каббалистическая теософия восстановила и существенно развила гностическую экзегезу о мире эонов. Суть этих возможностей образует мир сефирот, развертывающееся божественное единство, которое включает в себя архетипы всего бытия. Это мир, который недостаточно сильно акцентирован, является миром внутрибожественного бытия. Он без крушения и без нового начала устремляется в видимые и тайные миры творения, которые по своему строению повторяют эту внутрибожественную структуру, отражая ее в себе». И далее: «Мифическое содержание этих символов является бесконечно изобильным. Но ничто более отчетливо не проступает, чем символика, в которой Бог открывает мир сефирот. Он предстает человеком в чистом виде, Адамом Кадмоном — первоначальным человеком. Бог, который может быть узрен человеком, предстает как раз в качестве первочеловека. Великое божественное имя в его творческом развитии звучит как Адам, о чем говорят каббалисты, занимавшиеся гематрией. Уже книга Бахир знала семь священных форм Бога, которые находили свое соответствие в частях человека. На этом основании было построено представление об Адаме Кадмоне». На каббалистические идеи, касающиеся Адама Кадмона, можно было бы не обращать внимания, если бы не несколько моментов. Каббалисты предполагали, что акт Творения происходил от света, который лился из глаз Адама Кадмона. Мир должен был накапливать этот свет в метафизических сосудах. Сефирот должны были находиться в этих «сосудах» в Адаме Кадмоне в разделенном состоянии. Однако, разбившись, эти «сосуды» привели к смешению высшего и низшего миров.

Как видим, в некоторых гностических доктринах Адам Кадмон являлся одновременно и божеством, и первочеловеком (идеальным человеком), тело которого состояло из мистического света. Курт Пельке весьма охотно подхватил эту идею, хотя и несколько трансформировал ее. Он высказывал идею о том, что исторический процесс в древности был по сути своей дегенерацией, то есть скатыванием идеальных перволюдей до уровня обыкновенных людей, которые во многом утратили в себе божественный свет. Поэтому высшей целью человека должно было стать возвращение в его идеальное состояние. Для этого надо было объединить всех, в ком текло хотя бы немного крови Адама Кадмона. Подобно большинству ариософов, «благие» провозглашали кровь «божественной субстанцией». Пельке всего лишь заменил некоторые каббалистические термины. Например, вместо Адама Кадмона и десяти сефирот он предпочитал использовать слово «кристалл» и производные от него. Он писал: «Миссия немцев состоит в том, чтобы создать новую, шестую кристианскую коренную расу. Это будет основная раса, которая займет всю материковую Европу… К формированию этой расы будут привлечены все люди, в которых течет кровь „кристаллических" перволюдей». Различие между доктриной «благих» и каббалистикой заключалось в том, что Пельке видел проблему падения перволюдей в расовом смешении и стремлении к материальным благам, в то время как еврейские мистики указывали на метафизическую драму: разбитые сосуды света.

В мистических концепциях «гуотов» можно встретить различные идеи, так или иначе относящие к гностическому наследию. Так, например, еще в II–III веках еврейские гностики пытались измерить части «божественного тела». Средневековые каббалисты превратили эти

попытки в идею об Адаме Кадмоне. В их ритуалах имелось два аспекта. С одной стороны, предполагалось установить связь всех вещей в их истинном метафизическом единстве. С другой стороны, были ритуалы, которые были ориентированы на устранение любых негативных моментов, которые мешали установлению этой связи. Постепенно метафизические идеи были спроецированы на сугубо физический мир. Например, появилась идея о необходимости ритуальных процессов, которые вели к разделению «светлого» от «загрязненного». В своей расово-мистической конструкции Пельке кроме идеи об Адаме Кадмоне использовал еще несколько компонентов каббалистических доктрин. Он писал: «О чем, собственно, повествуется в мифе о лабиринте?.. Прежде всего, о древнем „искусстве сотворения людей", бара габра из каббалы — искусства, которое было утаено от низких людей. Они не были в состоянии ориентироваться в словесных переплетениях отдельных преданий, если не имели в своих руках нити Ариадны… Там человек является мерой всех вещей. Его совершенные и гармоничные физические свойства зависят от выявления в нем божественного духа… Таким образом вся древняя мудрость и все учреждения древности вращаются вокруг проблемы творения совершенного человека, который должен являться чистым божественным храмом. Это и есть нить Ариадны. Это и есть Альфа и Омега!»

Когда Пельке говорил о «бара габра из каббалы», то подразумевал мистическую трактовку знаменитой формулы «абракадабра». Однако в каббалистическом понимании слово «бара» означало «творение». «Искусство сотворения людей» имело в своей основе множество мифов, но в первую очередь оно ассоциируется с легендой о големе. В данном случае необходимо указать на книгу Йецира («Книгу творения»), создание которой приписывалось Аврааму, но, скорее всего, она была написана в первых веках нашей эры неопифагорейцами из числа евреев. В этом трактате не только описывалось устройство космоса, но и его соотношение с человеческим телом. Так, например, указывалось, что 22 буквы еврейского алфавита соответствовали частям человеческого тела. Со временем французские и немецкие евреи стали использовать «Книгу творения» в качестве руководства по магическим действиям. В XIV веке испанский раввин Ниссим Гиронди из Барселоны писал: «Ученые мужи Германии опирались на этот пункт, который почти ежедневно использовали для демонологических вещей. Они настаивали на том, что творение человека должно было происходить именно в сосуде».

В случае с Пельке «искусство сотворения людей» было превращено в селективный отбор. На это указывает текст, опубликованный в 1925 году в журнале «Фемштерн»: «Место, где из ара, то есть от божества, происходило планомерное зачатие и выведение непорочно зачатых сыновей бога, находилось в Германии. Именно здесь располагался тайный орден искусства сотворения людей. Это было Туле… Благодаря Туле кровь первочеловека, Христа, потекла по жилам зверолюдей. Он передал через кровь человекоподобным существам божественную силу, чем принес великую жертву». Этот отрывок однозначно указывает на то, что Пельке использовал идеи Ланца-Либенфельса и «новых тамплиеров». Однако имелись и некоторые различия между концепциями «благих» и «новых храмовников».

Если «новые тамплиеры» и Ланц-Либенфельс опирались на классическую модель селекции, которая предполагала сексуальный акт, то «благие» и Пельке предпочитали говорить о «непрочном зачатии» «сыновей богов». В данном случае имелось две возможности: либо выведение их из «пробирки», либо сугубо магическое действие. То, что в данной ситуации «гуоты» подразумевали отнюдь не космический и не метафизический акт, указывает статья из журнала «Фемпггерн» за 1925 год. В ней говорилось о колдуньях и ведьмах как специалистках по «искусству сотворения людей». Они назывались общим словом «хагадизы», то есть женщины, состоявшие в культовом союзе, который занимался «практическим созданием боголюдей». Автор статьи писал, что все знатоки «искусства сотворения людей были объединены в тайный орден». Кроме этого подчеркивалось, что без «планомерной человеческой селекции», которая осуществлялась хагадизами и друидами, «в

настоящее время люди обладали бы телами, слабо напоминающими человеческие». Если говорить о конкретном выпуске журнала «Фемпггерн», то можно предположить, что он в свое время попал в руки Генриху Гиммлеру. Именно этим можно объяснить интерес будущего рейхсфюрера СС, с одной стороны, к «Союзу благих», с другой стороны — к колдовской теме, что позже выразилось в создании «Зондеркоманды Х»[10].

Согласно Пельке присутствие в человеке искры божественного света предполагало изменение в физическом облике. «Древнее германское племя свевов было тайным орденом, обладавшим этой тайной, так как в противном случае на свет не смог бы появиться гармоничный, прекрасный, белокурый, героический человек… Такие качества могли возникнуть только при условии соблюдении законов природы, принципов селекции… Сегодня мы почти полностью израсходовали человеческий материал. Если в ближайшее время не применить на практике древнее утраченное (но недавно обнаруженное вновь) знание „искусства сотворения людей“, человечество в недалеком будущем рискует погрузиться в пучину варварства… Должны отбираться специально предназначенные люди, которые должны сочетаться браком друг с другом. Их потомки должны воздерживаться от смешения с обычными людьми. Это — расовый отбор. Было бы целесообразно его проводить сначала в отдельных местностях, где имеются подобающие жизненные условия. Он должен дополняться отбором в уже имеющихся больших общностях, сословиях, ложах и кастах».

По мнению руководства «благих», для общества будущего особые проблемы должны были создавать метисы. «Метисы, как уже следует из самого слова, являются смесью различных расовых сущностей: германской, семитской, негроидной, монголоидной, славянской и т. д. Эти отдельные расовые черты не сливаются в единое унифицированное целое, но проявляются каждая по себе. Они отталкиваются друг от друга и в итоге создают человека, полного тревог, беспокойства, дисгармонии и необдуманности. Последствием господства метисов может стать то, что немецкий народ полностью забудет про свое предназначение, и будет заблуждаться относительно собственной сущности». Для «гуотов» благим мог быть только человек, который обладал расово совершенным телом. «Мы хотим быть богами, как нас этому учил Иисус. Мы хотим идти вперед, оставив позади низших людей, которые не благие, не хотят быть благими и не могут в их несовершенном теле быть благими».

Как видим, мистические концепции «искусства сотворения людей» оказались скрещенными генетическими идеями начала XX века. Каббалистические мифы оказались превращенными в биологические пророчества о человеческой селекции. Впрочем, эти пророчества не были просто словами. Для осуществления идей Пельке среди «благих» выбирались специальные «мастера», которые должны были заниматься подбором «подходящих» супругов. Еще до прихода к власти некоторые из национал-социалистов с нескрываемым любопытством наблюдали за этим экспериментом. В одном из сообщений, направленных имперскому руководству НСДАП в Мюнхен, сообщалось о селекционных проектах Пельке: «По принципиальным соображениям С(союз) Г(уотов) весьма конструктивно подходит к вопросам брака. Каждый член союза обязуется испросить совета благородного Хунориха (Пельке), после чего должен получить разрешение на вступление в брак… Подбор супругов происходит в первую очередь по астрологическим, а не расовым критериям. Для каждого из супругов составляется специальный гороскоп, чтобы убедиться в том, насколько он является „благородным“».

Отдельное внимание надо уделить псевдониму Курта Пельке — «Вайсхаар» («мудрые волосы»). Если трактовать его с мистической точки зрения, то он может означить «вернувшего древнюю религию». В данном случае нельзя не заметить поразительное сходство псевдонима Пельке и ритуального имени Карла Марии Вилигута, который был известен в СС под именем Вайстор. Это не может быть простым совпадением, так как кроме прочего оба они использовали для некоторых своих газетных публикаций еще один

псевдоним, который в обоих случаях был почти полностью идентичным — «Видар» у Пельке и «Ярл Видар» у Карла Марии Вилигута. В германо-скандинавской мифологии Видар был асом, божеством и сыном Одина. Если же говорить о предводителе «благих», то он как бы указывал на восприятие мифа об Адаме Кадмоне, то есть гностического тезиса о наследовании «кристаллического» Спасителя (Криста). На это также указывает молитва, которая читалась «гуотами». В ней отчетливо воспроизводились идеи о восприятии некоторыми людьми «божественно крови»: «Крист, Спаситель, Божественный дух, ты спускаешься вниз в виде луча и как сын асов даешь твою кровь этому миру! Твоя кровь делает глаза голубыми, кожу светлой, белокурым локонами придает золотое великолепие, а рост благородно-высоким… Избавь мир от пороков и страдания, подготовь царство благих!» Просьба о ниспослании божественной крови в конечном счете сводилась к сексуальным приемам, которые не были редкостью в ариософских культах. Как результат «Союз гуотов» попал в поле зрения службы безопасности СД. Есть версия, что основной причиной запрета организации была отнюдь не ее политическая деятельность, а «проблемы нравственности». Сотрудники СД инкриминировали «благим» аморальное поведение. Это обвинение строилось на специфическом понимании «гуотами» нравственности. Они полагали, что достигнуть «нравственного» обновления немецкого народа можно было только через так называемое «венчание левой руки». В данном случае речь шла о том, что если в браке супруги не смогли родить детей, то муж имел право завести себе вторую и даже третью жену. Кроме этого в отдельных случаях в дело мог вступить сам «Вайсхаар», который мог обеспечить некоторым из жен «благих» «зачатие высококачественного потомства».

Один из ведущих сотрудников СД, профессор Франц Альфред Зикс, смог вполне точно установить, что подобная практика говорила о том, что Пельке воспринял идеи Пауля Кётнера. Действительно Пауль Кётнер, который в 1920 году опубликовал работу «Немецкий порядок», являлся одним из идейных вдохновителей «Союза благих». Например, он писал в указанной работе: «С точки зрения селекции законными, то есть полноценными браками считаются только те, где может быть много детей, если этого не происходит, то брак может быть расторгнут. После этого может быть заключен селекционный брак. Он может возникнуть с согласия супруги и существовать одновременно с жизненным браком. Селекционный брак должен служить делу сохранения вида… Внебрачные дети больше не могут обеспечить этого сохранения. Каждый ребенок должен быть рожден в браке. Мать, состоящая в селекционном браке, должна получать от государства денежное довольствие и детские деньги подобно матери, состоящей в жизненном браке. После заключения селекционного брака она должна получать обе упомянутые государственные субсидии, по меньшей мере, до момента достижения ее ребенком 15-летнего возраста. Селекционный брак должен исправить самый великий недуг этого мира». Нельзя не отметить, что селекционные проекты Пельке весьма напоминали практику деятельности эсэсовской организации «Лебенсборн» («Источник жизни»). Впрочем, было бы ошибкой полагать, что Генрих Гиммлер воспринял селекционные идеи Курта Пельке, как на то намекает германский исследователь Франц Вегенер. Если посмотреть на политический ландшафт Германии 20—30-х годов, то можно отметить, что подобного рода представления были присущи не только для ариософских организаций, но и более умеренных фёлькише-союзов. Германия была буквально одержима идеями расовой селекции и расовой гигиены, а потому нет никаких оснований считать «Союз благих» провозвестником селекционной политики, которая со временем стала проводиться в рамках СС. Впрочем, это не исключает того, что Гиммлер все-таки был знаком с журналами «благих» и в 1925 году даже проявлял некоторый интерес к данной организации.

Хайнц Барч в своей диссертации 1937 года, посвященной оценке «всеобщего германского религиозного движения», оценивал «Союз гуотов» следующим образом: «Его основами являются расовая селекция, тайные доктрины, астрология и магические культы».

Весьма интересным было бы установить, что данный автор подразумевал под «магическими культами». Известно, что в своей работе «Новая Европа» Курт Пельке по меньшей мере дважды рекомендовал к ознакомлению оккультные статьи Папюса. В первую очередь он обращал внимание читателей на написанную в 1893 году статью, которая была посвящена практической магии. Есть сведения о том, что данная статья использовалась мюнхенским мистиком Альфредом Шулером. Например, он составлял так называемые «Зеленые тетради», которые считались «тайными посланиями, предназначенными исключительно для посвященных людей». По большому счету «Зеленые тетради» были своего рода руководством по строительству «магической лаборатории, в которой должен иметься алтарь». Сохранилось описание разделов «Зеленых тетрадей», которые были посвящены следующим темам: алтарь, экзорцизм воды, курильня и воскуривание, экзорцизм огня, магическая печь, магическая лампа, обращение духов огня, магическое зеркало, простые предсказания при помощи магического зеркала, большой магический магнит и т. д. Кроме этого Шулер не раз упоминал «ключи царя Соломона», при помощи которых (согласно Папюсу) можно было вызывать и заклинать духов. К сожалению, до настоящего времени неизвестно, намеревался ли Пельке, подобно Шулеру, повторять магические опыты, рекомендованные Папюсом. Известно лишь, что в большинстве ариософских групп использовалась практика «сидерического маятника». Повторимся — в 1925 году Генрих Гиммлер досконально изучил практическое пособие по «Практике и магии маятника», написанное Генрихом Юргенсом.

Несколько строк надо посвятить тому, как «благие» представляли себе церковное будущее Германии, после того как совершится «фарунский переворот». Надо упомянуть еще раз, что Курт Пельке происходил из евангелической семьи. Он писал: «В любом случае католицизм сохраняет в себе больше от древней религии, чем евангелизм. В католицизме больше истины. Это я вынужден констатировать как человек, сам воспитанный в евангелических традициях». Вместе с тем Пельке считал, что «иудеохристианское учение» было «чуждым народу», а потому он планировал всего лишь выявить в католицизме сокрытые гностические элементы, переложить их на теософский лад, дополнить расовым учением и каббалистическими трактовками священных текстов. На этой основе должна была возникнуть «кристианская церковь», то есть религиозная организация «гуотских кристиан». По этому поводу он писал: «Убраны все принципиальные препятствия, которые мешали объединению католической и евангелической церквей с теософией. В своих учениях они в равной степени и правы, и неправы одновременно, так как они знают только Луну и пребывают на уровне Меркурия. То, что они не смогли постичь, схематически запечатлено в их одеяниях. Теперь же в этом нет никакой необходимости. Для нас открыты врата практического расового христианства».

После того как были разобраны основные положения вероучения «благих», то стоит задаться вопросом: какие работы и какие источники вдохновили Курта Пельке на его создание? Он сам отвечал на это в одной из своих статей. Если опустить разнообразную оккультную литературу, то бросается в глаза, что Пельке в самом великом множестве использовал работы Ланца-Либенфельса и Пауля Кётнера. Поскольку анализу деятельности и концепцией Ланца-Либенфельса была посвящена отдельная книга, вышедшая в серии «Архивы Аненэрбе», то имеет смысл сосредоточиться на фигуре Кётнера, который уже упоминался нами в этой главе. Если заняться поиском работ Кётнера, то можно обнаружить, что их, казалось, было не так уж много. Это объясняется тем, что он нередко использовал псевдонимы: Эрнст Фрейман, Рафаэль, Брюкнер («мостильщик»), Ренатус Рам, Митратон, сэр Дж. М. Ноу. Учитывая эти псевдонимы, можно восстановить список работ, созданных Кётнером. Приведем его: «Искусство алхимиков Средневековья и современности» (1902), «Герметические послания» (1908), «Божественное человечество» (1910), «Пароли иудаистической политики. Разрушающий принцип» (1918), «Немецкий порядок. Право и

законы германцев» (1920), «Божественность и иудаизм» (1921), «Позитивное христианство. Доклад о пробуждающейся духовной силе немцев» (1921). «Годены[11]. Путь к солнечной стране» (1922), «Пандемониум. Правда? Сон? Ложь? Кинороман из потустороннего мира» (1927), «Последняя тайна. Завоевание мировых рун. Преодоление масонства. Третья империя. Приложение: Эрих Людендорф как алхимик» (1928), «По тропам международного масонства» (1931). Уже перечисленный список книг позволяет отчасти составить портрет человека, их написавшего. Однако историкам повезло — сохранились биографические сведения о жизни Пауля Кентера, что избавляется их от необходимости подменять факты результатами психологического анализа личности.

Пауль Кётнер родился 7 июня 1870 года в Берлине в семье торговца. Ребенком он помещал берлинскую школу, а затем перешел в гимназию Грейфсвальде, где и получил аттестат зрелости в 1890 году. После этого Пауль занялся поиском своего призвания. Он изучал в Берлинском университете и университете Галле химию, математику, физику, философию, антропологию и психологию. В итоге он все-таки предпочел двигаться в направлении естественных наук. В 1896 году он получил ученую степень после защиты работы «О рубидии и некоторых наблюдениях за ацетиленом». В том же самом году он был призван на военную службу. Он окончил ее очень быстро — в 1897 году Пауль Кётнер демобилизовался из рейхсвера в звании лейтенанта. После этого он работал ассистентом в нескольких лабораториях. В 1901 году он защитил докторскую диссертацию по теме «Чистый теллур и его атомарный вес». Почти сразу же после этого он заинтересовался проблемами алхимии. Весьма показательно, что первая прочитанная им лекция позже была превращена в книгу «Искусство алхимиков Средневековья и современности». Некоторое время Кётнер работал в Техническом институте Берлина. В 1906 году он защитил очередную диссертацию. В годы Первой мировой войны воевал на фронтах. Был демобилизован в 1918 году. Пауль Кётнер быстро сблизился с Эрихом Людендорфом, после чего посвятил себя разоблачению «масонского заговора». Скончался Кёнтер 23 июля 1932 года в Берлине.

Послевоенная Германия знала множество вульгарных конспирологов, которые специализировались на выпуске брошюр, обличающих либо еврейский, либо масонский заговор. Пауль Кётнер явно выбивался из их числа. В качестве подтверждения этого можно привести сведения о том, что он был одним из немногих германских конспирологов, кто удостоился быть упомянутым в «Международном словаре масона», который выпускался по инициативе нескольких германских лож. В этом словаре можно обнаружить весьма интересные сведения. В частности, в нем упоминалось, что Кётнер некогда состоял в «Великой земельной ложе Германии». Кроме этого он опубликовал в 1925–1926 годах несколько статей в журнале «благих» «Фемштерн», в которых обвинял в государственной измене бывшего гроссмейстера ложи графа Дона-Шлодина. Кётнер не раз утверждал, что, общаясь с масонами в различных городах и ложах, слышал о подготовленном убийстве эрцгерцога Франца Фердинанда, что должно было послужить стартом для мировой войны. Якобы мировая война была замышлена масонами для того, чтобы уничтожить европейские монархии (русскую, германскую и австрийскую). Эти утверждения были подхвачены генералом Людендорфом, за что он предстал в 1931 году перед судом. Генерал не смог доказать данные утверждения, а потому был обвинен в клевете.

Однако в рамках данной книги нас должны интересовать отнюдь не конспирологиеские построения Пауля Кётнера. Мировоззрение «Союза благих» в некоторых своих частях обнаруживает поразительное сходство с идеологическими конструкциями Пауля Кётнера. Например, если Пелька говорил о «гуотах», то Кётнер — о «годах» или «годенах»[12]. В своей книге «Годены. Путь к солнечной стране» Кётнер описывал процесс развития человека, который должен был подняться от простого существа до гностического уровня. То есть истинный «годен» должен был стремиться к познанию света и всебытия. При этом истинным «годенами» провозглашались по большей части только германцы. Именно они должны были

пройти путь «духовной трансформации». В предисловии к книге «Годены» кёнигсбергский исследователь д-р Герберт Лакнер писал: «Вторую ступень преображения, путь пробуждения, Кётнер называет „обладанием счастья“. Здесь он убеждает нас в необходимости германского осознания Криста». Предполагалось, что в указанной работе Кётнер откроет читателям «тайные знания древних арийцев». В подтверждение этого сообщалось: «На третьем уровне трансформации обретается путь к годенам, что для Кётнера означает не что иное, как достижение наивысшей ступени развития всех душевных и духовных сил человека».

Сам же Кётнер писал о «годенах» следующее: «Годены или готы означает талантливые, умелые! В них живет пробудившаяся после тысячелетнего сна божественность (Godentum = Gottum), что означает пребывание в состоянии годена». «Если богоосвещенное Я и Ты противопоставлены друг другу (процесс, который по ужасным последствиям не имеет себе подобных), то ничего не произойдет — все должно начаться со всеобъемлющего всебытия». «Совершенно по-иному надо подходить к годенскому состоянию. То, что будет происходить, нельзя сравнивать ни с озарением, ни с раскрытием. Посреди грубых реалий будничной жизни душа получает внезапный, все уничтожающий удар. Человек умирает — по-иному нельзя охарактеризовать этот состояние. Но, тем не менее, он продолжает жить. Он больше не имеет ничего общего со своим обыденным прошлым, „мистическая смерть“ забирает все нечистоты его прошлого существования». «После годенской смерти человек опускается в нетварный мир. Он больше не является Вселенной, в которой все вращается вокруг его Я, но приобщается к Вселенной, которая охватывает Все. После годенской смерти в нем проявляется Крист, после этого человек становится годеном. Человек больше не испытывает чувства ужаса перед Ничем, но обретает чувство радости, ранее ему незнакомой. Он припадает к мощнейшему источнику древней жизни. Теперь он понимает, что становится проводником, получателем, переключателем и излучателем энергий, которые дарованы ему элементальными силами. В итоге он взирает на вещи не изнутри, но пребывает выше их. Ничто не может вывести его из равновесия… Для немцев в высшей мере является необходимым взывать не к Христу, но к Кристу (именно так правильно говорить, что отражено даже в Эдде)… Наши немецкие братья являются христианами, но станут Кристами! Они бы неизбежно отвернулись от Иисуса Христа либо по церковным, либо по расовым причинам. Именно немцы, как никакие другие народы, имеют потребность в поиске религии света!»

Не исключено, что именно от Кётнера Пельке перенял идею соединить между собой астрологию и подбор идеального супруга. Во всяком случае, уже в 1908 году Кётнер писал: «Мужской характер в чистом виде пребывает под властью Марса, что делает его склонным выплескивать свою неистовость на женщину, которая со своим холодным сатурновским характером противопоставлена ему. Ошибка кроется не в мужчине, не в женщине, а в дисгармоничной полярности их астрального сложения… Как видим, чтобы осознанно вызывать гармонию в супружеской жизни, необходимо основательное знание науки о звездах». Подобно многим ариософам, немецким мистикам и оккультистам, Кётнер постоянно взывал к расовым теориям: «Пятая раса идет к своему закату и на свет уже появляются среди людей предшественники шестой расы. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в массовом сознании вновь просыпается интерес к силе духовных наук».

Схожим между Пельке и Кётнером было неоднозначно отношение к евреям и иудаизму. С одной стороны, они позволяли себе антисемитские идеи, с другой стороны — отвергали вульгарный антисемитизм. Кётнер полагал, что евреям предстояло изжить негативные моменты, которые имелись в них и в их жизни: «Доказательством того, что, несмотря на гигантские заслуги наших современных вождей, они не могут заслуживать признания, является процветание еврейского господства, против которого предпринимаются попытки ведения безуспешной борьбы. Мы неохотно признаем причины этой безуспешности. Они же

очень просты — наш настоящий враг, против которого необходимо вести борьбу, находится не снаружи, а внутри нас самих. Это — наша гордыня, которая продолжает нас невольно роднить с евреями. Именно эта гордыня не позволяет нам порвать с ними, будто бы мы хотим отрезать от себя часть своего сердца».

Если же говорить об идее расовых божеств, то Кётнер в 1920 году позволял себе вполне конкретные высказывания: «Я верю в силу моей крови и крови моих предков. Я верю в силу крови моего народа и предков моего народа. Я полагаю, что наш вид имеет особых предков — это духовные существа, подобные мне. Наш отец — это Отец всего сущего… Начало всех вещей связано с этим именем… Мы близимся к его царству, так как мы является его детьми и наследниками. А еще имеются иные, которые никогда не имели даже возможности узнать наших духовных предков. Они не могут считаться нашими родственниками, так как они не могут признать ответственность за Отца нашего. Это — те, существование которых характеризуется иными формами, в которых течет иная кровь, которые обладают иной внешностью. Это существа сего земного мира. Они имеют совершенно иные цели, и ими движут совершенно иные силы. Для меня они являются иными, чуждыми существами». Если принимать в расчет подобного рода высказывания, то нет ничего удивительного, что в определенный момент Пауль Кётнер обратился к идеям расовой селекции: «Я верю в возможности создания совершенства. Я верю в предназначение моего народа, которое состоит в том, чтобы осуществлять духовную власть над народами Земли». После этого на полстраницы шла цитата из «Родовой веры» Гвидо Рёдера. Это был показательный момент, так как несколько позже Рёдер стал осуществлять руководство коммерческими проектами «Союза гуотов». Это еще раз указывало на тесные связи между Пельке и Кётнером.

Завершая рассказ о Пауле Кётнере, необходимо отметить, что он всего лишь создал некие формы для «Союза гуотов», однако их наполнение, которое во многом являлось гремучей смесью из гностицизма, биологического расизма, каббалистики, орденской романтики, Пельке все-таки позаимствовал у Ланца-Либенфельса. Именно предводитель «новых тамплиеров» в большей степени, чем Кётнер, говорил о существовании расовых божеств, подкрепляя это изучением каббалы. Каббалу и каббалистическое таро Ланц-Либенфельс упоминал в качестве важнейших источников своей доктрины в многотомной книге «Библиомистикон». Более того, после окончания Второй мировой войны Ланц-Либенфельс написал «Арифмософикон», который по большому счету являлся учебником по практической нумерологии и каббалистике.

Глава 8

«КОЛДУН» ОСКАР ГОЛЬДБЕРГ

В 20-е годы XX века, одновременно с тем, как выпустил свои основные работы Курт Пельке, в Германии была издана каббалистическая интерпретация Пятикнижия Моисея. В этом факте не было бы ничего удивительного, если бы не два обстоятельства. Во-первых, основа для данной интерпретации была позаимствована у Ланца-Либенфельса. Во-вторых, автором этой расово-гностической работы был «колдун-еврей», как предпочитали знакомые звать Оскара Гольдберга. По большому счету если отринуть некоторые различия, то между комплексом идей Ланца-Либенфельса и Оскара Гольдберга будет очень сложно заметить принципиальную разницу. На страницах книг обоих действовали расовые божества, которые не только являлись воплощением определенных народов, но и руководили ими. Такой феномен, как Оскар Гольдберг, который смог увязать между собой каббалу и генетический расизм, позволяет задуматься о том, почему ариософы и мистические националисты конца XIX — начала XX веков воодушевлялись не только гностическими, но и каббалистическими концепциями.

Оскар Гольдберг был выпускником «семинара раввинов» берлинского учебного заведения «Бет Хамидраш», откуда вышло множество деятелей ортодоксального иудаизма. После этого он продолжил свое обучение в берлинском и мюнхенском университетах, где

изучал восточные религии, этнографию, психиатрию и неврологию. Согласно непроверенным сведениям, в 1913–1914 годах Гольдберг направился в Индию, где планировал совершить несколько ритуалов. Между началом его исследовательской деятельности и выходом принесшей ему известность книги «Действительность евреев» (1925) прошел отнюдь не один год. Впервые свои тезисы Оскар Гольдберг озвучил еще в 1903–1908 годах на встречах со своими знакомыми. Есть также сведения, что он принимал участие в деятельности «Нового клуба», который в начале XX века был создан Куртом Хиллером, Эрихом Унгером и Эдгаром Захарией. В этом клубе бурно обсуждалась вышедшая в 1908 году книга Гольдберга «Пятикнижие Моисея — цифровая структура». В этой ранней работе еврейский исследователь впервые попытался осуществить трактовку священных текстов при помощи каббалистической нумерологии. В 20-е годы он принимал активное участие в так называемой «Философской группе». Ее заседания происходили на частных берлинских квартирах, где собирались еврейские и немецкие интеллектуалы. На встречах группы были замечены Шолем, Брехт, Дёблин, Франц Блай и другие. Вокруг Гольдберга всегда группировалось несколько людей — Эрих Унгер, Адольф Каспари, — хотя нельзя сказать, что их «учитель» был авторитетной фигурой на проходивших собраниях. Он почти никогда не вмешивался в дискуссии и предпочитал, чтобы его воспринимали как некое «частное лицо». Однако было бы ошибкой говорить о том, что фигура Гольдберга ускользнула от взора проницательных людей того времени. Например, Томас Манн придавал его черты некоторым героям своих романов. Например, в «Докторе Фаустусе» (1947) Гольдберг представал в облике «доктора Хаима Брайзахера». Кроме этого можно было бы указать на некоторые отрывки из тетралогии «Иосиф и его братья». Вдобавок надо указать, что Оскар Гольдберг состоял в постоянной переписке с Карлом Вольфскелем, который в свое время был дружен с Альфредом Шулером, а затем был завсегдатаем кружка Стефана Георге. В 1929 году Вольфскель познакомил Гольдберга с Фридрихом Гундольфом, и классик германской литературы был в восторге от этого знакомства с мистиком. В 1936 году тот же Вольфскель заявил, что Оскар Гольдберг предпринимал «множество действий», чтобы создать «тайную книгу», в которой бы содержались «ключи ко всем силам, способным спасти его даже от самой страшной беды». Вольфскель настолько высоко ценил Гольдберга, что ставил его в один ряд с Альфредом Шулером. Он как-то написал: «Шулер, императрица Елизавета[13], Гольдберг и Константинос Кавафис[14] — это были четыре человека, которые были важнее всего того, что происходило в их время! Сквозь них буквально просвечивала сила. Но в них были и зловещие черты. Рядом с ними всегда были люди, через которых к ним взывали демоны». Судя по всему, Вольфскель считал сведения, которыми обладал Оскар Гольдберг, настолько бесценными, что даже его книгу рекомендовал читать избирательно. «Я уже давно считаю своим долгом говорить о его книге только тем людям, которые обладают определенным духом, а в их сердце есть сила».

Но не стоит полагать, что Гольдберг пользовался популярностью только лишь в интеллектуальных и либеральных литературных кругах. Его ценили и на противоположном фланге. Многие правые и расистские мистики считали за честь познакомиться с Оскаром Гольдбергом. Матильда Людендорф назвала его «величайшим еврейским исследователем нашего времени». Наверное, это был единственный случай, когда еврей смог заслужить не просто похвалу, но и восхищение от фрау Людендорф, которая была известна всей Германии как яростная антисемитка и разоблачительница «происков масонов». Более того, Матильда Людендорф использовала теории Оскара Гольдберга, дав собственную трактовку поражения генерала Гельмута фон Мольтке в 1914 году при Марне. Матильда Людендорф, пересказывая Гольдберга, предположила, что в этом поражении были виноваты расовые божества, которые, собственно, и спровоцировали мировую войну. Позже эту идею не раз высказывал Рудольф Штайнер, однако он никогда не ссылался ни на Гольдберга, ни на Матильду Людендорф. В 1926 году эта идея в слегка популяризированной форме была положена в

основу книги Карла Хайзе «Мир оккультных лож». Достоверно известно, что эту книгу в 1926 году внимательно изучил Генрих Гиммлер. Несколько неожиданно идеи Гольдберга были озвучены в 1940 году, когда была издана книга «К 75-летию полководца Эриха Людендорфа» (к сожалению, в выходных данных не значилось имя автора этой книги). Поразительным было то, что в разгар Второй мировой войны в германской литературе приводились огромные цитаты из «колдуна-еврея». Речь шла о метафизическом обосновании войны. Впрочем, оставшемуся неизвестным автору пришлось все-таки сделать некоторые оговорки: «Эта еврейская концепция говорит об идее тотальной войны… Кроме собственно воюющих армий имеет значение еще способ ведения войны. А именно против законов жизни соперничающих общностей, то есть против души народных братьев и сестер. Эти народы завоевывает армия совершенно специфического характера. Эта армия, с одной стороны, является сверхъестественной, но с другой стороны, она вполне реальна». В качестве примера как раз приводилась битва при Марне. Автор юбилейной книги о генерале Людендорфе указывал на работу Оскара Гольдберга «как перовое свидетельство признания расовых и фёлькише идей со стороны евреев». И далее: «По этой причине его книга замалчивалась еврейской прессой. А на книгу „Действительность евреев‟ обратили внимание только правоориентированные газеты и журналы».

Поскольку интерпретации Гольдберга (в том числе с расово-мистической точки зрения) даже при его жизни носили исключительно противоречивый характер, то будем придерживаться точного цитирования его тезисов. Он писал: «Так как этот мир является „миром великой напряженности‟, то этом мире заинтересованы как Элохим ИХВХ (Бог Яхве) так и другие Элохимы. Прочие Элохимы рассматривают „мир сей‟ в качестве области колонизации. Однако Элохимы, которые намереваются колонизировать „сей мир‟, вынуждены заключить компромисс с Элохимом ИХВХ. Так и произошло. На шестой день творения был создан Адам. Однако в создании этого „земного существа‟ принимал участие не только Элохим ИХВХ, но и другие Элохимы. Однако в Пятикнижии об этом говорится, как „по образу и подобию‟. Теперь мота происходить колонизация мира. Однако она могла осуществляться лишь настолько, насколько отдельные Элохимы сформировали отдельные расы и народы, то есть придали через созданных существ Земле свой метафизический отпечаток. В отведенном участке Земли каждый из Элохимов должен был создать свой собственный вид изначальных людей, то есть создать центр биологического развития. Однако каждый из созданных видов явно уступал метафизическому человеку. Создание различных проторас, или родоначальников рода человеческого, было предотвращено Элохимом ИХВХ. Только созданный Элохимом ИХВХ Адам мог жить вечно. Созданные же другими Элохимами существа принимали участие в человеческом облике, чтобы осуществить дифференциацию, в которой они нуждались». Далее: «Из предыдущего описания участия разных Элохимов в творении Адама следует, что, несмотря на единство человеческого рода (все человеческие существа были созданы по прототипу человека, то есть преформацию), люди происходили из различных биологических центров. По этой причине имеются различные человеческие расы. Имеются лишь несколько неизменных элементов: дух, материя, также „биологический элемент‟, являющийся чем-то средним между этими двумя категориями. Поэтому имеются три расы, которые соответствуют трем элементам мира: духу, материи и биологическому элементу. Народы, возникающие в отдельных расах, определяются различным соотношением духа и материи… Одни существуют в овладении формами состояния духа, что удается им, если только они поднимаются к более высоким мирам, так как там дух выступает в более чистой форме. Чем больше материя стремится стать духом, тем ближе она становится к духу, то есть к бескрайней действительности своего происхождения. Эта метафизичность, в качестве установки происхождения, является отличительной чертой одной из трех основных рас арийцев. Под ними подразумеваются метафизичные индийцы, персы, древние народы Северной Европы и т. д, то есть те, кто в Пятикнижии выступают под именем Яфет. Другие

существуют благодаря господству над материей, которую нужно понимать (как и в случае с духом) опять же трансцендентно, но не эмпирически, так как речь идет о возвышении материи. Это земной удел второй из трех основных рас — семитов, которые в самой чистой, но принципиально новой форме воплощены в народе евреев. Метафизика монголоидов может характеризоваться как нисхождение материи, так как она происходит в диаметрально противоположном направлении процессу, который мы назвали возвышением материи». Поясняя эту конструкцию, надо отметить, что в характерной для гностицизма форме Оскар Гольдберг относил негроидов к материалистичным монголоидам. «Сим (семиты), Хам (монголоиды) и Яфет (арийцы) являют собой три метафизические направления. Они воплотили их в себе. Их видоизменения, приведшие к появлению народов, являются трансцендентным политическим инструментом Элохима».

Когда Элохимам не удалось творение в полном понимании этого слова собственных земных рас, то «они разделили Адама на три части: Сима, Хама и Яфета, три принципиальных метафизических направления, из которых произошли народы». «Таким образом, антропология была призвана управлять ходом развития истории, в шторой каждой из Элохимов использовал собственное силовое поле (народ), чтобы вести борьбу за землю». Гольдберг подчеркивал, что Элохим ИХВХ отнюдь не являлся Элохимом Сима, но более высшей силой, которая создала идеального Адама. Он отрицал проблему противостояния монотеизма (однобожия) и политеизма (язычества), так как полагал, что Бог одного народа мог быть совершенно иной силой, нежели Бог другого народа. Подобные различия объяснялись тем, что народы и расы имели различные биологические центры своего происхождения. Народ, как сумма человеческих существ, образующих антропологический вид, могли иметь либо один, либо несколько центров биологического происхождения (если народ являлся смешанным). Опираясь на эту мысль, Гольдберг предполагал, что Бог имел для народов вполне конкретное биологическое значение. Народ для Бога являлся инструментом земной власти, через который он мог влиять на материю. Таким образом, возникала взаимная зависимость. С одной стороны, народ нуждался в Боге, с другой стороны — Бог был зависим от народа. Гольдберг отрицал знаменитую геологическую формулу, которая говорила о покорности, фатализме и преданности. В его представлениях народы были автономными от своих богов. В этой связи не был исключен деструктивный процесс, когда народ полностью утрачивал связь с Элохимом, что неизбежно вело сначала к деградации, а затем к гибели народа.

На самом деле у предложенной Гольдбергом мифологии имелась своя инверсия. В данном случае в качестве некой предшествующей появлению тезисов Гольдберга стадии можно рассматривать работу Якоба Клацикана «Кризис и решение в иудаизме». Эта книга, увидевшая свет в 1921 году, не имела глубокою мистического подтекста, но была во многом связана с популярными в то время биологическими трактовками. Как бы то ни было, но идеи Гольдберга и Клацкина переплетались между собой. Клацкин в одной из глав своей книги писал об иудаизме: «Он — сугубо национальная религия, связанная только с одним племенем и его историей. По этой причине иудаизм не знал присущего всем мировым религиям миссионерства. Все новообращенные в иудаизм рассматривались как инородное тело, а потому история вынесла этой религии свой приговор: прозелиты являлись проказой для Израиля. Поскольку евреи были народом, а не просто религиозной общиной, то обращение в свою религию не могло стать имманентной миссией иудаизма. Этим можно объяснить некоторые библейские сюжеты, касающиеся религиозной политики, которая сводилась к уничтожению языческих народов, которые отнюдь не намеревались обращать в иудаизм». Отталкиваясь от этой мысли, которая была преобразована в специфической для Гольдберга манере, он исходили из того, что необходимо было проповедовать иудаизм среди неевреев, в первую очередь среди азиатских народов. То есть Гольдберг планировал вывести иудаизм за рамки сугубо биологических границ.

В этой связи интересно задаться вопросом: как идеи Гольдберга воспринимались в среде немецких националистов и фёлькише? Гольдберг относил процесс формирование рас к далекому доисторическому времени, что не могло произойти в современных условиях. Во время процесса расового генезиса все народы были открыты для Элохимов, которые выступали в качестве центров биологического развития. В настоящее время у народов больше не было такой возможности. Подобное положение вещей характеризовалось как «совершенно противоестественное». Выводы Гольдберга могли испугать любого приверженца идей прогресса, но давали долгожданные аргументы для культурных пессимистов из числа антисемитов.

Согласно Гольдбергу арийцы в процессе своего расового формирования оказались связаны с расовыми богами и космологической эсхатологией, предопределившей, что среди народов мог быть только один победитель. Подобные выводы имели не только метафизический аспект, но и посредством трактовок каббалы были рассчитаны на вполне конкретное, физическое понимание. Победа в мировой истории должна была обретаться через кровавые жертвы, которые приносились расовым богам. Даже сугубо светские войны являлись подобного рода жертвоприношением. Нет ничего удивительного, что такие идеи, высказанные Гольдбергом, могли вызвать форменный ужас у либерально настроенных евреев, которым представления о ритуальных жертвоприношениях должны были казаться по меньшей мере анахроническими. Не стоило сбрасывать со счетов, что Гольдберг описывал в своих работах не только далекое прошлое, но пытался применить свои выводы к вполне конкретным реалиям сегодняшнего дня. Он даже пытался предложить свои услуги военным ведомствам Германии. Один из выдающихся еврейских философов XX века, Мартин Бубер, вспоминал: «Во время Первой мировой войны ученик Гольдберга, Эрих Унгер, по поручению своего учителя пришел в берлинское министерство иностранных дел, чтобы сделать официальное предложение. Гольдберг был готов отправиться в Индию, чтобы связаться там с махатмами. Это в свою очередь должно было обеспечить Германии победу в войне».

В письме, которое Бубер написал в ферале 1916 года Унгеру, философ задавался вопросами: «Чего хочет достигнуть господин Гольдберг? Положения или действия? Если действия, то разрушительного или созидательного? Если разрушительного, будет ли оно осуществлено вместе с демонами или без них?» Словно пытаясь облегчить применение идей метафизического развития к актуальным политическим событиям, Гольдберг писал: «Сейчас доисторическое время — за исключением некоторых экзотических реликтов — разрушилось и распалось. Народы, которые либо „американизированы", либо „европеизированы", в одинаковой степени затронуты этим упадком — они больше не могут вернуться в свое прошлое». Нельзя не отметить, что подобного рода заявления во многом противоречили идеям, которые сам же Гольдберг высказывал в книге «Действительность евреев». В частности, на ее страницах он сообщал: «Таким образом, антропология имеет своей целью формировать исторические процессы, на которые каждый из Элохимов воздействует через свой собственный народ. После разделения и обособления силового поля Элохимов через эти народы они начали борьбу за преобладание на Земле, что и стало началом истинной мировой истории».

Однако Гольдберг не отрицал того, что нет никакой возможности сохранить отдельные расы в идеальной чистоте. В одной из работ он писал: «Поэтому нельзя требовать от народов, чтобы они вернулись обратно в состояние далекого прошлого. За прошедшее время расы перемешивались сотни и даже тысячи раз… Как смешанный славяногерманский народ может навязывать миру „расовые законы"?» Гольдберг полагал, что народы в своей изначальной расовой чистоте сохранились лишь в удаленных уголках Индии, Тибета, Монголии и Африки. По этой причине даже немцы не являлись идеально чистыми носителями идей арийского Элохима. Они были всего лишь одной из разновидностей смесей. Несмотря на отчетливо выраженный расовый акцент, Гольдберг всегда выступал в своих работах против

деструктивной селекции, то есть попыток вернуть себе изначальное расовое состояние. В подобных устремлениях он видел угрозу распада и гибели уже существующего народа.

Пельке, Ланца-Либенфельса и Гольдберга при всех имевшихся различиях роднил один принципиальный момент — в идейных построениях использовалась конвергентная смесь из гностики, каббалы и современной тому времени генетики. Попытка богоискательства привела к возникновению крайне опасных идей, так как указанные выше люди дали возможность трактовать мистику с сугубо биологических позиций. Кроме этого их пример показывает, что гностический расизм немецких мистически ориентированных националистов базировался не только на Библии и Эдде, но и на каббале.

Глава 9

ЗОЛОТЫХ ДЕЛ МАСТЕР ФРАНЦ ТАУЗЕНД

В 1927 году вдохновлявший Курта Пельке Пауль Кётнер написал роман «Пандемониум». Одна из его частей называлась «Алхимик». Позволим себе привести небольшой отрывок оттуда. «Тогда он направился к заколдованному замку. Теперь он знал, где находился тайный вход в подземные лаборатории. Старый ученый-алхимик мог попадать в них прямо из учебных аудиторий… Его почти тянул к себе находившийся на высоте человеческого роста иероглиф. Он испытывал почти физическое воздействие от этого символа, изображенного на задней стене. Это была точка, находившаяся в центре трех вставленных друг в друга дисков, изготовленных из золотых пластин в палец толщиной. На ощупь она напоминала каучук. Наверное, некогда это было золотой амальгамой[15]. Однако от этой точки исходило мощнейшее излучение. Оно было настолько сильным, что почувствовать его можно было даже при легком касании. Стоило тронуть ее, как по всему телу проносился ослепляющий поток жизненных сил. Кровь буквально бурлила от этого, а каждая вещь, на которую падал взгляд, обретала новый смысл… Раздался шум, шипение и позвякивание. Откуда-то издали донеслись негромкие звуки хоралов и гимнов. Стена распахнулась по всей своей ширине. Он смог пройти в квадратную комнату, стены, пол и потолок которой казались сложенными исключительно из золотых кубиков и шаров. В центре ее находился гигантский слиток золота. На нем возвышалась массивная чаша из золотой амальгамы. Съехавшая на бок стеклянная крышка позволяла увидеть, что чаша была наполнена красным порошком. Красная тинктура! Она позволяет менять планетарное соответствие металлов. Она может менять их атомарный вес. Она сокращает в них проотоатом „Он“ в ключе 1:11! После этого он проверил пол, стены и потолок. Они были из чистейшего золота! И это золото мерещилось живым. От него исходило пьянящее дыхание. Казалось, что здесь, в этой комнате, были сконцентрированы все силы. И тут он вспомнил о своих фантастических видениях. Когда в свои земные 33 года он устремился к изучению этих сил, то он прошел посвящение. Учитель погрузил его в транс, во время которого он увидел райские девственные леса и другие образы. Там до сих пор жил небольшой народ, происходивший от атлантов. Эти люди возводили напоминающие пирамиды храмы и жили в больших кубических домах. Свои жилища, не имевшие окон, они возводили из отполированного гранита и порфира. Скрываясь от инков, они взяли с собой самые великие святыни. Одной из них был большой золотой диск, разделенный на 360°. На нем иероглифами были записаны все земные и небесные события. Как и тысячелетиями ранее, эти люди сейчас при помощи телеэнергии поддерживали постоянную связь с шаманами и Лхасой… Когда ему стали понятны эти вещи, то стены и потолок, сложенные из золотых кубиков, напоминавших солнечные зайчики, стали растворяться. Жар становился просто невыносимым. Он чувствовал, как по его венам текло aurum potabile[16], а в сердце расцветала мистическая роза. Теперь он мог постичь суть темных и светлых арканов. Стены окончательно растворились, а солнечные зайчики превратились в амфитеатр огромного собора… Когда он переступил порог мистического царства, то вновь оказался в лабиринте, напоминавшем подземелья старого алхимика. Но

теперь он поднимался к истинному светилу, о таинственной силе которого на Земле он мог только читать в книгах».

Считается, что у «молодого алхимика», описанного в романе, имелось несколько прототипов. В послевоенной Германии тема алхимии была очень популярной. Отчасти это было связано с тем, что после поражения в Первой мировой войне немцам были назначены грабительские выплаты, закрепленные Версальским мирным договором. Так, например, в июне 1920 года страны Антанты требовали от Германии 269 миллиардов золотых марок. В 1921 году было решено, что выплаты будут происходить на протяжении 42 лет. Когда германское правительство отказалось выплачивать такие титанические суммы, французские и бельгийские войска оккупировали Рур и окрестности Дюссельдорфа. В мае 1921 года Англия пошла на «уступки», согласившись на сумму 132 миллиарда золотых марок. Нобелевский лауреат, химик Фриц Хабер высчитал, что эти денежные средства должны были соответствовать 50 тоннам чистого золота. То есть один грамм золота высшей пробы приблизительно соответствовал сумме в три марки. Если превратить эти объемы в зрительный образ, то читатель должен представить себе титанический куб из золота, каждая грань из которого имела в длину 132 метра. То есть это был «золотой небоскреб». Конечно же, это были нереальные требования, что порождало в немецком обществе спрос на алхимию.

Впервые эти общественные настроения наглядно проявились, когда в 1922 году был опубликован роман Рейнхольда Эйхакера «Борьба за золото». Героем романа был инженер и лауреат Нобелевской премии Вальтер Верндт. Согласно сюжету, он пообещал германскому правительству изготовить необходимое количество золота, чтобы тем самым облегчить судьбу Германии. В одной из глав он заявлял: «Золото может победить только золото. Проклятие этого металла падет на наших недругов. Сегодня от нас они требуют миллиарды, которые рассчитали в золоте. Однако если выплатить эти миллиарды, то Германия будет свободной. И я предлагаю это золото немецкому правительству… Мы сможем смыть свой позор. Мы вновь сможем сделать Германию духовным предводителем всего мира». В данном случае в образе Вальтера Верндта проявились черты реально существовавшего человека — исследователя-химика Фрица Хабера. Он как-то произнес: «Золото является малоприменимым материалом. Оно идет лишь на украшения да золотые зубные коронки. Но это не мешает мерить им все товары и услуги». На протяжении многих веков алхимики пытались получить золото. Большинство из них это делало не для наживы, хотя эта версия является самой популярной, но для того, чтобы постигнуть тайны мироздания. Алхимия как бы являлась переходным мостиком между микрокосмом и макрокосмом. Алхимическая мистика по своей структуре и основным идеям во многом повторяла гностические доктрины. По крайне мере и гностики, и алхимики полагали, что «освободившаяся от физического тела душа должна была вновь вернуться к Богу». Однако если гностики занимались познанием человека, который должен был очистить душу от всего физического, то алхимики занимались постижением субстанций. В этом процессе они намеревались «очистить субстанции от нечистых элементов».

Расовый гностицизм, которым были пропитаны ариософские доктрины, отчасти был воспринят тем, что принято называть «эсэсовской эрзац-религией». В любом случае Генрих Гиммлер всегда проявлял повышенный интерес ко всему, что касалось алхимии. Личный астролог рейхсфюрера СС Вильгельм Вульф вспоминал, что как-то Гиммлер сказал: «Алхимик Таузенд будет находиться в концентрационном лагере, пока все-таки не получит золото». Собственно, это был не единственный случай, когда Гиммлер контачил с алхимиками: например, он встречался с выдающимся французским мистиком Гастоном де Менгелем, который в свою бытность приложил немало усилий, чтобы развить теоретическую основу алхимии. Еще в 1913 году де Менгель читал в Лондонском алхимическом обществе доклад,

посвященный проблеме трансмутации, то есть процессу превращения простых металлов в благородные. Впрочем, обо всем по порядку.

Франц Сераф Таузенд появился на свет 5 июля 1884 года в Крумбахе, небольшом городе баварской Швабии. Его родителями были Атаназиус Таузенд и Мария Таузенд, в девичестве Бёллер. Дедушка Франца Таузенда был мастером, изготавливающим скрипичные музыкальные инструменты. Второе имя Франца Таузенда — Сераф (производная от Серафима — высшего вида ангелов) как бы сразу же задало мистическое направление жизни мальчика. Сочетание имен «Франц Сераф» невольно возвращает нас к сказаниям о стигматике и святом Франциске Ассизском, которому в 1224 году явился серафим. Впрочем, в отличие от известного святого Франц Таузенд стал проявлять интерес к мистике не с раннего детства. Он вел жизнь обычного ребенка. Его отец работал жестянщиком. Однако уже в то время Атаназиус Таузенд слыл среди местных крестьян «чудесным целителем». Он мог избавлять от недугов как людей, так и скот. Сведения об этой деятельности достигли органов власти. Отца Франца Таузенда обвинили в шарлатанстве, после чего семья была вынуждена покинуть Аубинг. Еще ребенком Франц Таузенд тянулся к знаниям и проявлял многие таланты. Со временем было решено направить мальчика в специальную педагогическую школу, где он должен был готовиться к тому, чтобы стать учителем народной школы. Однако эта затея закончилась провалом. После этого его направили в училище для унтер-офицеров, но и там Франц Таузенд не смог свыкнуться с условиями жизни, после чего он покинул это учебное заведение. К этому времени его семья смогла вернуться обратно в Аубинг. Туда же перебрался и юноша, который стал осваивать профессию своего отца, став подмастерьем жестянщика. Его жизнь некоторое время текла вполне размеренно. В семье Франц Таузенд был не единственным сыном. Средний из сыновей был вынужден скрыться в Америке — его обвиняли в мошенничестве. К слову сказать, он перебрался на другой континент со всеми присвоенными деньгами. Младший из сыновей рано женился. Однако он умер от неизвестной болезни. При этом произошла в высшей мере странная история. Находясь на смертном одре, младший из братьев составил новое завещание, согласно которому передавал все свое имущество не жене, но Францу Таузенду. Не исключено, что это было сделано потому, что Франц Таузенд почти всегда поддерживал деньгами своих братьев. Впрочем, позже немецкая пресса предпочитала писать о «бесчувственном мошеннике, который лишил причитающегося наследства вдову».

Так или иначе, но со временем Франц Таузенд перебрался в Гамбург. В «портовой столице» Германии он начал обучаться аптекарскому делу — он мечтал стать фармацевтом. Именно тогда Франц Таузенд стал знакомиться с мистической и оккультной литературой. После того как ему пришлось некоторое время отслужить в 4-м полку (Метц), он трудился специалистом по найму, что не приносило много денег, да заработки были во многом случайными. Франц Таузенд постоянно курсировал между Гамбургом, Мюнхеном и Аугсбургом. Некоторое время он трудился контролером на небольшом химическом предприятии. Это обстоятельство «разрешило» ему писать на визитных карточках «д-р Франц Таузенд, химик». Конечно же, это был обман — Таузенд не имел университетского образования в области химии. Накануне Первой мировой войны он женился. Его избранницей стала простая официантка. На фронт в 1914 году Франц Таузенд пошел в звании сержанта. После демобилизации в 1918 году он работал заместителем начальника в военном управлении строительства Мюнхена. Это позволило ему сколотить небольшой капитал. Кроме этого ему удалось пристроить свою супругу в Баварское военное министерство. Об этом периоде жизни Франца Таузенда сохранилось лишь несколько упоминаний. В 1929 году газета «Мюнхенская почта» писала: «В послевоенное время, когда свирепствовала инфляция и повсюду царил дефицит продуктов, он основал „Союз семейных друзей“. Эта организация ставила перед собой цель приобретать для своих членов продукты питания, минуя посредников. Таузенд создал подобие кассы взаимопомощи. Федеральное казначейство

выделило для нее достаточное количество средств. Но люди не увидели ни денег, ни грамма масла. Впрочем, это был лишь один из тысячи случаев, с которыми сталкивались по всей стране». Не исключено, что проект Таузенда потерпел неудачу из-за галопирующей инфляции, которая обесценивала деньги буквально на глазах. С другой стороны, это не помешало ему приобрести в окрестностях Регенсбурга особняк, который по своему внешнему виду напоминал небольшой замок. Однако дела у семьи Таузендов не заладились, а потому особняк пришлось очень скоро продать. В 1920 году Франц Таузенд вновь вернулся в Мюнхен. Там он приобрел дом в престижном пригороде Оберменцинг, который перестроил под лабораторию. Здесь Таузенд планировал создать собственное аптекарское предприятие.

Однако деньги для Таузенда требовались очень срочно — у него родилась дочь. Поскольку аптекарский проект не начал работу вовремя, то ему приходилось искать новые средства для существования. В данном случае он решил использовать созданное им в 1913 году в Людвигсхафене «Учреждение научной экспертизы скрипок». Предполагалось, что обладатели музыкальных инструментов должны были приносить сюда свои скрипки на экспертизу. Францу Таузенду уже рисовались картины, когда в будущем любой обладатель скрипки, не прошедшей «специальной экспертизы», считался бы всего лишь владельцем «сомнительного объекта». В перспективах значился перенос «Учреждения научной экспертизы» в Мюнхен. При нем должны были возникнуть специальная школа, в которой должны были обучать изготовлению музыкальных инструментов, и община творческих людей. Не лишенный тщеславия Франц Таузенд мечтал о том, что в определенный момент «подарит» свой проект баварской столице, после чего прослывет меценатом и покровителем искусства. Однако на начальном этапе для осуществления этих планов требовались деньги, а в них ему отказывали все реально действовавшие меценаты. Тогда Франц Таузенд решил несколько изменить направление своей деятельности. Он стал разрабатывать «тайную процедуру», которая позволила бы звучать любой скрипке как творению Антонио Страдивари. Впрочем, даже в этом начинании он не был оригинальным. В начале века эта идея вынашивалась берлинской фирмой «Новая Гремона». К слову сказать, за свои разработки эта фирма в 1911 году получила золотую медаль на всемирной выставке в Турине. По большому счету вся «тайная процедура» состояла в том, чтобы покрыть скрипку старым лаком, после чего музыкальный инструмент приобретал более изысканное звучание. О том, что Таузенд пребывал во власти своих иллюзий, говорит хотя бы тот факт, что он еще накануне Первой мировой войны стал наводить справки, как он мог получить Нобелевскую премию. Но мечтам не было суждено сбыться — покупателем «нового Страдивари» у Таузенда стал лишь один голландский подданный.

Между тем Таузенд решил попытать счастья на новом поприще. В 1922 году он опубликовал брошюру «180 элементов, их атомарный вес и приведение их в гармоничную периодическую систему». Как уже следовало из названия, Франц Таузенд предлагал миру собственную периодическую систему химических элементов. В основу ее была положена идея о сопоставимости системы элементов и нот. Весьма самоуверенно он писал в указанной брошюре: «Как известно, алхимики были в состоянии превращать ртуть или свинец в золото. Если в прошлом научные авторитеты верили в это, то сейчас это является всего лишь предположением. Сегодня от неуки старого времени осталась лишь „вера‟. Наоборот, прошлая вера сейчас трансформировалась в науку! Я рекомендую обратить внимание на вторую таблицу, а именно группу V. Здесь мы можем найти Аи (золото) — Hg (ртуть) — РЬ (свинец). Это указывает на возможность того, что алхимики обладали знанием, в которое сегодня мы можем только верить. В моем следующем произведении — „Трансмутация элементов‟ — будут приведены доказательства, что эта вера является истинной». Впрочем, свою вторую книгу Франц Таузенд так никогда и не написал. В 1929 году критики Таузенда иронично характеризовали его проект «чудом каббалистических тайных искусств». Но по большому счету сам Таузенд никогда не скрывал, что предложенные публике построения и

системы были плодом его бурного воображения. Например, в брошюре 1922 года он обращался ко всем, кто хотел постичь смысл его системы: «В настоящее время основой химии являются не опыты и эксперименты, но знание и мастерство.

Правильнее было бы даже говорить об алхимии. Сейчас как никогда мы приблизились к целям алхимиков».

Чтобы придать своему проекту значимости, Франц Таузенд стал распространять слухи, что «некое иностранное государство уже проявило интерес к данному проекту». В «подтверждение» этого он направился в Голландию. На самом же деле он намеревался всего лишь провести переговоры с голландцем, который в свое время купил скрипку «со звучанием Страдивари». На этот раз Франц Таузенд хотел предложить ему стать финансистом «алхимического проекта». Как и стоило предполагать, обратно в Германию он вернулся унылым и подавленным. После этого в одной из мюнхенских газет появилось объявление следующего содержания: «Долевое участие в акционерном капитале! Предпочтение отдается крупным предприятиям химической отрасли. Участие строго от 100 тысяч марок». Франц Таузенд тут же заинтересовался этим объявлением. Когда он прочитал указанную газету, то уже хотел потратить десятки тысяч марок на химическое производство «продукта 143». Предполагалось, что из глины можно будет добывать железо, оксид алюминия и олово. Как ни странно, но нашелся человек, который решился инвестировать средства в данный проект. Им был 21-летний Рудольф Ринхардг. Это бы весьма сомнительный субъект. По нынешним временам его можно было бы назвать жиголо. Юноша крутил роман с вдовой крупного прусского землевладельца, которая в итоге доверила ему вести все финансовые и хозяйственные дела. Так на свет появилось предприятие «Таузенд-Ринхардт». Впрочем, почуяв неладное, фрау Шильбах решила несколько изменить условия сотрудничества. Она выдала Таузенду наличный займ в размере 90 тысяч марок, с условием выплаты 24 % годовых. Кроме этого она должна была получать 50 % процентов прибыли от участия в предприятия.

Появившиеся деньги вскружили голову Францу Таузенду. В итоге он решил отказаться от производства «продукта 143», а сосредоточиться на изготовлении «продукта 164», то есть золота. Так Таузенд превратился в практикующего алхимика. Поскольку рост инфляции в Германии почти не сбавлял темп, то дом в Оберменцинге пришлось продать, лабораторию перенести в здание, где некогда проживал покойный брат Франца Таузенда. Впервые о производстве золота со своими кредиторами Таузенд заговорил в 1924 году. Поводом для этого стали неудачные попытки добыть «продукт 143». К тому времени список людей, которые финансировали «алхимический проект», расширился. В нем появился директор горнодобывающего предприятия Ланггребер, который кроме всего прочего являлся соседом Таузенда. Чтобы придать своим изысканиям весомости, новоиспеченный «алхимик» обратился в химическую лабораторию Вюрцбурга, а также заручился рекомендательным письмом некоего университетского профессора, в котором якобы подтверждались исключительные способности Таузенда. В начале 30-х годов Рудольф Ринхардт свидетельствовал: «Например, в апреле 1924 года я попросил профессора Лаутеншлагера проверить, насколько состоятельными были идеи господина Таузенда. В то время профессор Лаутеншлагер играл ключевую роль на предприятии „ИГ-Фарбен“. Этот господин решил удовлетворить мою просьбу и прибыл в Мюнхен… После наблюдения за процессом профессор Лаутеншлагер пришел к выводу, что столкнулся с каким-то новым явлением. Он заявил о том, что наблюдал за появлением оксида ранее ему неизвестного типа. Кроме этого он подчеркнул, что если бы имел в распоряжении больше времени, то непременно продолжил бы свои наблюдения». Надо отметить, что Лаутеншлагер с 1938 года стал входить в правление «ИГ-Фарбен». После окончания Второй мировой войны его обвиняли в проведении опытах на людях, в том числе в концентрационных лагерях, однако он был оправдан.

Тем временем по Мюнхену поползли слухи о том, что Францу Таузенду все-таки удалось произвести искусственным способом золото. Поскольку Мюнхен в то время являлся своего рода форпостом для правых и националистических организаций, то не стоило удивляться тому, что слухи приобрели отчетливо выраженный политический оттенок. Один из очевидцев позже вспоминал: «Казалось, что пришло время спасения Германии. Многие думали, что вскоре будет произведено золото, которое освободит страну от оков ссудного капитала. Это золото могло помочь создать сильный, национально ориентированный банк. Это банк должен был бы помогать всем национальным и фёлькише организациям». Теперь становится понятно, почему проект Таузенда привлек к себе внимание правых организаций. «Алхимик» заводит связи в националистическом лагере. Националисты, оказывая ему поддержку, надеялись, что тот в скором времени начнет поддерживать праворадикальные организации полученным золотом. Окрыленный своим «успехом» Франц Таузенд решил даже связаться с фельдмаршалом Гинденбургом, который только-только стал рейхспрезидентом Германии. Но в аудиенции Таузенду было отказано, а потому ему пришлось довольствоваться знакомством с генералом Людендорфом, одним из влиятельнейших национал-социалистов второй половины 20-х годов. При первой встрече Людендорф выражал оправданные сомнения в реальности «алхимического проекга». После этого Таузенд показал немолодому генералу кусок золота. Как вспоминал очевидец: «Это было самое настоящее золото! 7 граммов золота, которые были произведены из полутора килограммов массы-сырца». Если в начале Таузенд видел себя покровителем искусств и меценатом, то теперь он стал примерять на себя корону «Спасителя Отечества». Теперь он уже не нуждался в поиске возможных финансистов — деньги полились к нему буквально рекой. Несмотря на то что Германия все еще не оправилась от кризиса 1923 года, он приобрел себе замок Пашбах, в котором было 43 комнаты. К замку прилегал великолепный парк. Однако даже на пике своей эйфории Таузенд не терял рассудительности. Так, например, приобретение замка было оформлено на его супругу. Судя по всему, уже в 1925 году он предвидел, что дело могло закончиться конфискацией имущества.

В попытках получить золото Франц Таузенд прибегал к нескольким способам. Первым из них был так называемый «ртутный процесс», который предлагал возможность двух решений проблемы, в том числе использование «красной тинктуры» («эликсир эликсиров»). Кроме этого он пробовал прибегнуть к «КОН-методу» (от гидроксида калия — «калиевого щелока» или «каустичного поташа»). Кроме этого, начиная с 1927 года Таузенд ежедневно воздействовал на свинец при помощи так называемых «зеленых кристаллов». Во время этих экспериментов в лаборатории витали зеленые пары цианистого калия, что было смертельно опасным для здоровья. По этой причине во время работы Францу Таузенду большую часть времени приходилось проводить в противогазе. Нередко он давал подобие представлений. Таузенд клал в тигель некоторые из ингредиентов, которые плавил. В это время десятки глаз устремлялись в тигель, в котором шипела и переливалась жидкая масса. Когда приходило время, Таузенд клал в тигель гидроксид калия. Если при этом использовалась ртуть, то не были исключены взрывы. Нередко содержимое тигля выбрасывало на потолок. Пораженные зрители устремляли свой взор вверх в надежде, что увидят снисхождение потоков золота. В подобных случаях Таузенд заявлял, что как только производство золота будет поставлено на поток, то термические процессы будут проводить под открытым небом, что должно будет предотвратить сильные взрывы. Таузенд снимал тигель с огня и подходил к окну, чтобы рассмотреть остывающую поверхность смеси металлов. Нередко возникал «эффект зеркала» — застывшая черная масса переливалась всеми цветами радуги. После этого наступала самая важная часть представления — Таузенд должен был разбить тигель, чтобы извлечь застывшую массу. Когда это происходило, то он обнаруживал в ней зернышко золота. Затем обнаруженный золотой шарик посылался на экспертизу во Франкфурт. Нередко экспертизы проводились в Берлине или Фрайберге. Во всех случаях приходивший ответ был одним-

единственным: в тигле было обнаружено самое настоящее золото! Если эксперименты с «красной тинктурой», вопреки ожиданиям, не удавались, то Таузенд находил какую-нибудь отговорку. Позже его критики предполагали, что он либо подбрасывал зерна золота в тигель, пряча их между пальцами, либо выплевывал, когда склонялся над тиглем.

Одним из наблюдателей, присутствовавших на экспериментах, был инженер Фриц Дёринг. Именно он познакомил Таузенда с крупным промышленником Альфредом Маннесманом. Дёринг и раньше вел дела с ним. Однако Маннесман был настолько занятым, что не мог направиться в Мюнхен, чтобы встретиться с Таузендом и Людендорфом. По этой причине знакомство состоялось в Кёльне. Альфред Маннесман не был зарядным предпринимателем. Он был первым, кто стал применять новые методы вальцовки, которая была изобретена его братьями Рейнхардом и Максом. В 1887–1890 годах он был техническим руководителем и коммерческим директором вальцовочного предприятия «Трубы Маннесмана» в Комотау (Богемия). После этого он основал собственное предприятие в Берлине, продолжая при этом руководить заводом в Комотау. Принимая во внимание эти сведения, очень сложно заподозрить Альфреда Маннесмана в легковерности и наивности. Кроме этого не стоило забывать, что в проекте Таузенда решились участвовать многие видные мюнхенские промышленники. Не исключено, что Фриц Дёринг стал в какой-то момент подозревать Таузенда в мошенничестве.

Только этим можно объяснить то, что он на собственные деньги создал лабораторию в Штарнбергайне, где Таузенд находился под самым пристальным наблюдением. Более того, его не подпускали близко ни к тиглю, ни к плавильным печам. Как результат — в итоге опытов и экспериментов не было получено ни грамма золота. После этого Таузенд вернулся в собственную лабораторию. Когда Дёринг покинул лабораторию, то повторить эксперименты Таузенда было поручено одному из контролеров-химиков. В тот момент произошла в высшей мере странная история. Во время эксперимента химик заснул! В это время плавильная печь работала в автоматическом режиме. Когда в лабораторию вернулся Дёринг и разбудил спящего химика, то в тигле было обнаружено золото. Не было ясно, появилось ли оно там в результате эксперимента или кто-то все-таки незаметно пробрался в лабораторию и подкинул его туда. В любом случае Дёринг не верил в возможность получения золота алхимическим путем. Он стал настаивать на том, чтобы Таузенд проводил свои эксперименты под неусыпным контролем незаинтересованных лиц. Подобное поведение привело к тому, что Дёринга перестали пускать в лабораторию «алхимика». Более того, сам Таузенд решил оградить свои изыскания от взоров любопытной публики. Он перенес свою лабораторию в Гильхинг-Аргельсрид, удаленный пригород Мюнхена. Одна из газет в те дни писала: «Там можно наблюдать ряды колючей проволоки, которые тянутся по всей протяженности земельного участка. Место, где работает Таузенд, охраняется огромными волкодавами. Среди местных жителей он уже прослыл чернокнижником!»

Когда Франц Таузенд почувствовал вкус денег, то он решил не ограничиваться только лишь «алхимическим проектом». Так, например, в январе 1925 года он смог договориться о лицензировании изобретенного им кровоостанавливающего лекарства «Миллелектроль», которое якобы почти сразу залечивало любые раны. Также он пытался наладить производство морфия из поваренной соли, разрабатывал препараты против травяных вшей и ящура. Вдобавок он занялся конструированием «теплой банки». Этот предмет должен было состоять из сплава алюминия и натрия. Стоило в банку налить какую-нибудь жидкость, как та сразу же должна была нагреться за счет химической реакции.

Однако уже в 1925 году группа инвесторов, которые предоставили деньги Таузенду, предпочитали не ограничиваться получением простых обещаний. Они объединились в специальное общество, что якобы могло помочь соблюдению их интересов. В июле 1925 года приблизительно 20 человек создали негласную организацию, которая назвалась «Общество продукта». Общество не проходило официальной регистрации в органах юстиции, но это не

мешало ему осуществлять свою деятельность. На учредительном собрании общества присутствовали: К. Шульце (Берлин), Альфред Маннесман (Кёльн), Фриц Дёринг (Штарнберг), д-р Букелей (Мюнхен), генерал Людендорф (Мюнхен), химик Куммер (Дрезден), Лебрехт Штреммель (Кёльн). Это своего рода тайное общество выделило Францу Таузенду восемь сотрудников. Все они как на подбор было боевыми офицерами, которые в большинстве своем после революции принимали участие в деятельности военизированных формирований. Кроме этого генерал Людендорф настоял на том, чтобы все присутствовавшие подписали своеобразный договор. Один из доверенных людей Людендорфа — Александр Хайсс — в 1931 году писал: «Впервые об участии Людендорфа в проекте Таузенда стало известно в июне 1925 года после подписания соглашения. Суть этого соглашения сводилась к следующему: все права на разработанные и открытые Таузендом в будущем процессы переходили к Людендорфу. Таузенд обещал хранить это в тайне. Тем не менее главный договор между Людендорфом и Таузендом был подписан только 14 октября 1925 года. У него было следующее содержание: Людендорф обязался пускать полученную от открытий прибыль на патриотическое и национальное движение. Выбор способа предоставления денег оставался за Людендорфом. Он не был обязан никому представлять отчет о расходовании денежных средств. Таузенд получал 5 % экономического дохода от производства золота. В тот же самый день было основано „Общество 164“. Кредиторы должны были получать 12 % от дохода от производства золота, сотрудники общества 8 *%.* 75 % предполагалось направлять на патриотические цели. Чтобы сохранить в тайне все сделанные открытия каждый из членов общества на случай судебных тяжб гарантировал, что будет отрицать всякую причастность к деятельности общества».

Если говорить о рядовых сотрудниках общества и сотрудниках, помогавших Таузенду, то их ежемесячное жалованье приблизительно соответствовало прожиточному минимуму. Все долевые участники, состоявшие в «Обществе продукта» (оно же «Общество 164») были ориентированы не столько на извлечение личной выгоды, сколько на достижение общественно-политических целей. Позже Франц Таузенд заявит: «Господа, которые предоставляли свои средства „Обществу 164“, не придавали никакого значения тому, чтобы когда-либо вернуть свои средства обратно». Для того чтобы облегчить работу Таузенду, «Общество 164» скупало небольшие предприятия и акционерные общества. При этом нередко возникали новые проекты. Так, например, основанное в Бремене «Северогерманское легированное заведение» предполагало заниматься выработкой олова. Во время экспериментов в качестве побочного продукта были получены некие кристаллы, которые были названы «продуктом 157». Несмотря на то что «Общество 164» по своей сути должно было быть тайным, сведения об его деятельности просочились в социал-демократическую прессу, которая сразу же стала высмеивать «алхимика» Людендорфа. В результате генерал решил покинуть ряды общества. Формальным поводом для этого являлась предстоящая операция на щитовидной железе. В любом случае этот шаг привел к тому, что «Общество 164» было распущено.

Однако это не значило, что Франц Таузенд прекратил свою деятельность или остался без средств к существованию. На Рождество 1927 года Таузенд приобрел особняк в Мюнхене. Это стало возможно после того, как его поддержала финансами семья Майнхольд. Кроме этого он смог купать саксонский замок, который в свою бытность принадлежал польскому путешественнику, специалисту по Востоку графу Лещи-Зумински. За это причудливое трехэтажное здание в неоготическом стиле, которое было украшено элементами индийско-исламской архитектуры, он заплатил 60 тысяч марок. В 1928 году Франц Таузенд стал искать выходы на фашистскую Италию. Он хотел, чтобы итальянские эксперты провели оценку его «открытий». Не надо быть пророком, чтобы предугадать — он намеревался продать «секрет изготовления золота» режиму Муссолини. Однако присланный эксперт остался недоволен результатом. В предложенных образцах он увидел всего лишь свинец, переплавленный с

золотом. Между тем стали проявлять беспокойство инвесторы. И чем дольше на свет не появлялось искусственное золото, тем сильнее становилось их волнение. Наверное, алхимики всех времен и народов терпели неудачу, когда превращали небольшой эксперимент в масштабное предприятие. Причина этого предельно ясна. Если в приеме с тиглем можно было прибегнуть к мошенничеству и тем самым все-таки «произвести» на свет несколько граммов золота, то речи не могло быть о «производстве» в большом объеме. Максимум, что мог себе позволить Таузенд, — инсценировать появление слитка золота. Между тем коммерческие инвесторы становились нетерпеливыми и хотели знать, когда они могли получить сказочные прибыли от вложенных в «алхимический проект» денег. В данном случае не стоит путать членов распущенного «Общества 164», которые ориентировались исключительно на политические цели, и инвесторов, которых интересовала только лишь собственная выгода. В итоге состоялось собрание инвесторов и кредиторов. По большому счету оно было бессмысленным, так как Франц Таузенд так и не появился на нем. Вначале он направился в Голландию, откуда устремился в Вену, чтобы учредить так называемое «Общество химических исследований». Эта организация занималась торговлей украшений, которые по внешнему виду весьма напоминали настоящие ювелирные изделия. Когда Таузенд учреждал эту структуру, то обещал австрийским инвесторам 30 % прибыли. Если кредитор хотел выйти из проекта, то получал обратно свои деньги вместе с причитающимися 30 %. По сути своей это была финансовая пирамида. Люди несли свои деньги в надежде на скорую прибыль. Среди пострадавших от деятельности Таузенда значились директора двух венских банков, концерн Маннесмана, некоторые из предприятий, близкие к концерну Круппа. Между тем в самой Германии Таузенд был объявлен в розыск. Уровень вложений в его проекты достиг такого уровня, что некоторые из инвесторов были готовы обратиться в суд. Ему грозили длительные судебные иски, но ситуация разрешилась буквально в одночасье. Когда Франц Таузенд на своем новеньком «Фиате» пересек границу Германии и направился в Италию, то его тут же объявили розыск. Италия решила не укрывать «алхимика», и 4 июня 1929 года Таузенда экстрадировали в Германию. Все замки, виллы и дачи были сразу же конфискованы. Следствие, длившееся полтора года, в основном занималось фактами мошенничества. Позже Таузенд заявит: «В тюрьме я превратился в выставочный экспонат. Дня не проходило, чтобы 20 человек не пришли посмотреть на „алхимика Таузенда“. Особое предпочтение отдавалось американцам».

Почти сразу же после ареста Таузенд предложил, что мог бы заниматься производством золота в заключении. В октябре 1929 года его просьба была удовлетворена. Но прежде чем продолжить свои эксперименты на мюнхенском монетном дворе, он подвергся тщательному личному досмотру. Досмотр проводился в присутствии комиссара уголовной полиции Карла Вайсса. Местом для досмотра стал конференц-зал монетного двора. Таузенда заставили полностью раздеться. После этого были тщательно расчесаны волосы, проверены ушные раковины, полость рта, ноздри, ногти. Полицейские заглянули Таузенду даже под веки. Было установлено, что у него не было ни одного золотого предмета, ни одной золотой коронки и пломбы. Все это делалось для того, чтобы обеспечить предельную чистоту экспериментов и не дать возможности Таузенду прибегнуть к какому-нибудь приему. Каково же было удивление всех присутствовавших, когда Таузенду удалось получить в тигле несколько крупинок золота. Поскольку за экспериментами следила пресса, то директору монетного двора Йозефу Келю пришлось дать комментарии. Для газетчиков это стало настоящей сенсацией. Сообщалось, что исходным материалом был только лишь свинец. Любые попытки доказать, что Таузенд совершил очередной подлог, были безрезультатными, так как его арест был внезапным, а потому он едва ли мог заранее запастись золотыми вещами. Впрочем, все не могло изменить положение Таузенда. Его обвиняли отнюдь не в попытках произвести золото, а в том, что он не предоставлял своим кредиторам и инвесторам точные сведения. Несмотря на то что это нельзя было рассматривать как тяжкое преступление,

адвокату Таузенду, всемирно известному графу Песталоцци, не удалось добиться освобождения из-под стражи до суда.

Глава 10

СУД НАД АЛХИМИКОМ

В понедельник 19 января 1931 года в мюнхенском Дворце правосудия начался процесс, который газеты сразу же окрестили «судом XX века». Заседания проводились под председательством судьи Гайста. В качестве судебного секретаря ему ассистировал старший советник юстиции Пфаффель. Главными судебными заседателями были: Йозеф Хермюллер и Артур Анерт. Как уже говорилось выше, интересы Таузенда представлял граф Антон Песталоцци. Несмотря на то что на суд в качестве свидетелей было вызвано более полусотни человек, главные персонажи этой запутанной истории так и не появились на процессе. Людендорф наотрез отказался свидетельствовать против Таузенда — генерал вообще недолюбливал судебную систему Веймарской республики. Альфреда Маннесмана в силу преклонного возраста решили не беспокоить. Барон Плеттенберг-Мерум неожиданно отбыл в Южную Америку. У прокурора Августа Шеффера сразу же возникли проблемы со сбором доказательной базы. Против Таузенда могли бы выступить члены семьи Майнхольд. Однако фрау Майнхольд не смогла пережить горя, связанного с утратой семейных сбережений. Один из ее сыновей застрелился. Свидетелем обвинения мог быть только его брат Фриц Майнхольд. Невзирая на то что от действий Франца Таузенда пострадало около 60 человек, большинство из них отнюдь не требовали уголовного преследования «алхимика» — их вполне удовлетворяли гражданские иски. Кроме этого обвинение так и не смогло уличить Таузенда в мошенничестве. Поначалу предполагалось, что в качестве материала для «производства» драгоценного металла в монетном дворе он использовал золотое перо авторучки, которой делал необходимые расчеты. После проведения необходимых уточнений выяснилось, что у Таузенда в тот момент не было никаких авторучек с золотыми перьями. После этого появилась новая версия, которая гласила, что Таузенд спрятал золото в сигаретах, которые курил во время показательного эксперимента. Действительно, один из бывших сотрудников Таузенда передал ему в тюрьму сигареты, но те были предварительно изучены и в них не было найдено ни посторонних предметов, ни каких-либо повреждений.

За началом судебного процесса следила вся германская пресса. Одна из мюнхенских газет писала: «В 8 часов 30 минут Таузенда привел облаченный в униформу полицейский. Хорошо одетый Таузенд элегантно прошел в зал. Кажется, он пребывает в хорошем расположении духа. Несмотря на то что ему предстоит долгое время провести на скамье подсудимых, он с ироничной улыбкой на губах рассматривает присутствующую публику. Судя по всему, он хочет произвести впечатление, что длительное заключение не сильно повредило ему. Он худой, среднего роста, с темными, зачесанными назад волосами. Он производит впечатление человека, который уверенно ожидает начала процесса». Другая газета писала: «Если возникнет желание связать его лицо с какой-то профессией, то первым делом в голову приходят мысли о парикмахере, нежели об алхимике с его ретортами. Однако это впечатление улетучивается, как только он начинает говорить. Он с улыбкой обращается к председателю суда, спокойно отвечает на вопросы, пытается умело защищаться. Он рассказывает о своих теориях так, чтобы всегда быть в выигрышном положении. Он не производит отталкивающего впечатления. Напротив, его внешность вызывает доверие».

Во время судебного процесса Франц Таузенд поведал о своей жизни, начиная с молодости: «От своего отца я получил некоторую сумму денег, которую использовал для того, чтобы предпринять несколько поездок по Европе. Я был в Тироле, затем в Швеции и Норвегии. В то же самое время я посещал Берлин, Бремен и Гамбург. Я бывал в этих городах и странах главным образом для того, чтобы посещать библиотеки, дабы тем самым повышать уровень своей квалификации. Например, в 1905 году я на три недели отправился в Лондон. Я также познакомился с Францией, Бельгией и Голландией… После того как я прекратил свою

преподавательскую деятельность в Цюрихе, я приобрел магазин музыкальных инструментов, где главным образом продавались скрипки. Дело развивалось, и в 1912 году я открыл филиал в Страсбурге. В этот город я переехал вместе с женой, чтобы управлять его работой. В то время я сам занялся изготовлением скрипок. Мой дедушка был одним из старых мастеров этого дела. *Я* интересовался изготовлением скрипок с раннего детства и мог в юности самостоятельно создавать музыкальные инструменты… Во время войны моя супруга приобрела небольшой загородный дом в Оберменцинге. Мы жили в нем вдвоем. В те дни я распродавал музыкальные инструменты, которые все еще имелись у меня. Кроме этого я унаследовал отцовское имущество, которое позволило выручить приличную сумму денег с его продажи. На эти средства я приобрел земельный участок в Ваттерсдорфе. Это произошло в 1918 году. Затем я купил небольшой охотничий замок в Петерсхаузене. После этого вместе с одним господином приобрел земельный участок близ Регенсбурга. Мы владели этим участком вплоть до 1921 года, после чего было решено его продать. Приблизительно в то же самое время мне пришлось продать свой охотничий замок, а также участок в Ваттерсдорфе. После этого мне пришлось вместе со своей супругой вновь перебраться в Оберменцинг. Там я начал создавать свою частную лабораторию. Впервые я задумался над этим еще в 1921 году. Кроме этого я планировал создать полностью укомплектованную лабораторию в Мюнхене на Фрауэнштрассе. В дальнейшем еще одна лаборатория находилась в непосредственной близости от Пинакотеки. В Оберменцинге мне пришлось трудиться приблизительно два года… Я написал свою брошюру и стал ждать результатов. В 1921 году скончался мой брат, у которого имелся дом в Аубинге. Я получил его в наследство от брата, так как раньше этот земельный участок принадлежал нашим родителям. Пока брат был жив, мне постоянно приходилось поддерживать его финансами… В конце 1923 года я вместе со своей семьей перебрался из Оберменцинга в Аубинг, где провел перестройку дома моего умершего брата. В частности, я выделил помещения под свою лабораторию… В течение этого времени мне удалось сделать несколько открытий. Например, мною было изготовлено средство для борьбы с вредителями, которые наносили урон растениям и сельскохозяйственным культурам. Также я занялся производством минеральных удобрений… Поскольку инфляция обесценила все имевшиеся денежные средства, то мне пришлось откликнуться на рекламу в „Новых мюнхенских известиях". Это объявление было дано господином рефрендаром[17] Ринхардтом… Ему тогда шел 21-й год. Но мне же показалось, что ему, по меньшей мере, 30 лет… Я продемонстрировал Ринхардту различные опыты и эксперименты.

Я всегда охотно приобретал новые знания, много читал. В частности, я штудировал трактаты алхимиков прошлого. Я также основательно изучил различные учебники химии. Но в то же время у меня не было академической подготовки. Но я смог понять суть прочитанного и после этого начал развивать свои идеи в этом направлении. Каждый звук имеет определенную частоту колебаний. Подобно этому определенная частота колебаний присуща всем материалам. Если привести в гармоничное соотношение частоту звука и частоту материала, то непременно должно получиться новое вещество. Всю свою дальнейшую деятельность я строил с опорой на эту идею… Кроме этого я трудился над квадратурой круга — и мне удалось решить эту проблему. Это подтверждают имеющиеся у меня расчеты… Я сосредоточился на экспериментах, которые были посвящены преобразованию металлов и других веществ. Мною были предприняты попытки упрощенного изготовления перекиси водорода, морфия из поваренной соли, алюминия из простой глины и.т.д. С уставным капиталом в 5 тысяч марок была основана фирма „Таузенд и Ринхардт". Она имела своей целью практическое применение моих открытий, в частности изготовление перекиси цинка. Тем не менее 5 тысяч марок явно не хватало для того, чтобы плодотворно продолжить работу. После этого Ринхардт передал мне наличными 90 тысяч марок, которые принадлежали фрау Шильбах. Однако эти средства были влиты не столько в фирму, сколько были займом, выданным лично мне. Ежемесячно я должен был выплачивать 2 % от этой

суммы, что составляло 24 % годовых… Я распоряжаться этими деньгами так, как мне это заблагорассудится, поскольку они являлись моим личным займом, предоставленным Ринхардтом и фрау Шильбах. На сумму приблизительно в 15 тысяч марок я приобрел аппаратуру и приборы, которые были крайне необходимы для моей лаборатории. На остаток денег я хотел приобрести имение. Я уже изучал подходящие дома в Баварии и Тироле, после чего остановил свой выбор на имении Пашбах близ Боцена. Само собой разумеется, я основательно осмотрел это имение перед его приобретением. Когда я увидел его в первый раз, то оно являло собой форменные руины… Переговоры о приобретении Пашбаха я поручил своей супруге. Поэтому замок при покупке был записан именно на нее… Однако мой первый денежный задаток в 20 тысяч марок пропал, так как человек, продававший замок, не был его истинным владельцем. После этого моей супруге пришлось потратить 40 тысяч марок, чтобы приобрести Пашбах…

Где-то в конце 1922 — начале 1923 года я в результате одного из экспериментов смог случайно синтезировать золото. Тогда во время опыта произошел взрыв, все ингредиенты были разбросаны по стенам. Именно в тот момент я заметил на стене небольшие крупинки золота… *Я* уведомил Ринхардта о случайных результатах моего эксперимента. Производство золота я начал после того, как была ликвидирована фирма „Таузенд и Ринхардт" (или во время ликвидации оной). То есть по времени это приходилось на зиму 1924–1925 годов… В то время я приобрел уникальную коллекцию минералов — такой больше не имелось ни у кого в мире… В эту лабораторию[18] очень часто прибывали господа, которым я должен был показывать свои эксперименты. Некоторые из этих господ представлялись по имени, имен некоторых я так никогда и не узнал. Отдельные же личности предпочитали назваться выдуманными именами. Мои эксперименты в Гильхинге закончились успехом. Поначалу мне удалось изготовить 7 граммов золота. Затем искусственным образом я смог добыть еще 28 граммов этого металла. Однажды ко мне в Гильхинг пришел господин Людендорф, который ознакомился с сутью моих опытов… Был даже назначен день, в которой ко мне лабораторию должен был прибыть господин Гинденбург… Однако господин рейхспрезидент Германии не нашел для этого времени… 14 октября 1925 года было основано „Общество 164". Учредительные документы были подготовлены в Мюнхене советником юстиции господином Шраммом. 14 октября 1925 года я встретился с этим юристом. Мне предстояло поставить подпись на заранее подготовленные договор и соглашение. Я в тот же самый день подписал оба этих документа. Тогда я впервые узнал о том, что, несмотря на то, что общество было только-только создано, оно уже обладало немалыми долгами. Я никогда не знал, для каких целей использовались эти денежные средства. Тем не менее я полагаю, что эти деньги направлялись для достижения политических целей… Членом „Общества 164" был также господин Йоханнес Кюхенмайстер. Еще до создания „Общества 164" этот господин предоставлял значительные средства Ринхардту. Их предполагалось потратить для создания упомянутого общества. Насколько я знаю, накануне создания „Общества 164" господин Кюхенмайстер передал его учредителям 20 тысяч марок, что было своеобразным вступительным взносом. Господин Кюхенмайстер еще до создания общества не раз наблюдал за моими экспериментами в Гильхинге. Я никогда не занимался делами „Общества 164". Меня волновала лишь моя лаборатория. Все остальное меня не касалось… По моим сведениям, „Общество 164" было распущено, так как господин Людендорф ложился на операцию… Это произошло в декабре 1926 года. На состоявшемся общем собрании было заявлено, что долги „Общества 164" будут оплачены господином Людендорфом либо его представителями. У меня есть информация, что обществом было собрано 500 или 600 тысяч марок. Однако отдельные из долгов общества были повешены почему-то на меня…

В конце января 1927 года я основал во Франкфурте-на-Майне „Таузендовское исследовательское общество". В эту организацию перешла большая часть участников „Общества 164". Исключение составили лишь Людендорф, Ринхардт, Остхоф и Фухс.

Учредительные документы и Устав нового общества были подготовлены д-ром Букелеем. При основании организации не было никаких денег. По этой причине надо было предусмотреть возможность приема новых членов… Действительно, 10-м параграфом решений учредительного собрания мне предоставлялось право запрашивать у управляющего организацией денежные средства в размере до 15 % от общей суммы займов или прочих средств, собранных для осуществления уставных целей организации… В целом обществу удалось собрать сумму приблизительно в 800 тысяч марок. Со временем местонахождение правления организации было перенесено из Франкфурта-на-Майне во Фрайберг. Там Кюхенмайстер владел небольшим предприятием и земельным участком, которые тем не менее были выставлены на конкурсную продажу. Вырученные деньги предполагалось потратить на политические цели.

Чтобы помочь Кюхенмайстеру, во Фрайберге общество приобрело у него земельный участок за 150 тысяч марок… Предприятие Кюхенмайстера раньше было прядильней… Венская группа общества состояла из господ Рихарда фон Шеллера, Филиппа фон Шёллера и Лео Прелойтнера. Они связались с обществом в начале марта 1927 года и внесли сумму в 150 тысяч марок. Эти деньги были перечислены со счета фирмы Алекса Шёллера в Цюрихе. Со временем они увеличили свое финансовое участие в проекте, подняв сумму до 200 тысяч марок… В разговорах я никогда не говорил именно о золоте. Я говорил исключительно о „продукте 164". Господа, которые этого не учитывали, скорее всего, подразумевали, что речь велась именно о золоте. Однако под „продуктом 164" я подразумевал исходный материал… В июне 1929 года по представительству мюнхенской прокуратуры я был экстрадирован из Италии. Я оказался в мюнхенской следственной тюрьме… После множества экспериментов я приобрел тяжелое заболевание. Болезнь дала о себе знать в марте 1928 года. Но проявилась она много позже. Я был вынужден консультироваться с несколькими врачами».

После начала процесса на Таузендом немецкая пресса докладывала: «Он скрывал суть своих опытов. И был по-своему прав, так как нигде не совершается столько краж, как в области химии. Таузенд рассуждает о связи музыки и химии, но заявляет, что никогда не планировал раскладывать вещество на атомы. Научная теория об атомах является собранием математических ошибок. Химические теории Таузенда в состоянии понять только те, кто обладает музыкальными талантами. Он пытался связаться с имперской канцелярией, чтобы провести экспертизу своих экспериментов. Его опекуном стал генерал Людендорф… При изготовлении золота Таузенду удалось ужать естественные процессы, которые длятся долгое время, в считаные доли секунды. После переговоров с Людендорфом он согласился предоставлять синтезированное золото, чтобы оно употребилось на благо немецкого народа».

Когда Таузенда спросили о доходах, которые он извлекал из «Общества 164», то он указал, что всего лишь получал зарплату, которая в год равнялась 10 тысячам марок, а также ему перечислялись 5 % от суммы собранных обществом средств. При создании «Таузендовского исследовательского общества» он учел прошлый опыт. Поэтому он изначально оговорил некоторые привилегии. Так, например, теперь он мог рассчитывать на 25 % от доходов общества, которые он мог направить в том числе на личные нужды. Но поскольку со временем у общества закончились все наличные средства, то приходилось искать новых кредиторов и инвесторов. Ситуацию, когда был подписан не самый выгодный для Таузенда договор с Людендорфом, Таузенд объяснил очень просто — он не решился отказать легендарному генералу, когда тот протянул ручку. Политическая ангажированность генерала Людендорфа, который являлся одним из основателей и лидеров национал-социалистического движения, имела и свои негативные последствия. Так, например, во время визита во Францию к Таузенду подошел журналист, который сообщил, что написал статью, которая назвалась «Алхимик Людендорфа». По сути своей, это был шантаж, так как журналист предлагал заплатить несколько тысяч марок «отступных». Это была плата за то,

чтобы указанная статья не была бы опубликована в прессе. Однако журналист не сдержал своего слова — некоторое время спустя этот материал появился в социал-демократической прессе Германии. Кроме этого Людендорф был одержим «перспективными идеями», которые не всегда шли на пользу общему процессу. Например, он выделил сотрудника, который должен был помочь Таузенду спроектировать небольшие приборы, которые бы позволяли наладить производство золота непосредственно на дому. Планировалось, что эти приборы могли быть вручены всем безработным семьям во Фрайберге. Таким образом, они становились своего рода «наемными алхимиками», которые бы получали заработную плату, а результаты своего труда сдавали бы доверенным лицам генерала Людендорфа.

Во время дачи показаний выяснилось, что большинство сотрудников Таузенда и членов «Общества 164» являлись близкими к Людендорфу людьми. В данном случае учитывались сведения, изложенные торговым агентом Лемебрехтом Штреммелем, который в 1926 году являлся директором «Таузендовского исследовательского общества». Он показал, что многие из тех, кто теперь предъявлял претензии к Таузенду, «сами обхаживали его». Наиболее активно это происходило во время визита Таузенда в Бремен. Кроме этого было установлено, что именно генерал Людендорф был инициатором того, чтобы Альфред Маннесман лично посмотрел на эксперименты Таузенда. Штреммель заявил: «До получения результатов эксперимента он был настроен весьма скептически. Однако затем его удивление было не меньше, чем радость. Господин Маннесман получил кусочек золота… Господин Маннесман присоединился к обществу, сделав взнос в 100 тысяч марок. Половина этой суммы была предоставлена моим тестем Шульце. Эти средства были выданы в качестве займа… Участники общества относились к Францу Таузенду с огромным почтением. Многие назвали его „мастером". Дрезденский фабрикант Герберт фон Обвурцер обращался к Таузенду так, будто бы тот был генералом. Фабрикант даже невольно вытягивался перед ним по стойке смирно. Некоторые из господ буквально боготворили Таузенда». Позже был допрошен министр Август Ленце, который сообщил суду, что однажды к нему на прием пришел Альфред Маннесман. Промышленник хотел получить совет, а именно: как можно было использовать изобретение Франца Таузенда «с пользой для Отечества». В частности, Маннесмана интересовало, стоило ли в будущем создавать предприятия по производству золота в Германии или за рубежом. Кроме этого он подчеркнул, что если государство все-таки решится использовать это изобретение, то оно должно было стать секретным проектом. Маннесман опасался вмешательства стран Антанты и беспорядков в самой Германии.

Во время допроса уже упоминавшегося выше дрезденского фабриканта фон Обвурцера выяснилось, что отнюдь не подсудимый, а д-р Букелей являлся инициатором создания «Общества 164». Кроме этого он привел медицинское заключение, в котором сообщалось, что Таузенд приобрел заболевание, будучи облученным радием. В какой-то момент судья обратил внимание на то, что показания фон Обвурцера в некоторых местах противоречили друг другу. Так, например, до суда фон Обвурцер занимал в отношении Таузенда более критическую и даже агрессивную позицию. В ответ на это дрезденский промышленник заявил, что после изучения материалов дела пришел к выводу о несправедливом отношении к Францу Таузенду. Более того, фон Обвурцер заявил, что изобретение Франца Таузенда было феноменальным и ему лично было очень горестно, что дело приобрело «такой оборот». Поясняя свою мысль, он подчеркнул, что причиной многих неприятностей Франца Таузенда была его супруга, склонная к расточительству и жизни на «широкую ногу». «По сравнению с тем, сколько она тратила на наряды, приобретение замка Пашбах казалось просто незначительной покупкой». Свидетели подчеркивали, что супруга форменным образом вытягивала деньги. Не исключено, что она прибегала к шантажу, угрожая заявить газетчикам о попытках в массовом порядке произвести золото. Также она могла грозить, что расскажет членам «Общества 164» об отсутствии у супруга химического образования. При этом фон Обвурцер подчеркивал: «Мы все были хорошо знакомы с Таузендом. Конечно же, мы знали,

откуда он происходил. Он никогда не делал из этого особой тайны. Мы вовсе не стыдились находиться в обществе человека, который был сыном простого жестянщика. Мы также знали, что у Таузенда не было академического образования. Однако это не имело никакого значения, когда мы видели успешный результат».

Чтобы сформировать более полный психологический портрет подсудимого, в суд был вызван профессор Август Бострём, заведующий мюнхенской психиатрической клиникой. Именно он проводил психиатрическое освидетельствование Таузенда. Бострём предположил, что отец Франца Таузенда умел ладить с людьми, хотя и мог быть человеком авантюрного склада. В данном случае делался намек на то, что Таузенд-старший был объявлен в розыск по обвинению в незаконном целительстве. Не исключалось, что именно это обстоятельство подтолкнуло молодого Франца к изучению оккультной литературы, а затем заняться экспериментами и изобретениями. Профессор Бострём заявили, что не нашел у Таузенда никаких психических отклонений или признаков психического заболевания. Однако сразу же после этого провозгласил подсудимого «личностью со склонностью к истеричности». Подчеркивалось, что подобного рода люди могли оказывать мощнейшее влияние на окружающих. В качестве примера приводились слова Букелея: «Таузенд — человек с голубыми глазами Христа». Вынося свое суждение, психиатр заявлял: «Таузенд постоянно испытывал потребность в явлении чудес. Его интересовали не столько сами изобретения, сколько желание быть изобретателем. Его истерические симптомы не вылились в патологическую идею фикс, но могли объяснить, почему Таузенд верил в свои открытия, после чего заставлял верить всех остальных. Само собой разумеется, существуют истерические личности, которые в состоянии сделать великое открытие. Однако Таузенд нуждался не в подтверждении того, что он может стать великим первооткрывателем, а того, что он уже является великим первооткрывателем».

В определенный момент на процесс были приглашены представители Италии. В частности, в качестве свидетеля предстал один итальянский профессор, который подтвердил, что «четыре года назад Таузенд предложил итальянскому правительству приобрести его открытия и даже показал весьма убедительные фокусы». После этих слов Таузенд вскочил с места и прокричал, что итальянец вводит публику и суд в заблуждение. По версии Таузенда, он дважды встречался с профессором Сестини из Бергамо, который в свое время ознакомился с брошюрой «180 элементов». Именно Сестини просил Таузенда прибыть в Италию, чтобы прочитать доклад и провести несколько показательных экспериментов. Но тут слово взяло прокурор. Он явил суду письмо, из которого следовало, что все-таки Таузенд обратился с просьбой к итальянскому правительству, а не наоборот. После этого было решено пригласить в суд уже самого профессора Сестини. Несмотря на то что в Германии еще существовала Веймарская республика, появившийся в зале суда Сестини приветствовал всех присутствовавших «фашистским салютом», то есть вскидыванием ладони правой руки. Далее из заявлений Сестини следовало, что он лично присутствовал на экспериментах Таузенда. Дело в том, что проблемой искусственного получения золота в октябре заинтересовались высокопоставленные итальянцы (читай — фашистский режим). По поручению некоторых военных офицеров профессор Сестини направился в замок Пашбах. Встретивший гостей Франц Таузенд сразу же заявил, что не имел никакой личной заинтересованности, а всего лишь хотел, чтобы его открытие послужило благому делу. Видимо, чтобы произвести еще большее впечатление, он добавил, что всегда испытывал симпатии к Италии. Как и во многих случаях, Таузенд показывал не весь эксперимент, а только его завершительную часть. Он заявил, что добавит «минеральную воду» и свинец в тигле превратится в золото. При этом он показал кусочек свинца, который держал двумя пальцами. Что перед этим проделывалось с «минеральной водой», он никогда не рассказывал зрителям. Чтобы убедиться в чистоте эксперимента, Сестини попросил Таузенда показать ладонь полностью. Внимательно осмотрев ее, итальянец убедился, что в ней не было ничего, кроме куска свинца. Кроме этого

профессору удалось взять небольшую часть этого свинца (позднейшая экспертиза показала, что это был именно свинец, и ничто иное). Когда свинец был погружен в тигель и проведена реакция, то было произведено некоторое количество золота. Его крупицы были также направлены итальянцем на экспертизу, которая опять показала, что это было именно золото!

После этих свидетельств стороне обвинения требовалось во что бы то ни стало уличить Таузенда в махинациях. Для этого пригласили химика Пауля Рентгена (не путать с физиком Вильгельмом Конрадом Рентгеном). Тот ударился в пространные рассуждения о том, что Таузенд теоретически мог использовать для своих экспериментов золотосодержащие вещества. Версия о том, что в первоначальной свинцовой руде могли содержаться крупицы золота, хотя и была правдоподобной, но не очень убедительной. Подобный способ выплавки уже теоретически мог применяться, но был весьма затратным, а потому его было решено не употреблять в промышленных масштабах. Впрочем, надо подчеркнуть, что это было всего лишь предположением. Использование «реакции свинца» являлось неосознанным продолжением так называемого «метода докимастов»[19]. Однако Рёнтгену оставалось непонятным, откуда про этот редкий метод стало известно не самому образованному Францу Таузенду. Затем критику Таузенда и его экспериментов продолжил профессор Хёнигшмидт. Его выступление больше напоминало обличительную проповедь, нежели выступление ученого: «Брошюру „180 элементов" мог написать только лишь страдающий манией величия невежда». Не будучи в состоянии объяснить, откуда в тигле у Таузенда появлялось золото, Хёнигшмидт заявлял, что это было не настоящее золото, а так называемый ювелирный сплав (итоги многочисленных экспертиз почему-то не учитывались). В ответ на это Таузенд наивно заявил, что уголь возникает из деревьев древности, то есть происходила трансформация материи и элементов. Когда Хёнигшмидт начал рассказ о том, что растения поглощают углекислоту из воздуха, то Таузенд прервал его: «То есть вы хотите сказать, что уголь содержится в воздухе? Тогда я очень рад тому, что мне на голову до сих пор не упала угольная глыба».

После этого слово взял прокурор, который требовал для Таузенда восемь лет тюрьмы, а также компенсации пострадавшим от его действий в размере 630 тысяч марок. Теперь Таузенд провозглашался «аферистом международного масштаба, который действовал по рецептам древних алхимиков, которые сами были мошенниками и проходимцами». Вынесение приговора было назначено на 5 февраля 1931 года. Франца Таузенда приговорили к трем годам и восьми месяцам тюремного заключения. Из них Таузенд уже провел двадцать месяцев в предварительном заключении. Надо подчеркнуть, что решение суда не отвергало возможности того, что Таузенд все-таки мог синтезировать золото, в вину ему ставились сугубо финансовые махинации.

Приблизительно в 1932 году была закончена продажа на публичных торгах имущества, некогда принадлежавшего Францу Таузенду. Из всех особняков и зданий самая интересная судьба оказалась у замка Тарандт. Его приобрел некий Шлегель, который был не только владельцем гостиницы, располагавшейся в саксонском городке Мариенберг, но и «исследователем магии маятника», которого характеризовали как «таинственного мечтателя с небрежными намерениями». Некоторое время спустя Шлегель решил передать замок национал-социалистической партии. С 1933 года он стал использоваться как казармы для штурмовиков.

Франц Таузенд был освобожден из Нюрнбергской тюрьмы в феврале 1933 года. Он оказался в ней еще во времена Веймарской республики, а вышел на свободу уже в Третьем рейхе. Почти сразу же после этого он попал в больницу с тяжелым воспалением аппендицита. Именно в этот момент к нему пришел репортер одной из немецких газет. Таузенд поведал ему, что в тюрьме не пользовался никаким поблажками и послаблениями, так как не проявлял раскаяния. «Я не умею делать этого. Истинным мошенником является как раз тот, кто способен демонстрировать публике свое сожаление и раскаяние. Я же не

собирался ломать комедию. Я вообще не могу позволить себе подобных вещей. По этой причине общество мне по-прежнему доверяет». Однако пребывание Франца Таузенда на свободе было недолгим. В 1936 году его вновь осудили за мошенничество. Партийная газета национал-социалистов «Народный обозреватель» в те дни бушевала: «Отягчающим обстоятельством является то, что Таузенд не побоялся в самое кратчайшее время втереться в доверие к трем женщинам, чтобы позже завладеть их финансовыми средствами». Теперь обвинение представляло «алхимика» «не контролирующим себя психопатом». Новый судебный процесс (на этот раз почти не замеченный прессой) начался 20 января 1936 года в Вайльхайме. Таузенда приговорили в году тюремного заключения, но кассационный суд сократил этот срок до шести месяцев. По большому счету Таузенда почти сразу же выпустили на свободу, так как он несколько месяцев провел в предварительном заключении. Теперь «Народный обозреватель» пытался представить более объективную и взвешенную информацию: «Его обвиняли в том, что он оказался должен одной вдове в городе Мурнау, у которой он проживал на пансионе, сумму в 750 рейхсмарок. Владелица сдавала ему на три месяца квартиру и должна была предоставлять питание, за что предполагалось взимать 500 рейхсмарок. Часть из этой суммы Таузенд все-таки заплатил. Кроме этого он никогда не скрывал, что выполнял множество работ для хозяйки пансиона, притом, что питание в нем оставляло желать лучшего. То есть в итоге при перерасчете можно было бы предположить, что Таузенд все-таки выполнил работ на 2 тысячи рейхсмарок».

Не прошло и двух лет, как в мюнхенских газетах появились заметки, что Таузенда арестовали в третий раз. Случилось это 2 ноября 1937 года. И на этот раз он обвинялся в мошенничестве, жертвой которого стало горнопромышленное предприятие «Фихтельгольд». Судя по всему, Таузенд пытался снова синтезировать золото. Теперь суд был не столь благосклонным к «рецидивисту» — его приговорили к трем годам заключения. Вильгельм Вульф, личный астролог Генриха Гиммлера, в изданных в 1968 году воспоминаниях писал: «Когда я вернулся в Берлин, то получил от Небе поручение составить прогноз на основании предоставленных мне дат рождений 25 людей. Это были высшие руководители национал-социалистической партии, которых заподозрили в коррупции. Когда в середине 1943 года я составил только часть прогнозов, то столкнулся с адъютантом Гиммлера Зуханеком, который стал поторапливать меня. Он пояснил: „Рейхсфюрер СС просил передать Вам, что должны относиться к этому поручению более ответственно, в противном случае Вас ожидает судьба алхимика Таузенда, который находится в концентрационном лагере. И он будет там сидеть до тех пор, пока не сделает золото!"» Эта цитата является достаточно известной. Однако мало кому известно, что Зуханек не знал истинного положения вещей. Оказывается, к 1943 году Франц Таузенд уже был мертв.

Вообще маловероятно, что Таузенд работал для Гиммлера именно в концентрационном лагере. На это указывает отрывок из воспоминаний Адольфа Эйхмана, которые были написаны им еще в 60-е годы, но опубликованы многое время спустя после его казни. «В то время я работал в главном управлении СД. Гиммлер создал для своего алхимика небольшую лабораторию в парке, в котором обычно утром проводились занятия по строевой подготовке. Он должен был там добывать золото, что якобы умел делать. У этого алхимика была странная фамилия — Таузенд[20]». Если верить этому отрывку из воспоминаний, то Франца Таузенда должны были держать не в концентрационном лагере, а в одном из берлинских зданий, примыкавших к «дворцу принца Альбрехта», считавшегося символом СС и гестапо. Сохранились сведения о том, что Таузенда арестовали в 1940 году в швабском городке Крумбах. Умер Франц Таузенд 9 июля 1942 года в тюрьме «Швабиш-Халл». Когда в 1964 году местные органы власти вновь занялись его делом, то был сделан вывод: «Он исчез и больше не появлялся. Про него ходили лишь смутные слухи, например, что его казнили, так как он был посвящен во множество тайн».

Глава 11

«КОРОЛЕВСКОЕ ИСКУССТВО»

МЕЖ ДВУХ ОГНЕЙ

Принято считать, что история современной алхимии ведет свое «летоисчисление» с 1895 года. Именно тогда одним ясным летным днем по Роад-авеню Лондона в перерывах между заседаниями прогуливались члены Европейской секции Теософского общества. После полуденного чая они занимали себя непринужденными беседами на высокие темы. Поскольку до вечернего заседания имелось еще достаточное количество времени, то Анни Безант (глава секции) и Чарльз Вебстер Лидбитер (оккультист и ясновидящий) решили расположиться на берегу пруда. Их занимал вопрос: можно ли при помощи оккультных сил установить свойства химических элементов? В ходе беседы было предложено создать закрытое общество, которое бы занималось анализом атомарной структуры веществ. Так на свет появилась новая «научная» дисциплина, которая получила название «оккультная химия». Нельзя сказать, что собравшиеся в Лондоне теософы преуспели в ее развитии. Уже некоторое время спустя попытки изучения химии оккультным путем заглохли. Они возобновились только в 1907 году в Германии. Базой для них стал особняк «Белый олень», находившийся в пригородах Дрездена. Предполагалось, что в нем на протяжении целого месяца будет проходить усиленное и углубленное изучение основ оккультной химии. В тот момент Анни Безант как раз вернулась из Индии, откуда привезла рисунки химических элементов, которые были изображены в виде мистических диаграмм. Почти сразу же был взят курс на алхимические исследования. Исходным материалом для изысканий служили монеты, которые были изготовлены из благородных металлов. В частности, можно говорить о немецкой золотой монете в 20 марок. Это направление деятельности настолько увлекло оккультистов, что они решили даже отложить эксперименты с радием. Эти оккультные опыты были предприняты позже на Сицилии, где обосновался Чарльз Лидбитер. Анни Безант между тем вновь направилась в Индию. Однако перед этим ей удалось «обнаружить» несколько новых «химических элементов»: оккультиум, метанеон, метаргон, метакриптон, метаксенон, калон, метакалон, платина Б.

Вдобавок ко всему было дано новое описание атома, которое предполагало «революционное» изменение в понимании его сути: «Атом — это Солнце в миниатюре, которое светит своему собственному непостижимому микрокосму. Каждая из семи спиралей, каждый из вихрей аналогичен планетарному логосу. Так что логос каждой планеты определяет суть материи, из которой созданы все вещи». Данная гностическая теория, говорящая о теснейшей связи макрокосмоса и микрокосмоса, была переведена на немецкий язык в 1908 году. Она являла собой странный синтез музыки и химии. Безант и Лидбитер писали об атомах следующее: «В трех вихрях текут потоки электричества. В результате они вызывают эфирные вибрации самого различного рода, которые проявляются в звуке, свете, жаре и т. д. Они также дают семь цветов. Они дают семь тональных звуков в естественной шкале. Они различным образом реагируют на физические вибрации, сверкая и мелодично пульсируя. Эти тела находятся в бесконечном движении, непостижимые в своем великолепии и блеске».

Упомянутая идея эфирных вибраций, которая находила свое выражение в том числе в слышимых звуках, была впервые предложена сторонниками пифагорейской философии. Пифагор занимался не только вопросами арифметики, физики и геометрии, но также уделял много времени проблемам бессмертия и переселения душ. Поскольку Пифагор после себя не оставил письменных трудов, посвященных математическим и естественным знаниям, то они передавались в виде идей нумерологии и гармонии сфер. Предполагалось, что гармоничность творения могла быть просчитана при помощи имевшихся в мире (космосе) математических соотношений. Это также касалось музыкального звучания. Согласно учению пифагорейцев, небесные сферы издавали исключительно гармоничные звуки. Казалось бы, это была мистика, не достойная серьезных ученых. Однако на практике многие из исследователей и

ученых очень вдумчиво и обстоятельно пытались проникнуть суть идей Пифагора и его пифагорейской школы. В качестве примера можно привести Иоганна Кеплера. Исаак Ньютон был убежден в том, что музыка античных мистерий, создание которых приписывалось Орфею, имела некий химический подтекст. Впервые же музыку и алхимию между собой связал египетский мистик Зосимос из Пенополя. Именно он написал в 300 году работу, которая может считаться первым учебником по алхимии. Впрочем, в данном случае речь шла не столько музыке, сколько о музыкальном обосновании алхимии. Зосимос сравнивал четыре химических элемента с тетрахордом, древним четырехструнным инструментом.

В 1908 году ни Анни Безант, ни Чарльз Лидбитер не могли предвидеть, что пройдет еще немного времени, и их «оккультная химия», построенная на пифагорейской основе, будет использоваться для того, чтобы обеспечить финансирование немецких националистов и национал-социалистической партии. С уверенностью можно говорить о том, что идеи «оккультной химии» были восприняты Францем Таузендом. В конце 20-х годов он писал: «Если исследователи периодической системы когда-нибудь зайдут в тупик, то им надо использовать мою гармонично периодическую систему. Это — доскональное объяснение принципов, основанных на колебаниях звуковых волн. Мы имеем четыре октавы, частота колебаний которых совпадает с атомарным весом элементов. Поэтому такие же свойства могут проявляться как в звуках, так и в химических элементах. Гармония в химических элементах — это путь к трансмутации!» Очевидно, что в данном случае эфирные колебания, о которых говорили теософы начала века, соответствовали частоте волн атомов теории Таузенда. Но едва ли Таузенд сам придумал эту теорию. Как уже говорилось выше, обучаясь в Гамбурге на фармацевта, он стал знакомиться с литературой мистического и оккультного содержания. Это чтение он совмещал с изучением химии. Как писал один из биографов Франца Таузенда: «Вечером, после окончания рабочего дня, он погружался в тайны химии. В сказочный мир элементов, в волшебную страну анализа. Но прежде всего его интересовали тайны каббалы» Известно, что именно чтение оккультной литературы навело Таузенда на мысль о том, что можно было синтезировать золото. Например, к этой идее его подтолкнула книга, которая имела странное название «Шестая и седьмая книги Моисея или магически-симпатическое сокровище, магически-духовное искусство Моисея, тайна всех тайн». В приложении к этой книге приводились некоторые советы, которые как раз относились к проблемам трасмутации металлов и производству золота. Не исключено, что с этой книгой Таузенд познакомился еще в родном доме, так как она могла быть в библиотеке его отца. По своему стилю эта книга весьма напоминала брошюры и всевозможные «крестьянские календари», в которых приводились народные рецепты, а также заклинания, любовные заговоры и обращения к духам. Во всяком случае, в «Шестой и седьмой книге Моисея» приводилось два алхимических «рецепта». Один из них был посвящен превращению свинца в золото. Как утверждал автор книги, имя которого так и не было напечатано на обложке, «этот метод был открыт царем Соломоном, а затем был передан басилевсам». Как бы заранее оправдываясь за не полученное в результате химических манипуляций золото, автор книги сообщал читателям, что главными в приготовлении драгоценного металла были магические формулы, которые «до сих пор не были расшифрованы ни Сен-Жерменом, ни Калиостро, ни Мессмером, ни сотнями других алхимиков». Из указанных формул, которые были записаны царем Соломоном, якобы можно было разобрать лишь слова «Адонай, Эдлоим, Ариэль, Иегова». Таким образом, все предложенные процедуры были изначально обречены на провал. Таузенду лишь оставалось предложить собственную формулу. В данном случае он пребывал во власти спекуляций о том, что химические элементы могли трансмутировать под воздействием электрического тока. Опираясь на некоторые из оккультных «рецептов», он, в частности, предположил, что ртуть, через которую был пропущен электрический ток, должна была выделять гелий и в итоге превращаться в золото. Ему только предстояло проверить экспериментальным путем, под каким давлением, при какой температуре и при какой силе

тока ртуть стала бы выделять гелий. Однако этот путь показался бесперспективным, так как якобы для выделения одного грамма золота потребовалось бы построить электростанцию стоимостью в 4 миллиона марок.

При всем том Таузенд интересовался не только вульгарным оккультизмом и алхимией. В то время в Германии были востребованы многие теории, которые можно было бы назвать «странными». Например, он полагал, что мог бы самостоятельно, минуя Ганса Гёрбигера, создать «теорию мирового льда». Приверженцы данной теории исходили из того, что в гигантских периодах Луна приближалась к Земле, что вызывало глобальные катастрофы и потрясения. В данной версии именно Луна стала причиной гибели Атлантиды. К слову сказать, при эсэсовском исследовательском обществе «Наследие предков» («Аненэрбе») действовал специальный отдел, который занимался исключительно разработками в духе «теории о мировом льде». Франц Таузенд также охотно говорил на тему «полой Земли» — теории, которая имела несколько вариаций. Одна из них предполагала, что люди жили не на внешней, а на внутренней стороне Земли, а солнце являлось раскаленным шаром, находившимся в центре внутренней пустоты.

Сотрудники Таузенда, работавшие в замке Пашбах, позже вспоминали: «Кроме сугубо практических изобретений он постоянно размышлял над несколькими теориями. Например, его волновало, что мы могли жить не на поверхности, а на внутренней стороне земного шара. Нам было очень трудно оппонировать ему». Близкий к Таузенду Ганс Рёслер добавлял: «Таузенд исходил из того, что при высоких температурах, которые мы должны были использовать для получения эмали, металл, сгорая, умирал. Для него металлы, подобно растениям, были живыми существами. Они росли в земле на протяжении многих веков. Он видел свое задание в том, чтобы сократить естественные процессы до нескольких минут, что в итоге убивало металл, но позволяло использовать его возможности». Подобные взгляды роднили Таузенда с алхимиками Средневековья. Лоуренс Принцип так описывал воззрения алхимиков: «Все металлы проходили процесс созревания в недрах Земли. В ходе этого процесса свинец превращался в золото. Алхимия должна была имитировать этот процесс созревания и существенно сокращать его продолжительность благодаря использованию катализатора, в качестве которого выступал „камень мудрости‟, философский камень». Иудейский мистик Гершом Шолем, опираясь на средневековые источники, увязывал процесс «созревания» металлов со звездами: «Соломон из Толедо говорил: ученые верят в то, что золото возникает в природе во время длительных вибраций, в то время как алхимия в состоянии значительно уменьшить длительность этого процесса! В то же самое время в книге „Зогар‟ эти вещи изображены несколько иначе. В ней представлен астрологический взгляд на алхимию. „Созревание‟ металлов происходило под воздействием звезд. Автор ссылается на книгу царя Соломона, посвященную драгоценными камням. Это также может относиться к одной из великих лапидарий[21], которые были широко распространены в Средние века».

Во время своих экспериментов Таузенд предпочитал выбирать время, когда царила особая погода. Поэтому не исключено, что он мог учитывать во время своих опытов возможное «влияние звезд». Один из биографов Таузенда писал: «Свидетель (уполномоченный Людендорфом химик Куммер) придерживался мнения, что на исход экспериментов Таузенда могли оказывать влияние различные фазы Луны. По этой причине эксперименты Таузенда не являлись химическими или биологическими экспериментами в их привычном виде… Свидетель приписывает неудачу первого эксперимента в монетном дворе воздействию убывающей Луны!» Действительно Куммер заявил на судебном процессе: «По моему представлению, в открытии Таузенда существенную роль играли фазы Луны!» Как видим, Франц Таузенд был не совсем естествоиспытателем и химиком — в его идейном багаже можно найти отголоски гностического и каббалистического наследия, которые и подвигли его сделать первые шаги навстречу алхимии.

Впрочем, в деле алхимика Франца Таузенда имелась не только мистическая составляющая. Как уже говорилось выше, в нем можно было без особых проблем обнаружить политические моменты. Напомним, что согласно Версальскому мирному договору Германия должна была производить выплаты странам-победительницам в золоте. Причем требовалось очень, очень много золота. Не сам ли собой напрашивался вывод о том, что синтез золота должен был решить многие внешнеполитические проблемы Германии? И в самом деле, в определенный момент состоялась беседа между Таузендом, Маннесманом и бывшим президентом правления Немецкого пенсионного банка Августом Ленце. В ходе разговора обсуждалась возможность использования «полученного» Таузендом золота для выплаты репараций. В одной из мюнхенских газет были напечатаны такие строки: «Неясно, надо плакать или смеяться, когда столь высокопоставленные люди с совершенной серьезностью рассматривали возможность выплаты за счет золота, которое якобы мог синтезировать Таузенд… Таузенд (свидетелю Ленце): „Я отчетливо помню, что вы жаловались на то, что немецкая империя[22] не могла выпустить купюру в 10 марок, не находясь при этом под строгим надзором стран Антанты. Я же разработал план, который позволял подкрепить немецкую марку золотом, а вместе с тем помочь в выплате пенсии и оздоровить сельское хозяйство‟. Свидетель: „Да и припоминаю, что показал вам образец банкноты в 10 марок, на которой стояла печать Антанты!‟ Далее Август Ленце заявил: „После этого я возразил господину Маннесману, что для избавления от груза репараций требовалось огромное количество денег, кроме этого надо было обладать колоссальным количеством слитков золота. Вдобавок ко всему вся эта операция должна была проводиться через Имперский банк!‟» Кроме проблемы выплаты репараций на судебном процессе также обсуждались проекты Франца Таузенда, касающиеся изготовления золота. Кюхенмайстер свидетельствовал: «Планировалось укрепить немецкую индустрию, а также приобрести пустующие земли, на которых можно было бы создать крестьянские поселения». Оба эти проекта были ориентированы на то, чтобы существенно сократить безработицу в Германии. Однако это должно было быть лишь следствием реализуемой «алхимической» политики.

Тем не менее, даже если алхимические эксперименты оказались бы удачными, то это было бы лишь половиной проблемы. В данном случае было необходимо учитывать законы рынка. Производство синтезированного золота в промышленных масштабах неизбежно бы привело к падению цены на него. Более того, это могло бы вызвать новый экономический кризис. В итоге золото было бы «настоящим богатством» очень недолгое время. Решению этой проблемы могло помочь сохранение самого факта производства золота в строжайшем секрете. Но даже в этом случае рано или поздно произошло бы падение цены на золото, так как предложение превышало бы реально существующий спрос. Кроме этого кажется весьма сомнительным, что долгое время удалось бы скрывать факт производства золота новым способом. В данном случае проблема казалась почти неразрешимой. А потому надо задаться вопросом: почему представители немецкой индустрии, прекрасно осведомленные о законах рынка и его закономерностях, согласились инвестировать деньги в проект Таузенда? Этот вопрос становится вдвойне насущным, если принять в расчет личность юриста, работавшего в «Обществе Таузенда». Букелей был не только членом городского совета Мюнхена, представлявшим интересы националистических организаций, но и финансовым консультантом, который считался экспертом по многим экономическим и хозяйственным вопросам. Кроме этого надо указать на то, что Август Букелей был сотрудником Готфрида Федера, разработчика экономической программы национал-социалистической партии. Букелей и Федер вместе разработали для НСДАП отнюдь не один экономический документ.

Неужели Букелей, прекрасно знавший рыночные законы, не видел опасности в массовом производстве искусственного золота? Конечно же, он прекрасно был осведомлен о возможных рисках. Однако надо обратить внимание на то, что прежде чем были озвучены идеи о погашении репараций, поддержке индустрии и развитии сельского хозяйства,

приближенные к Таузенду промышленники и политические деятели говорили совершенно об ином. Они планировали изменение мировой валютной системы, которая поддерживалась эмиссионными банками. Те в свою очередь поддерживали мировые валюты при помощи собственных запасов золота. Во время суда над Таузендом одна из мюнхенских газет сообщала: «Потребовалось немало усилий, чтобы приглашенные на суд свидетели не занялись сугубо политической пропагандой. Первоначально они планировали уничтожить власть золота как такового». Только год спустя после окончания процесса судья, председательствовавший на нем, решился дать свои комментарии по этому поводу: «Речь идет о молодых людях, которые оказались во власти националистической идеологии. Они свято верили в то, что могли бы пресытить золотом Таузенда мировую капиталистическую систему, отравить ее, выплатить репарации, вызвать крах капитализма, что сделало бы бессмысленными все итоги мировой войны». Собственно, уже на самом процессе Ринхардт заявлял: «Мы планировали ослабить существующую форму экономики специально направленными на это мероприятиями». Пресса же предпочитала цитировать другие слова Ринхардта: «Мы в нашем кругу исходили из идеалистических намерений. Мы хотели показать немецкому народу, что власть капитализма, притеснявшего его, базировалась на бездушном металле — золоте. Мы хотели девальвировать золото, чтобы тем самым ослабить угнетение нашего народа».

В высказываниях Букелея проскальзывали идеи национальной утопии, автором шторой был Готфрид Федер. Не исключено, что именно он смог убедить инвесторов Таузенда подорвать положение коммерческих и эмиссионных банков, пресытив рынок искусственным золотом. Федер как депутат рейхстага и экономический эксперт всю свою жизнь был связан с Национал-социалистической партией. Его сложно назвать типичным нацистом хотя бы потому, что Федер придерживался социал-революционных идей, которые культивировались в «левом крыле» НСДАП, сплотившемся вокруг Грегора Штрассера. Являясь членом общества «Туле», Готфрид Федер составил экономическую программу для «Партии немецких трудящихся», которая являлась предшественницей Национал-социалистической партии[23]. В основу своих программных требований Готфрид Федер положил идеи о борьбе с «процентной кабалой». Он приводил следующие аргументы: «Утверждение валютной единицы в золоте становится значительной помехой для столь необходимого расширения кредитования и предоставления работы… Господство золота, как совершенно вредное явление, ведет к крайне опасному уменьшению платежных средств и служит исключительно интересам владельцев этого золота, то есть финансовых воротил. Для национал-социалистического государства ликвидация золотого стандарта является очевидной предпосылкой для восстановления немецкой экономики. Еврейское мышление ставит в центр проблемы именно золото. Золотой стандарт приводит к тому, что мы, обложенные данью, вынуждены постоянно выплачивать проценты западному финансовому капиталу. Уничтожение процентной кабалы невозможно без ликвидации золотого стандарта». Однако авторы идеи пресыщенности рынка искусственным золотом не учитывали того, что резкий прилив большого количества драгоценного металла вызовет новую волну инфляции и может привести к новому, еще более страшному кризису.

Вальтер Хаген в своей книге, посвященной фальшивомонетчикам Третьего рейха, привел цитату, в которой Гитлер требовал Изменения золотого стандарта, что должно было стать залогом процветания немецкой экономики: «Исходя из национал-социалистических принципов, мы увеличили производство, решающим фактором в этом является работоспособность и готовность немецкой экономики организовать эту работоспособность. Таким образом, основой нашей валютной системы должно являться не золото, а производство». Ярко выраженная антипатия национал-социалистов к золоту объяснялась комплексом проблем, которые выражались следующими «паролями»: золото — евреи — процентная кабала — поражение в войне. На первый взгляд подобный подход был сугубо

политическим, однако при его анализе можно обнаружить не слишком явные следы гностического дуализма. Так, например, политический наставник Гитлера Дитрих Эккарт в 1919 году провозглашал: «Золото никогда не отдыхает. Оно хочет бесконечно пожирать новые сферы, тем самым откармливая само себя. Оно движимо одним-единственным желанием: быть сложенным, чтобы приносить еще больше процентов. А потому: „Да здравствует война!‟» В том же самом году Готфрид Федер написал: «Золотой Интернационал взирает на безрассудные поступки человечества: безумные разрушительные войны, жертвой которых пали села и города, все провинции — это всего лишь способ заполучить новые долговые расписки. Это будет продолжаться до тех пор, пока все человечество не станет рабом процентного владычества Золотого Интернационала. Именно в этом надо искать истинные причины мировой войны». И далее: «Закладной процент — это дьявольское изобретение крупного ссудного капитала. Закладной процент делает возможным ленивое паразитическое существование кучки денежных мешков… Уничтожение процентной кабалы означает окончательное освобождение созидательного труда от власти тайных надгосударственных образований… Это означает освобождение человека от рабства, избавление от колдовских чар, которыми он был опутан, поскольку его душа пребывала во власти алчности… Это станет приговором вампиру, который высасывает из нашего народа способность к труду… Мое предложение предполагает не улучшение человеческой натуры, оно обращено против отравляющих нашу жизнь явлений, которые искусственным образом были изобретены, чтобы быть противопоставленными внутренним ощущениям человека, чтобы покорить человечество, чтобы сделать его рабом материализма, чтобы лишить его души. Золото — это дьявольский призрак». Несколько лет спустя аналогичные высказывания на страницах «Моей борьбы» позволил себе и Гитлер: «Мы обращаемся не к вам, а к той великой армии бедняков, кто слишком беден, чтобы свою личную жизнь считать высшим счастьем на земле. Мы обращаемся не к тем, кто верит только в золотого божка, а к тем, у кого есть другие боги… Но из этого вытекает только то, что на будущее мы должны будем отказаться от слишком большого разрыва в оплате труда. Пусть не говорят нам, что это приведет к упадку производительности труда. Если бы единственным стимулом умственного труда было только высокое вознаграждение его, то это означало бы, что мы имеем перед собою печальнейшие симптомы величайшего распада. Если бы этот критерий имел господствующее положение во всей нашей прежней истории, человечество никогда не могло бы сделать своих величайших культурных и научных завоеваний. Ибо мы знаем, что величайшие наши открытия, величайшие научные работы, превосходнейшие памятники человеческой культуры — все это возникло отнюдь не в результате жажды высоких окладов. Напротив, все это зачастую становилось возможным только потому, что люди отказывались от земных благ, связанных с богатством. Конечно, мы не будем отрицать, что в наш век золото является правителем мира. Однако мы надеемся на то, что в близком будущем человек опять станет служить высшим богам. В теперешней нашей жизни многое, конечно, обязано только стремлению к деньгам, но именно поэтому в теперешней нашей жизни так мало такого, без чего человечество стало бы действительно беднее». Принимая в расчет все эти идеологические пассажи, становится понятным, почему во время процесса над Францем Таузендом одна из мюнхенских газет назвала своею статью странным на первый взгляд образом: «Искусство алхимии для уничтожения процентной кабалы».

Глава 12
ЗОЛОТО ДЛЯ ГРЯДУЩЕГО РЕЙХА

Однако не стоит полагать, что «алхимический проект» Франца Таузенда предполагалось использовать только для глобального подрыва капиталистической системы. Тот факт, что одним из активнейших участников экспериментов являлся генерал Людендорф, отчетливо указывает на намерение использовать искусственное золото для политических целей, то есть направить на финансирование националистических организаций. Во времена Веймарской

республики только два представителя высшего командования Германии продолжали пользоваться значительной общественной поддержкой и уважением. Одним из них был фельдмаршал Пауль фон Гинденбург, вторым — генерал Эрих Людендорф. Нельзя сказать, что эти высокопоставленные офицеры были очень дружны. После поражения Германии в Первой мировой войне они сторонились друг друга. Во многом это было связано с тем, что Людендорф решил связать свою судьбу с праворадикальными силами, в то время как фон Гинденбург продолжал оставаться классическим консерватором. Людендорф полагал, что Германия потерпела поражение в войне из-за «предательства тыла». Впрочем, нельзя не учитывать, что перемирие 29 сентября 1918 года было заключено по сугубо военным, а не внутриполитическим причинам. Однако для Людендорфа реалии осени 1918 года выглядели несколько иначе: «Берлин ничему не смог научиться на основании всей своей предыдущей истории. Он ощущал только лишь бессилие по отношению к противнику. Там была утрачена вера в победу. Мысль о скорейшем заключении мира стала сильнее воли к победе. Путь к миру виделся отнюдь не через уничтожение противника. Народ упустил момент, чтобы завоевать тяжкую, но все-таки победу». Генерал Людендорф был одним из активнейших пропагандистов, который настаивал на версии «предательского удара в спину». Дескать, окопавшиеся в тылу евреи, пацифисты и социалисты предали сражавшихся на фронте солдат, устроили революционный переворот, чем и вызвали поражение Германии в мировой войне. К слову сказать, эти идеи были очень популярны в немецком обществе.

Скорее всего, в марте 1920 года генерал Людендорф был участником «капповского путча», когда бригада Эрхардта смогла захватить Берлин. По странному стечению обстоятельств, Людендорф именно в это время оказался в германской столице. Но путчистам не удалось удержать власть — вспыхнула всеобщая забастовка и они были вынуждены сдать свои позиции. После этого генерал Людендорф перебрался в Мюнхен, где познакомился с Гитлером.

Это произошло в 1921 году. Гитлер сразу же оценил пропагандистский потенциал прусского генерала, который пользовался большой популярностью в стране. Во время «пивного путча», который произошел в Мюнхене в ноябре 1923 года, генерал Людендорф был в рядах восставших национал-социалистов. Когда их колонна была расстреляна силами полиции, то генерал не прекратил свое движение — он прошел сквозь все полицейские кордоны. Никто не решился выстрелить в национальный символ Германии, героя проигранной войны. После того как путч провалился, многие из национал-социалистов предстали перед судом по обвинению в заговоре против государства, что приравнивалось к государственной измене. Именно в этом время Людендорф учредил еженедельную газету «Фёлькишер курьер», который преподносился публике как «боевой листок Национал-социалистического освободительного движения». Первый номер этой газеты вышел из печати в феврале 1924 года.

Людендорф чувствовал себя лично ответственным за судьбу этой газеты, а потому пытался взять на себя все типографские расходы. Однако со временем они стали непосильными даже для генерала. Ему с трудом удавалось сдерживать требующих свои деньги кредиторов. И именно в это время в поле его зрения попадет Франц Таузенд с его экспериментами по изготовлению золота. Сразу же надо оговориться, что значительная часть финансовых средств, собранная «Обществом 164», пошла на то, чтобы погасить долги «Фёлькишер курьера». Связь между обществом Франца Таузенда и национал-социалистической газетой выявлялась даже в выборе места, где должна была быть создана лаборатория Таузенда. Дело в том, что владельцем здания в Гильхинге, где в итоге и была создана лаборатория, являлся не кто иной, как обер-лейтенант Отто Фухс, который также являлся директором издательства «Фёлькишер курьер». Второе общество, созданное Таузендом вместе с Ринхардтом (собственно «Общество 164») по своей правовой форме являлось обществом с ограниченной ответственностью. По большому счету оно никогда не

афишировало своей деятельности, а его участниками называлось «обществом продукта». Его учредителями в июле 1925 года выступили двадцать человек. Как уже говорилось выше, среди них были: Шульце, Маннесман, Куммер, Лебрехт Штреммель, Фриц Дёринг, Букелей и генерал Людендорф. Инвесторы, в первую очередь Людендорф, предоставили Таузенду восемь сотрудников, которые были выходцами из офицерских кругов, причастных к деятельности военизированных организаций. Кроме этого надо подчеркнуть, что именно юрист генерала Людендорфа составил текст договора, который был подписан Францем Таузендом. Согласно этому документу 75 % собранных средств генерал должен был направлять на «национальные цели». Поначалу Таузенд не проявлял большого «аппетита». Более того, ставки штатных сотрудников «Общества 164» были настолько небольшими, что едва превышали уровень прожиточного минимума тех лет. Едва ли стоит удивляться тому, что реальным предводителем «Общества 164» был не Франц Таузенд, а генерал Людендорф. Во время судебного процесса 1931 года адвокат Таузенда иронично отметил, что «Общество 164» было бы правильнее называть «Обществом Людендорфа». «Это была форменная Людендорф и К°!» Ввиду того, что генерал получал 75 % всех собранных средств, подобное сравнение не было преувеличением.

В одном газетном репортаже, который велся из зала суда, о финансовых средствах общества сообщалось следующее: «На вопрос, куда подевались собранные средства, Франц Таузенд ответил: „Я и сам задаюсь таким же вопросом!“ Когда тот же самый вопрос был задан еще раз, Таузенд пояснил, что, скорее всего, собранные деньги были потрачены на политические цели. Таузенд не смог указать, какая именно партия получила эти средства, так как не интересовался политикой и не состоял ни в одной из политических партий. После этого председатель суда огласил текст договора, который был заключен между учредителями общества. Центральной фигурой являлся Людендорф. Кроме этого Людендорф обозначался в документе как доверенное лицо, которое должно было получать 75 % прибыли от всей этой аферы с золотом. Он даже не был обязан давать отчет о расходовании этих средств… Когда финансовые дела „Общества 164“ разбирались более подробно, то Франц Таузенд пояснил, что из миллиона марок, собранных организацией, приблизительно полмиллиона пошли на то, чтобы выплатить долги, которые имелись еще до того, как было создано общество. В частности, деньги были использованы для того, чтобы погасить задолженность за типографские услуги, которая имелась у газеты „Фёлькишер курьер“».

Год спустя после окончания процесса судья заявил в комментариях одной газете, что долг «Фёлькишер курьера» в то время составлял приблизительно 300 тысяч марок. «Действительно, генерал с самого начала воспользовался предоставленным ему правом финансировать не изготовление золота (которое так и не было получено), а пускать денежные средства на националистические акции». О выплатах «Фёлькишер курьеру» на процессе также свидетельствовал Фриц Кюхенмайстер: «Мой брат Йоханнес Кюхенмайстер передал деньги (часть наличными, часть переводом на банковский счет) еще до того, как было основано „Общество 164“. Кроме этого он временно выделил финансовые средства для газеты „Фёлькишер курьер“. Частично эти средства были отданы, но часть из них так не была возвращена. Деньги выделялись „Обществу 164“ в форме займа. Часть эти векселей позже была выкуплена д-ром Букелеем».

Ринхардт кроме всего прочего показал на процессе: «„Фёлькишер курьер“ в то время был боевым вестником политической направленности. Друзья господина Людендорфа планировали, что после основания общества оно будет заниматься финансовой поддержкой этой партийной газеты… Действительно, в 1925 году д-р Букелей выкупил часть векселей, чтобы они были использованы именно для этих нужд». Однако в то же самое время Ринхардт категорически отрицал, что при создании «первого общества Франца Таузенда» могли иметься связи между ним и газетой «Фёлькишер курьер». Он подчеркивал, что эти связи были установлены только после учреждения «второго общества» («Общества 164»). «Между

предприятием „Таузенд-Ринхардт" не имелось никаких финансовых отношений с „Фёлькишер курьером"». Впрочем, было бы большой ошибкой полагать, что в момент создания «первого общества» Ринхардт был совершенно аполитичным молодым человеком. Он уже был активистом националистической организации ветеранов войны «Стальной шлем», которая являлась военизированным крылом «Немецко-национальной народной партии». Хотя бы по этой причине Ринхардт был вхож в берлинский «Национальный клуб», который финансировался германским промышленником Стиннесом. В этом клубе нередко бывал и генерал Людендорф. В данном случае первый мостик между Таузендом и националистическими организациями Веймарской республики мог перекинуть не генерал Людендорф, а все-таки Рудольф Ринхардт. Не исключено, что именно от Ринхардта генерал узнал об «алхимическом проекте». На это указывает тот факт, что со временем Ринхардт был активно привлечен к работе «Фёлькишер курьера». Он стал не просто сотрудником газеты, но и писал для нее некоторые статьи. Учитывая данные обстоятельства, можно предположить, что ликвидация предприятия «Таузенд-Ринхардт» была своеобразной уступкой влиятельным фигурам из правого лагеря, которые задумали создать «Общество 164».

Во всяком случае, Франц Таузенд на судебном процессе заявлял: «Ринхардт установил связи с семьей Кюхенмайстера, и оттуда же получал деньги. В тот момент предприятие „Таузенд-Ринхардт" было уже ликвидировано. Аналогичной деятельностью Ринхардт занимался и с другими личностями. Обо мне было рассказано Вильгельму Фрику[24]. Тем не менее я никогда не интересовался его политическими делами. Ринхардт же посещал множество собраний. Вероятно, он был заинтересован в том, чтобы стать сотрудником партии Людендорфа». Сам Ринхардт никогда не отрицал того факта, что принимал участие в работе «Фёлькишер курьера», о чем не раз заявлял во время суда над Таузендом. Можно было бы предположить, что «Фёлькишер курьер» был одной из многочисленных немецких националистических газет 20-х годов, которые со временем бесследно исчезали с политического ландшафта. Однако это было не так. Газета Людендорфа со временем объединилась с официальным партийным изданием национал-социалистической партии — «Народным обозревателем». Не забыли национал-социалисты и про некоторых из участников «алхимического проекта». Вильгельм Вайсс, который был не только участником «пивного путча», но и выпускающим редактором «Фёлькишер курьера», 1 января 1927 года стал начальником отдела информации «Народного обозревателя». В 1932 году он был назначен руководителем центрального издательства НСДАП. Рудольф Ринхардт также смог сделать карьеру в НСДАП. Он нашел себе работу в имперской пресс-службе национал-социалистической партии. В 30-е годы он вместе с Максом Амманом занимался унификацией немецкой прессы, после чего смог создать гигантский издательский концерн.

Но вернемся обратно к судьбе Людендорфа, рассказ о котором мы прервали на событиях «пивного путча». Суд над путчистами многие в Германии сочли форменным фарсом. Гитлер был приговорен к пяти годам тюремного заключения (на свободе он оказался уже в 1925 году). Генерал Людендорф и вовсе был оправдан. В день, когда ему был вынесен оправдательный приговор, Людендорф сфотографировался рядом с Гитлером в позе победителя. Если Гитлер оказался отрезанным от политической деятельности, то Людендорф, как предводитель Национал-социалистического освободительного движения, решил принять участие в выборах рейхспрезидента Германии. Однако на этом поприще он не смог снискать успеха. Голоса ему отдали лишь 1 % избирателей. Писавший в тюремном заключении «Мою борьбу» Гитлер счел, что подобный исход выборов был позором, а потому решил «выдавить» Людендорфа из руководства национал-социалистическим движением.

Подавленный подобным развитием событий Людендорф решил несколько изменить тактику своих действий. В сентябре 1926 года он сочетался браком с Матильдой фон Кемниц, с которой познакомился еще в 1923 году. Их роднила вера в конспирологические версии

развития истории. Оба супруга полагали, что современная им политика находилась под воздействием «надгосударственных сил». Они винил во всех бедах Германии масонов, евреев и иезуитов. Свои конспирологические идеи Людендорф стал развивать еще в начале 20-х годов. Так, например, в 1921 году он писал о «мировом заговоре» следующее: «Франция и Англия рука об руку идут с верхушкой еврейского народа. Вероятно, эти страны управляемы ей. Евреи же рассматривали мировую войну всего лишь как средство для создания своего государства в Палестине». О католиках генерал сообщал следующее: «В католических странах государственная власть находится под влиянием Рима. В Германии же с ее преобладающим протестантским населением ситуация — совершенно иная. Здесь католики не могут служить делу укрепления государственности». Со временем теории Людендорфа стали приобретать более радикальный характер — он видел во всех политических событиях «проявления деятельности дьявольской триады: иезуитских генералов, масонских президентов и еврейского синедриона». Позже к этим «силам зла» добавились «азиатские священнослужители из Тибета», далай-лама и т. д.

После женитьбы взгляды Людендорфа стали приобретать отчетливо выраженный мистический характер. На это хотя бы указывало название организации, через которую он пропагандировал свои идеи — «Союз немецкого познания Бога». Это словосочетание несло на себе гностический отпечаток (познание = гнозис). По его мнению, противники Германии использовали для своей «подрывной работы» даже иностранные слова, которые вводились в немецкий язык: «Общепринятые понятия подменяются иностранными словами, в которые заложен совершенно ненемецкий смысл. „Интернациональный‟ стало синонимом „правильного‟, все „народное‟ провозглашено „вредным‟, а „дружба народов‟ и „пацифизм‟ объявлены мечтой о вечном мире, но это так и остается всего лишь мечтой». Дуалистическое мировоззрение Людендорфа не раз находило выражение в его речах. Так, например, на заседании «Кольца высшей школы» он произнес: «В принципе все объясняется борьбой двух миров. Один принцип, который мы называем „злом‟, представлен преимущественно иудеями. Добро же является уделом благородного нордического человека». Забегая вперед, надо отметить, что свои отношения с Национал-социалистической партией генерал Людендорф разорвал окончательно только в 1928 году.

Какое же значение имел именитый генерал для набиравшего силу «молодого» национал-социалистического движения? Он был его спонсором и своего рода продюсером. Именно благодаря Людендорфу национал-социалисты стали получать первые серьезные финансовые пожертвования. Он был посредником между финансовыми, промышленными кругами и правыми радикалами. В высшем обществе радикальные националисты и правые экстремисты воспринимались как некие «плебеи», в то время как Людендорф считался «достойным человеком». Хотя бы по этой причине баварские правые радикалы осенью 1923 года (то есть накануне подготовки «пивного путча») не получали непосредственного финансирования. Деньги сначала передавались Людендорфу, а лишь затем он направлял их НСДАП или другим «боевым союзам». В некоторых немецких исследовательских работах приводится даже версия, что Людендорф для этих целей мог получать средства от русских (великий князь Кирилл и генерал Бискупский) эмигрантов. В данном случае средства, поступавшие «Обществу 164», могли восприниматься как еще один источник финансирования национал-социалистического движения. Вывод о том, что 75 % денежных средств, которые жертвовали Таузенду, пошли национал-социалистам, напрашивается сам собой. Впрочем, документально подтвердить эти сведения не представляется возможным. Деньги «Общества 164» в размере нескольких сотен тысяч марок на суде были объявлены «бесследно исчезнувшими». Однако прозорливые газетчики еще в 1931 году (то есть за два года до прихода Гитлера к власти) провозглашали, что деньги алхимика шли на создание Третьего рейха!

Имелся лишь один-единственный свидетель, записи которого косвенно подтверждали, что «алхимический проект» Таузенда пусть и косвенно, но все-таки был связан с НСДАП. Речь идет о профессоре Отто Винхаузе, которому удалось достать документы, касающиеся Вилли Шуберта. Шуберт был архитектором Таузенда, который занимался перепланировкой замка Тарандг. Этот рассказ от лица Шуберта был записан в 1956 году. «Однажды мой отец рассказал, что замок Тарандг должны были продать. Его владелец барон фон Рекум потерял все свое состояние в годы инфляции, а потому содержание замка стало для него непосильной ношей. Некоторое время спустя я узнал, что замок приобрел египетский подданный по имени Фаннос. У него было даже собственное имение в Каире. Однако его жена (немка по национальности, уроженка Берлина), его золовка и его теща не могли перенести климат Каира, а потому эти дамы должны были жить в замке Тарандт… В помещениях было прохладно и даже влажно… Надо было перекрыть крышу замка, для чего требовалось по меньшей мере 100 тысяч марок… В этих условиях египтянин отказался от перепланировки замка и решил его перепродать. Когда я позже прибыл в гости к своим родителям, то отец рассказал, что замок намерился купить некий Франц Таузенд. У моего отца была доверенность на продажу замка, а потому именно он оформил его приобретение. Волею случая мне удалось лично познакомиться с Францем Таузендом. Он зашел в гости к моему отцу, чтобы обсудить некоторые вопросы. Таузенд показался мне очень скромным человеком… я смог набраться наглости, чтобы попросить осмотреть замок, дабы иметь возможность дать консультации относительного его ремонта и перепланировки… Мы выпили за удачу будущего проекта. От ассистента профессора Кегеля (Горностроительная академия Фрайберга) я узнал, что Таузенд приобрел у государства местную шахту. *Я* воспользовался случаем, чтобы спросить об этом. Меня интересовало, намеревался ли он добывать там серебро. Мне было известно, что работа шахты была приостановлена, так как в ней уже не могли добыть значительного количества серебра, а некоторые из штолен пришли в полную техническую непригодность. Но он заявил мне, что создает там исследовательскую структуру, где будут трудиться химики и инженеры-электрики. Он не намеревался добывать серебро привычным способом, а „производить“ его по собственным наработкам. Серебро планировалось добывать путем электролиза, для чего в шахту требовалось провести электричество. Вместе с тем ему не требовалось дорогое оборудование, которое было нужно для прокладки новых штолен. Он не планировал осуществлять бурение. Он был одержим фантастической идеей выплавлять серебро прямо из земли, пропуская через нее электрический ток… Во время нашей следующей беседы Таузенд сообщил мне, что владел замком в Италии. Кроме этого он хотел добывать в Мюнхене золото непосредственно из руды. Полученные гигантские суммы он хотел пустить на развитие собственных предприятий. Однако большую часть прибыли предполагалось направить на нужды политической партии, а именно НСДАП. На другое утро мы на его автомобиле, стареньком и потрепанном „Форде“, направились в дрезденский банк…»

При указанной форме финансирования политических организаций (то есть через «Общество 164») у инвесторов и кредиторов возникало множество проблем. Но нельзя не отметить, что при этом они получали некоторые льготы по налогообложению. Еще в 1920 году в Германии был принят закон, который предусматривал налоговые послабления для людей, которые жертвовали деньги политическим партиям. Однако точная формулировка закона говорила о «культурных, благотворительных, общественно-полезных и политических объединениях». Во всех остальных законах не говорилось ни слова о «политических жертвователях». Их положение было слишком шатким, чтобы можно было воспринимать как единственно возможный путь финансирования немецких националистов. По этой причине начался поиск вариантов и альтернатив. Это может объяснить поведение некоторых из инвесторов и кредиторов «Общества 164». На это указывают слова Кюхенмайстера, которые тот невольно произнес во время суда над Таузендом. Он заявил о том, что его семья хотела

помочь Людендорфу, «Фёлькишер курьеру», а потому перевела «Обществу 164» 80 тысяч марок. Журналисты не могли не отметить, что «свидетель пытался представить эту в высшей мере сомнительную финансовую операцию в самом благоприятном свете». «Он утверждал, что не стал требовать у общества квитанцию о полученных деньгах». Трудности во время судебного процесса также были связаны с тем, что «Общество 164» преследовало «научно-идеалистические цели». Опять же надо подчеркнуть, что научные объединения в Германии того времени пользовались налоговыми льготами. Если же оценивать сумму, которую удалось в целом собрать под проект Таузенда, то она была более полутора миллионов марок. Свидетели на суде не слишком стремились распространяться об объемах своих пожертвований, кредитов и инвестиций, так как возникал автоматический вопрос о том, что деньги, выделенные на политические цели, не были учтены в налоговых поступлениях государства.

Даже если производство золота выглядело как авантюра, то за ней скрывалось еще одно предприятие, а именно махинации с деньгами, собранными под «Общество 164». Имеются косвенные свидетельства того, что это было отнюдь не единственной попыткой Людендорфа провернуть денежную операцию. В 1929 году мюнхенская пресса писала: «Дело Таузенда очень напоминает один случай мошенничества, который рассматривался два года назад судом Мюнхена. Тогда некто заявлял, что открыл способ производства золота из соли. Желавшие получить сказочную прибыль промышленники предоставляли эту субъекту немалые суммы. В том случае тоже мелькало имя Людендорфа, как одного из организаторов алхимического предприятия». Современные немецкие исследователи смогли обнаружить в архивах документы, которые касались Ганса Унруха, торгового агента из Берлина. Он утверждал, что был в состоянии наладить массовое производство золота, используя в качестве исходного материала обыкновенную соль. Чтобы наладить это процесс, Унрух основал исследовательское общество «Нитор». Однако очень быстро выяснилось, что указанный торговый агент был мошенником. В мае 1926 года против Ганса Унруха и его помощника Рейнхольда Крузенбаума было выдвинуто обвинение в обмане и мошенничестве. Сохранившийся текст обвинительного акта позволяет восстановить некоторые из деталей этой истории.

«Унрух покинул реальную школу в старших классах. Во время войны он был летчиком. Затем он неоднократно работал в качестве коммерческого представителя различных фирм. Его брат-близнец Вилли пытался изобрести машину, которая бы генерировала электрический ток совершенно новым способом. По этой причине он был обвинен в мошенничестве, затем предстал перед судом и получил тюремный срок. После суда над Вилли Унрухом реализацией проекта по созданию нового электрического генератора занялся Ганс Унрух. Он смог добыть средства к существованию в размере 200 тысяч марок, выманив их у торгового агента Макса Грёнинга, который заинтересовался новым аппаратом по производству электрической энергии. Эти средства были переданы Унруху через Крузенбаума… Осенью 1924 года Унруху впервые пришла в голову мысль изобразить синтез золота. Изначально это было мошенническим трюком. За счет этой аферы он получал деньги, которые позволяли ему жить на широкую ногу. В итоге во время визита в Мюнхен он проживал в фешенебельных отелях „Баварский двор“ и „Экссльсиор“… Чтобы придать убедительности своему обману, он воспользовался сходством своего имени с одним дворянским родом и присвоил себе титул барона… Унрух не имеет постоянных занятий… Весьма характерным для него являлось заявление, что он мог из вагона соли произвести два килограмма чистого золота». Далее в документах говорилось: «Унрух с 1924 года был втянут в сомнительные финансовые предприятия. Чтобы погасить имевшиеся долги, он прибег к следующему методу: он обращался к людям, которых считал состоятельными и платежеспособными. Он предумышленно вводил их в заблуждение, что сделал открытие, благодаря которому при помощи электрического тока можно было получать золото из поверенной соли. Он надеялся,

что использование этого мнимого открытия могло принести немалые прибыли, но для этого требовались инвестиции в его проект. Чтобы лишить потенциальных жертв мошенничества каких-либо сомнений, он демонстрировал им якобы открытый способ извлечения золота из соли. Это происходило прямо на квартире Унруха. Многие из жертв лично присутствовали на демонстрации этих опытов. Сами эксперименты заключались в том, что генерировалась электрическая дуга, которая пропускалась через соль. Далее шло утверждение, что после нескольких часов электрического воздействия на соль в ней возникали капли золота. В конце каждого эксперимента он поджигал магниевый порошок, которым посыпал соль. Унрух был прекрасно осведомлен о том, что данный процесс не имел никакого отношения к добыче золота. Однако присутствовавшие на демонстрации жертвы могли самостоятельно провести этот опыт, после окончания которого находили в соли небольшие капельки золота. Для достижения этого эффекта Унрух приобретал золотую проволоку. Ее небольшие части он во время эксперимента добавлял в соль. Унрух настолько хорошо освоил этот трюк, что никто не смог заметить обмана… Указанным способом ему удалось ввести в заблуждение семь человек, которые поверили в то, что он может добывать золото… Ниже описанными финансовыми делами занимался Крузенбаум, которого Унрух сделал своим доверенным лицом по вопросам, связанным с мнимой возможностью производства золота. Унрух гарантировал ему процентное участие в извлеченной прибыли. Задача Крузенбаума состояла в том, чтобы продать или добыть финансирование для „золотого предприятия" Унруха… 1 апреля 1925 года Крузенбауму удалось заинтересовать берлинского торгового агента Фридриха Миноукса мнимым открытием возможности получения золота. Он свел его с Унрухом. Тот дал Миноуксу ложные сведения. После этого он привлек Миноукса и его компаньона Альфреда Панофски (оба являлись директорами торгового предприятия в Берлине) к финансированию его изобретения. В результате этого от Миноукса был получен чек на 50 тысяч марок. Аналогичная сумма была получена и от Панофски… После того, как Унруху удалось убедить торгового агента Отто Хеннемана, он планировал пустить полученную прибыль на создание фабрики минеральных удобрений и разработку мраморного карьера». «Хеннеман подобно торговому агенту Гансу Бернхардту узнали о проекте Унруха из газетной рекламы. В ней рассказывалось о возможности проекта, а также говорилось о поиске инвесторов. Унрух заверял людей, предоставивших ему свои капиталы, что кроме всего прочего он был связан с руководством государства. В частности говорилось, что после личной беседы с Гинденбургом правительство Германии согласилось приобрести у него новый генератор электрического тока за 50 миллионов марок».

Как и Франц Таузенд, так и Ганс Унрух должны были участвовать в следственном эксперименте — под строгим надзором Унрух должен был синтезировать золото в одной из лабораторий технического института Мюнхена. В документах сохранились описание этого события: «На автомобиле Унрух был доставлен из следственной тюрьмы в технический институт. Чтобы избежать возможности трюков, был подготовлен сюрприз. Алхимика заставили полностью раздеться. После этого он получил другую одежду. После этого Унрух утратил свою уверенность. Тем временем криминалисты обыскали его старую одежду. Они обнаружили в подкладке куртки несколько зерен золота… При всех своих прошлых экспериментах он подкладывал в соль куски золотой проволоки под один из графитовых штифтов дуговой лампы. Так ему удавалось „получить" золото из поваренной соли».

Во время следствия Ганс Унрух все-таки согласился с тем, что занимался мошенничеством. В то же самое время Крузенбаум продолжал настаивать на том, что верил в возможность получения золота, так как полностью доверял Унруху. Перед началом судебного процесса Ганса Унруха обследовал судебный психолог Фогт. Он нашел, что его подопечный являлся «психопатом, одержимым фантастическими идеями, у которого проявлялись истероидные черты». 20 июля 1926 года суд вынес Гансу Унруху приговор: 4 года и 8 месяц тюрьмы, с зачетом срока проведенного в предварительном заключении. Крузенбаум был

оправдан и освобожден прямо из зала суда. Некоторое время спустя, после апелляции, срок пребывания Унруха в тюрьме был сокращен до 3 лет.

После прочтения приведенных выше документов может возникнуть вопрос: а при чем здесь генерал Людендорф? Чтобы ответить на него, надо обратить более пристальное внимание на одного из пострадавших от действий Унруха — а именно промышленника и торговца Фридриха Миноукса. В 1919 году Миноукс (1877–1945) был генеральным директором берлинского филиала концерна Стиннеса. В его задачи входило обеспечение хозяйственной экспансии концерна в сферу автомобилестроения, производства бумаги и полиграфии. В 1920 году Миноуксу было поручено руководить входившим в промышленную группу Стиннеса химическим предприятием «Кохолит». Дело у Миноукса шли неплохо, а потому в 1921 году он позволили себе приобрести загородный особняк в Ванзее. Однако Миноукс никогда не ограничивался сугубо экономической деятельностью. В 1922 году он заинтересовался политикой. В итоге в 1923 году он познакомился с генералом Людендорфом, который ввел промышленника и торговца в различные ультраправые и националистические организации. Так концерн Стиннеса оказался причастным к финансированию «Немецкого боевого союза», который был создан на основе союза «Оберланд», организации «Имперский флаг» и штурмовых отрядов (СА) Национал-социалистической партии. Ответственным за предоставление денег этой ультраправой коалиции был как раз Фридрих Миноукс. Именно «боевой союз» был движущей силой «пивного путча», который произошел в Мюнхене в ноябре 1923 года. В то время загородный дом Миноукса не раз использовался для проведения встреч лидеров националистических организаций. В октябре 1923 года между Стиннесом и его подчиненным произошла ссора, после чего Миноукс создал собственную фирму, торговавшую углем. Но даже в этих условиях он не прекратил своей политической деятельности. В 1932 году Миноукс стал членом правления «Общества по изучению фашизма», которое должно было координировать действия всех националистических и ультраправых организаций. Когда в 1933 году к власти пришли национал-социалисты, то торговец был приглашен в состав «Академии немецкого права». Некоторое время он почивал на лаврах, однако в 1940 году был арестован. Миноукса обвиняли в финансовых злоупотреблениях. Чтобы разделаться с долгами, он был вынужден продать свое имение в Ванзее. Покупателем особняка стал не кто иной, как Гейдрих. Однако официально покупка была оформлена на фонд «Нордхав». Именно в этом здании в 1942 году прошла печально знаменитая «ванзейская конференция», на которой обсуждались проблемы «окончательного решения еврейского вопроса». Впрочем, все это не спасло Миноукса от судебного преследования. В 1941 году он был приговорен к пяти годам тюрьмы.

Во время судебного процесса над Унрухом в качестве свидетеля допрашивался Альберт Хирт. Он показал: «15 мая 1925 года Лидия Штоленберг, доверенное лицо Крузенбаума, направилась в Мюнхен. Там она встретилась со своим знакомым Отто Ландграфом, которому поведала о возможности получения золота… Ландграф в то время был доверенным лицо Унруха». Именно Ландграф познакомил участников данного «алхимического проекта» с инженером Альбертом Хиртом, который трудился в Штутгарте. После этого Унрух провел несколько демонстраций своих опытов в Берлине и в Штутгарте. Ландграф и Хирт оказались настолько поражены ими, что сразу же учредили исследовательское общество, которое должно было заниматься изучением «открытия» Унруха. 30 августа 1925 года Хирт и Ландграф перевели на счет общества сумму размером в 27 тысяч марок.

Альберт Хирт был настолько интересной фигурой, что ему надо уделить особое внимание. Едва ли его можно было назвать наивным простачком, которого смог обмануть предприимчивый авантюрист. Альберт Хирт был швабским изобретателем, который совмещал свои изыскания с коммерческой деятельностью. Так, например, в 1905 году он основал в Штутгарте предприятие «Норма-кугель». Однако этим сфера интересов Хирта не ограничивалась. В Баварии он был известен как один из финансистов радикального союза

«Немецкая национальная защита» (Труцбунд). Организационным руководителем Труцбунда был близкий друг Хирта, Альфред Рот. После того как в 1922 году «Немецкая национальная защита» была запрещена, Рот некоторое время скрывался в имении Альберта Хирта, расположенном на Боденском озере. Фигура Хирта примечательна еще тем, что он был дружен с Фрицем Кюхенмайстером, который был не только правым активистом, но и свидетелем по делу Франца Таузенда.

Если обобщить все эти сведения, то окажется, что «алхимические проекты» Франца Таузенда и Ганса Унруха, которые на первые взгляд казались мошенничеством, на деле являлись всего лишь прикрытием для махинаций, целью которых было финансирование ультраправых организаций, в том числе национал-социалистической партии. Во время судебного заседания 19 октября по делу Унруха были упомянуты «высокопоставленные личности», которые полагали, что благодаря этой авантюре могли достать средства для «национальных целей». Полный список этих личностей не был оглашен, однако были упомянуты имена представителей Кобургской династии, в том числе отрекшегося в 1918 году от престола болгарского короля Фердинанда и русского генерала Бискупского, который в Германии являлся выразителем интересов монархистов и легитимистов. Несколько лет спустя нечто аналогичное будет высказано на суде по делу Франца Таузенда. Как видим, кроме желания получить искусственным путем золото в упомянутых историях отчетливо проявлялся мотив политического финансирования. В обоих случаях косвенно упоминались имена Бискупского и кобургских князей. А это автоматически выводило на русские эмигрантские круги.

В кругах, близких к генералу Людендорфу, в 20-е годы главной целью «восточной политики» считали реставрацию русской монархии, что являлось поводом для теснейших контактов с генералом Бискупским. Монархическая Россия виделась Людендорфу в качестве союзника немецкого рейха — обе страны должны были вести ожесточенную борьбу против «Версальской диктатуры». Было ли возможно в случае с Францем Таузендом, что итоговым получателем собранных средств в конце цепочки являлась НСДАП? Подобное предположение не было преувеличением или досужим домыслом. В данном случае надо учитывать тот факт, что одним из инвесторов Таузенда был король Фердинанд Болгарский, который в начале 20-х годов предоставлял деньги не только Людендорфу, но весьма охотно кредитовал Национал-социалистическую партию. Кобургская династия, к которой принадлежал король Фердинанд, в период с 1922 по 1924 год поддерживала финансами «молодое» национал-социалистическое движение. Кроме этого не стоит забывать про то, что в 1921 году в Райхехалле состоялся конгресс русских монархистов, на котором была учреждена организация «Ауфбау — экономико-хозяйственное объединение Востока». Эта организация сразу же попала в поле зрения ОГПУ. В документах советских спецслужб, в частности, сообщалось: «„Ауфбау‟. Чрезвычайно интересной является деятельность Шейбнера-Рихтера[25], стоящего во главе общества „Ауфбау‟. Общество это, официально преследующее чисто коммерческие цели, на самом деле является конспиративной политической немецкой монархической организацией. Шейбнер, безусловно, инструктируется во всех своих действиях Бискупским, который использует его для своих комбинаций. В настоящее время Шейбнер с Бискупским ведут чрезвычайно сложную политическую игру, которая в главном ставит себе следующие цели.

1) Восстановление Габсбургов [на] австро-украинском престоле. Для работы в этом направлении у них находится полковник Бауэр, состоящий в самых тесных сношениях с Бискупским. В Австрии происходит организация состоящих из немцев особых отрядов под руководством германских офицеров, посланных для этой цели из Баварии. Отряды эти переходят границу тихо и распространяются… Особенно сильно они развиты в Тироле. Вся затея с вышеназванным Вильгельмом Габсбургским, в которой видную роль играют Шейбнер и Бискупский, была подготовкой к общему плану более крупного масштаба.

2) Восстановление Виттельсбахов на южногерманский престол (Бавария, Вюртемберг, Штутгарт). Несомненно, что в этой комбинации Шейбнер и Бискупский поддерживаются баварской королевской партией и германскими националистами ДНФИ.

3) Соединение с Венгрией, которая к тому времени должна слиться с Австрией под скипетром Габсбургов. В Венгрии работа в этом направлении производится правыми венгерскими кругами, находящимися в тесной связи с таковыми же в Баварии».

Интересными являлись выводы сотрудников ОГПУ: «Несомненно, что в этой всей комбинации главной двигательной силой является группа Людендорфа, в руках которой находится вся подготовка намечающегося в Баварии переворота, разработанного как в военной, так и в гражданской частях». Макс Эрвин Шойбнер-Рихтер, стоявший во главе «Ауфбау», представляет интерес не только как внешнеполитический консультант, но и как соратник Гитлера. Шойбнер-Рихтер в начале 20-х годов выполнял функции идеолога национал-социалистического движения. Однако он погиб во время «пивного путча», после чего был причислен к числу «мучеников движения». Именно после гибели Шойбнера-Рихтера на роль главного идеолога НСДАП стал претендовать другой «русский немец» — Альфред Розенберг. Если говорить о деятельности «Ауфбау», то ее главной задачей было налаживание контактов между немецкими экономико-хозяйственными кругами и русскими эмигрантами-монархистами. Так, «Ауфбау» получало поддержку от фирм «МАН» и предприятий Маннесмана. Собранные этой организацией деньги распределялись между Людендорфом и Бискупским. По этой причине все «алхимические проекты», связанные с именем Людендорфа (Унрух и Таузенд), можно рассматривать отнюдь не как самоцель, а всего лишь прикрытие для финансирования ультраправых немецких и русских эмигрантских организаций, которые имели прогерманскую ориентацию.

Отношения между Гитлером и Людендорфом не всегда были одинаково хорошими. Если на судебном процессе 1924 года Гитлер говорил о «боготворимом мною генерале», то через несколько лет он счел его обузой, мешавшей партии. Впрочем, после прихода к власти Гитлер решил не забывать про Людендорфа, который занял своего рода почтенное место в «национал-социалистическом пантеоне». В 1942 году во время одной из застольных бесед Гитлер высказал идею, что могила Людендорфа должна стать «одной из самых чтимых святынь». Позже был создан проект, согласно которому захоронение Людендорфа должно было стать смысловым стержнем нового «Солдатского зала» в Берлине. То есть, несмотря на ссору с генералом, Гитлер все-таки не стеснялся быть ему обязанным и признательным.

Глава 13
ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО:
МИСТИКИ ИЛИ ПУТЧИСТЫ?

С началом ноябрьской революции 1918 года во многих немецких городах власть стала переходить к солдатским и рабочим советам. Противостоять советскому движению пытались многочисленные контрреволюционные формирования, из которых стали складываться так называемые «добровольческие корпуса» — фрайкоры. В среде белых фрайкоровцев самой заметной фигурой был капитан германских ВМФ Герман Эрхардт. Ему удалось в Вильгельмсхафене сплотить вокруг себя несколько сотен солдат. Данное формирование известно в истории как «Бригада Эрхардта». Двумя годами позже на основании положений Версальского мирного договора должна была начаться демилитаризация Германии. Одним из шагов министра по делам рейхсвера Густава Носке стал роспуск добровольческих корпусов, в том числе «Бригады Эрхардта». На тот момент она насчитывала в своих рядах более тысячи вооруженных человек. Берлинское правительство, которое «пошло на уступки странам Антанты», вызывало среди контрреволюционных офицеров и солдат не меньшее недовольство, чем коммунисты и Советы. Накануне окончательного роспуска бригады был сформирован «Союз бывших офицеров Эрхардта», почтенным председателем которого был

избран сам Герман Эрхардт. Всеми организационными делами в новом союзе занимался второй председатель — Фридрих фон Абендрот. Этот морской офицер был ветераном «Бригады Эрхардта», принимал участие во многих боевых акциях, а позже стал играть важную роль в созданной Эрхардтом организации «Консул». Спровоцированные на мятеж солдаты «Бригады Эрхардта» в 1920 году захватили Берлин. В этом начинании их негласно поддерживал генерал Людендорф. Однако формальным руководителем путча считался националистически настроенный землевладелец Вольфганг Капп, который и был провозглашен новым рейхсканцлером Германии. Успех мятежников не был долговечным. Уже через несколько дней после переворота Берлин и прилегающие к нему территории оказались охвачены всеобщей забастовкой, начались столкновения с рабочими отрядами. Эрхардт и его солдаты были вынуждены укрыться на территории Баварии. После того как была разгромлена Мюнхенская Советская республика, эта южная германская земля превратилась в Мекку для националистов и ультраправых политиков. Именно в Мюнхене Герман Эрхардт основал тайный союз, который получил название организация «Консул». В немецкой литературе и исторических источниках она нередко упоминается просто под аббревиатурой ОК. Организация получила свое название по прозвищу, которое некогда носил Эрхардт. Новое тайное общество ставило перед собой цель совершать террористические акты, направленные против представителей демократической республики. Чтобы лучше понять дальнейшее развитие «Консула», надо упомянуть, что организация выпускала журнал, назвавшийся «Викинг». Устав ОК определял «Консул» как «тайную организацию», которая была открыта только для «национально ориентированных немцев». В ней не могли состоять «евреи, равно как и любого вида инородцы». Устав ОК не отличался особым либерализмом. Например, § 11 определял, что любое «предательство» интересов «Консула» каралось смертью. Казнь должна была приводиться в исполнение так называемым «судом Фемы». «Суды Фемы» были заимствованием из Средневековья — так назвались тайные судилища, которые в Вестфалии выносили приговоры неугодным дворянам.

Функционеры «Консула», воспользовавшись военной беспомощностью Германии, без каких-либо стеснений собирали с промышленников «дань», которая должна была идти «на нужды движения». На более позднем судебном процессе один из адвокатов заявлял, что численность организации «Консул» в момент своего пика активности составляла 5 тысяч человек. «Консул» вел активную торговлю оружием, установив связи с Ирландией и Финляндией. По всей стране у ОК имелись тайные склады вооружений. Вырученные от контрабанды средства также шли на политические цели. В 1921 году один из руководителей «Консула» Манфред фон Киллингер пояснял, почему была выбрана именно форма «тайного общества». Предполагалось, что берлинское правительство лишило «Бригаду Эрхардта» возможности оказывать открытое влияние на политику, а потому после ее роспуска это воздействие должно было стать тайным. Однако в мае 1923 года организация «Консул» была запрещена. Эрхардт недолго оставался без дела, так как на месте «Консула» возник союз «Викинг». В 1926 году прусский министр внутренних дел сообщал по поводу этого нового объединения: «Союз „Викинг" является негласным продолжением морской бригады Эрхардта, которая была распущена весной 1920 года после так называемого „капповского путча". Позже бригада была преобразована в организацию „Консул". В феврале 1924 года силами полиции в Хаме были конфискованы документы, из которых следовало, что союз готовил насильственное свержение конституционного строя. Это должно было произойти в так называемый „день национальной революции". С этой целью на всей территории Германии создавались боевые группы, происходило распределение оружия по тайным складам».

В Уставе организации «Консул» с самого начала предусматривалось, что название «Викинг» могло использоваться для официального прикрытия «тайного общества». Союз «Викинг», подобно «Консулу», был учрежден в Мюнхене, а его председателем был Герман Эрхардт. Из Устава союза «Викинг» следовало, что «союз стремится к возрождению

Германии на национальной и народной основе путем духовного воспитания его членов». Герман Эрхардт, выстраивая свою идеологию, опирался не только на террористические методы, но также «уличал» страны Антанты в расовом тлении и потворстве «еврейскому золоту». В одной из директив руководства союза «Викинг» говорилось: «Франция, жутко страдающая от собственного расового разложения, болезненно воспринимающая собственную слабость и связанные с нею угрозы, активно привлекает на свою сторону представителей желтой и черных рас. Навязывая свету фантом галльского континентального могущества, Франция на самом деле загрязняет душу белого мира расовым смешением. Борьба до последнего или гибель — вот удел национального немецкого мира… в Западной Европе уже обосновались преторианцы французской политики — чернокожие и желтокожие наемники, которые вооружаются и снабжаются международным капиталом. Представители же этого капитала даже по своим внешним признакам много ближе к цветным ордам, нежели к белому человеку… Их высшим нравственным принципом является стремление к захватам и обогащению. Богатство является источником их силы и самомнения… Мировая война стала триумфом международных сил, которые в качестве своего суверена признают только золото. Они обманывали и сталкивали между собою народы. Их боевым средством стало золото, которое является смертельным врагом для всякой естественной национальной жизни. Золото всегда было и будет оружием капиталистического Интернационала. Жажда легкой и аморальной наживы, беспринципное властолюбие объединило этот боящийся света сброд, который сложно отнести к какой-то конкретной нации. Он использует лишь отдельные народы в своих собственных интересах. Этот сброд не считается с традициями, царящими в обществе. Он лишь способен подобно ненасытному вампиру насыщаться кровью нации… Очень редко удается приподнять завесу над этим тайными силами… Капиталистический Интернационал сегодня перебрался в Америку, которая может считаться самой сильной страной мира. Оттуда Иудея руками Франции хочет закончить порабощение Европы!»

Некоторое время члены организации «Консул» и штурмовики Национал-социалистической партии считались союзниками. Например, в мае 1923 года между ними было заключено нечто вроде пакта. Однако 4 июля 1923 года этот союз (по инициативе руководства СА) был расторгнут. Когда «Консул» был преобразован в «Викинг», то его официальный представитель Манфред фон Киллингер не раз пытался заверить власти в «миролюбии» союза, чьи интересы он представлял. Несмотря на все эти заявления, в 1927 году Министерство внутренних дел Саксонии запретило деятельность союза «Викинг». После этого члены запрещенной организации перешли либо в ряды НСДАП, либо в «Стальной шлем». Впрочем, это не мешало им сохранять неформальные связи со своим бывшим командиром Германом Эрхардтом, который продолжал контролировать часть ультраправых военизированных организаций. В национал-социалистическую партию вступил даже Манфред фон Киллингер. Это произошло в 1928 году. После того как национал-социалисты пришли к власти, остатки «Бригады Эрхардта», члены который считали себя своего рода элитой, были переданы в подчинение Генриху Гиммлеру, а затем влиты в состав СС. Сам же Эрхардт весьма неоднозначно относился к Гитлеру и его режиму, а потому накануне «ночи длинных ножей» скрылся на территории Австрии.

В окружении капитана Эрхардта пользовалась большой популярностью идея генерала Людендорфа о «предательском ударе в спину». Напомним, что согласно данной версии виновными в поражении Германии были либеральные и левые политики. Именно они спровоцировали ноябрьскую революцию 1918 года, крушение монархии, создание рабочих и солдатских Советов. Позже большая часть этих политиков оказалась в различных политических партиях Веймарской республики, однако радикальные националисты объединяли их всех в категорию «ноябрьских преступников». В списке «предателей» под номером один значился либеральный политик Матиас Эрцбергер, который в 1918 году по поручению Гинденбурга заключил перемирие со странами Антанты. В 1921 году во время

отдыха на курорте он был застрелен двумя бывшими боевыми моряками. Как оказалось, покушавшиеся были членами организации «Консул». Это было не просто политическое покушение, так как выяснилось, что убийцы в свое время были активистами ариософского «Германского ордена». На этом покушения, предпринятые «Консулом», не прекратились. 4 июня 1922 года два человека плеснули в лицо синильной кислотой первому республиканскому премьер-министру Филиппу Шейдеманну. Только в силу обстоятельств этот социал-демократический политик не был отравлен. 22 июня 1922 года был застрелен министр иностранных дел Вальтер Ратенау. Это стало один из самых громких убийств времен Веймарской республики. 3 июля 1922 года в Берлине произошло покушение на леволиберального публициста Максимилиана Хардена. Он не погиб, но получил тяжелое ранение.

Следствие по делу об убийстве Вальтера Ратенау смогло собрать тридцать три тома документов. Один из этих томов был посвящен исключительно Фридриху фон Абендроту, который в свое время являлся вторым председателем «Союза бывших офицеров Эрхардта». После того как произошло убийство Матиаса Эрцбергера, власти смогли установить, что за ним стояла «тайная организация „Консул"». Кроме этого следователям удалось выяснить, что «Консул» был разделен на четыре не связанных между собой группы. Убийцы Эрцбергера Шульц и Тилльэссен являлись сотрудниками «Баварского деревообрабатывающего предприятия», директором которого являлся не кто иной, как Манфред фон Киллингер. Было сделано предположение, что это предприятие являлось всего лишь прикрытием для деятельности террористической организации. Когда полиция стала проводить обыски в офисах, то обнаружилось, что большая часть бумаг и документов была накануне уничтожена. В игоге суду не удалось доказать, что именно организация «Консул» выступала в качестве заказчика и организатора убийства Эрцбергера. Большая часть арестованных была выпущена на свободу. Несмотря на подозрение в заговорщицкой деятельности, им не смогли инкриминировать причастность к убийству. Баварские судьи оправдали даже руководителя группы «Б» организации «Консул», который фактически поручил Шульцу и Тилльэссену устранение Эрцбергера. Судьи посчитали, что слепой на один глаз человек не мог отдать приказ об убийстве! Сами же Шульц и Тилльэссен предпочитали хранить гробовое молчание. Надо отметить, что они были за это щедро вознаграждены. Их семьи получали щедрые пожертвования со счетов созданной Эрхардтом организации «Национальная первая помощь».

На первый взгляд, во всей этой истории не было никаких деталей, которые бы указывали на связь «Консула» с проектом Таузенда или другими «алхимическими предприятиями». Однако если внимательно изучать материалы дела об убийстве Вальтера Ратенау, то можно обнаружить множество весьма интересных подробностей. Выяснилось, что кабриолет «Мерседес», на котором убийцы достаточно быстро обогнали машину министра иностранных дел и из которого открыли огонь по Ратенау, был предоставлен «фабрикантом Йоханнесом Кюхенмайстером из Фрайберга (Саксония)»! Итак, 24 июня 1922 года произошло покушение на Ратенау. А уже 1 июля 1922 года на территории предприятия Кюхенмайстера полиция обнаружила тайный склад оружия. Если верить воспоминаниям участника покушения на Ратенау Эрнста фон Заломона (после освобождения из тюрьмы он стал писателем и видным общественно-политическим деятелем), то Герман Фишер, руководитель «акций», которые осуществлялись «Консулом» на территории Саксонии, планировал переправлять из Фрайберга оружие судетским немцам, дабы те могли оказывать сопротивление властям Чехословакии. И опять же в эту авантюру оказался втянут Йоханнес Кюхенмайстер. После того как стало известно об убийстве Ратенау, Кюхенмайстер в срочном порядке скрылся в Австрии. Австрийские власти отказались его экстрадировать. Он вернулся в Германию добровольно в декабре 1924 года, когда получил гарантии иммунитета. Однако

первый процесс по делу об убийстве Ратенау, который состоялся в октябре 1922 года, состоялся все-таки без участия Кюхенмайстера. Второй процесс стартовал в июне 1925 года.

На втором судебном процессе должны были учитываться показания Гюнтера Брандта и Йоханнеса Кюхенмайстера. Последний, находясь в предварительном заключении на территории Австрии, писал своему отцу в Германию панические письма. Когда они были представлены в качестве улики, то суд счел Кюхенмайстера «психопатологической личностью, которая скрылась бегством из-за мнимой причастности к убийству». В то же самое время один из убийц Ратенау открытым текстом заявил, что германский министр иностранных дел был убит, так как являлся «приверженцем ползучего большевизма» и «одним из трехсот пособников сионских мудрецов». Либеральная и левая пресса критиковали второй судебный процесс за то, что по его итогам был вынесен «непонятный приговор, являвшийся форменной насмешкой над правовым сознанием».

Нас же во всей этой истории должны интересовать несколько иные моменты. Если принимать в расчет связь семейства Кюхенмайстеров с организацией «Консул», а также с «Обществом 164» и с «Обществом химических исследований», учрежденных Францем Таузендом, то можно предположить, что на территории Саксонии действовала хорошо развитая нелегальная сеть, которая изредка проявлялась в отдельных политических и хозяйственных скандалах. Картина станет проясняться, если сюда же добавить упоминания о «Германском ордене», «мекленбургском Ку-Клукс-Клане» и «Баварском деревообрабатывающем предприятии». Остается лишь выяснить, в какой мере с этой подпольной организацией были связаны прочие участники «алхимического проекта» Таузенда. На судебном процессе у Адольфа Коба не раз интересовались, был ли он в 1927 году сотрудником «Общества химических исследований». Тот же заявил: «Я был связан в первую очередь с обществом, но не с господином Таузендом… Мне было поручено вести корреспонденцию, а также заниматься бухгалтерскими вопросами… Мне ежемесячно выплачивали заработную плату в 500 марок и выдавали некоторую сумму на накладные расходы». В этих показаниях не было бы ничего странного, если не учитывать, что в 1923 году Коб был одним из саксонских активистов союза «Викинг». Забегая вперед, надо отметить, что некоторое время спустя после окончания судебного процесса над Таузендом он был назначен обер-группенфюрером СА, а в годы национал-социалистической диктатуры являлся депутатом рейхстага.

Интерес также могут представлять и другие показания, сделанные Гербертом фон Обвурцером: «Приблизительно 12 февраля 1928 года в помещении общества кроме меня присутствовали господа Филипп фон Шелер, фон Абендрот и Коб… 13 февраля на собрании присутствовали: Гегенбаур, Килльмай, Филипп фон Шелер, Вольф и ваш покорный слуга. Позже по особому приглашению прибыл господин Маннесман». Сразу же бросается в глаза, что многие из участвовавших в указанной встрече были связаны с организацией «Консул». Более подробную информацию мог бы дать Фридрих фон Абендрот, но он скончался до начала судебного процесса над Таузендом, а потому многие из секретов унес с собой в могилу.

Если посмотреть на биографию Герберта фон Обвурцера, чья фамилия на раз всплывала на процессе по делу Таузенда, то выяснится, что он был не очень «простым человеком», как это могло бы показаться на первый взгляд. Если оставить в стороне тот факт, что он в марте 1927 года передал организации Таузенда 33 тысячи марок, то нас должны заинтересовать другие сведения. Герберт фон Обвурцер в 1906–1907 годах учился в кадетском корпусе Инсбрука, где завел хорошие связи в военных кругах. После революции 1918 года он оказался в составе «Железной дивизии», фрайкора, который вел боевые действия, в том числе на территории Силезии. В январе 1921 года он был замечен в качестве начальника штаба Тирольских хаймверов (австрийского аналога фрайкоров), которые получали поддержку от организации «Канцлер» (Орка)[26]. «Канцлер» занимался в основном тем, что

снабжал в обход официальных каналов оружием отряды баварской гражданской самообороны. Позже он был уполномочен создавать военные отряды в Верхней Австрии, которые опять же получали финансирование из Баварии. Год спустя фон Обвурцер являлся доверенным лицом полковника Макса Бауэра, который не только готовил поддержку «капповскому путчу», но и помог мятежникам связаться с генералом Людендорфом. Фон Обвурцер почти всегда был связан с баварскими сепаратистами, которые мечтали отколоть Баварию от Германии, объединить ее с Австрией, после чего предполагали в объединенном государстве восстановить монархию. В любом случае фон Обвурцер не был ни бухгалтером, ни секретарем, ни химиком. Он был специалистом по подготовке вооруженных акций. И это был отнюдь не единичный случай. Другим сотрудником Таузенда был Бруно фон Менгден. Когда он попал в «алхимический проект», ему было 40 лет. До этого момента он никогда не занимался химией, но был одним из референтов баварских отрядов гражданской самообороны. Подобно фон Обвурцеру, он ведал вопросами снабжения оружием.

Обвурцер также сообщал об экспериментах, которые Франц Таузенд проводил на квартире крупного австрийского промышленника фон Шёллера: «Кроме меня, господ Букелея и Таузенда также присутствовали Рихард и Филипп фон Шёллеры, а также время от времени появлялись барон Бардольф и господин Прелойтнер». Суд, конечно же, интересовал Филипп фон Шёллер, а потому почти не уделялось никакого внимания барону Бардольфу, а тот был более чем примечательной фигурой. В 1932–1937 годах он был председателем «Немецкого клуба» (Вена), в рамках которого пропагандировались идеи объединения с Третьим рейхом. После аншлюса Австрии барон стал депутатом рейхстага, а также возведен в чин оберфюрера СА.

Итак, в окружении Франца Таузенда постоянно находилось множество людей, так или иначе связанных с военизированными организациями. Кроме этого Кюхенмайстер, Абендрот и Коб являлись активистами союзов, которые создавались по инициативе Германа Эрхардта. Организация Таузенда часть своей деятельности осуществляла во Фрайберге, где в свое время имелись тайные склады оружия заговорщиков. Надо отдельно подчеркнуть, что очень многое связывало проект Таузенда с Саксонией, то есть именно той самой немецкой землей, где в 1927 году была запрещена деятельность союза «Викинг». Все это позволяет предположить, что Таузенда использовали для того, чтобы продолжить получение денег от немецких промышленников, которые использовались подпольными националистическими организациями. На судебном процессе адвокат Таузенда граф Песталоцци безуспешно пытался доказать, что весьма «алхимический проект» был всего лишь ширмой, которая скрывала деятельность ультраправых заговорщиков. Вначале были лишь полунамеки: «Правда ли, что сотрудники общества Таузенда принадлежали к кругам, близким к генералу Людендорфу?» Однако по мере того, как появлялись все новые и новые сведения, адвокат выстраивал свою собственную версию. «В любом учебнике по истории современных политических движений можно прочитать, что вы под прикрытием коммерческой фирмы занимались политическими делами!» (фраза была адресована фон Обвурцеру). В ответ на это Обвурцер лишь произнес что-то невнятное про то, что «он с друзьями только лишь хотел помочь немецкой экономике». В данном случае дело о мошенничестве могло превратиться в процесс о политическом заговоре. Однако кроме графа Песталоцци в этом никто не был заинтересован, а потому ряд ключевых свидетелей так и не появились в зале суда. Адвокат безуспешно пытался спасти Таузенда от тюремного заключения.

Подозревал ли сам Таузенд, что его эксперименты могли использоваться в качестве прикрытия для политического заговора? На суде он не раз заявлял о том, что никогда не интересовался политикой. Эти слова подтверждал его давнишний «компаньон» Ринхардт, который во время одного из выступлений заявил: «Было бы ложью утверждать, что Таузенд специально прибегал к националистической риторике, чтобы заручиться поддержкой патриотических кругов. Таузенд не проявлял особого интереса к фёлькиш-идеологии… Он

даже в политических вопросах придерживался своего собственного мнения». Но даже если Таузенд не проявлял интереса к политике, то это едва ли может объяснить, почему его сотрудниками становились люди, ничего не понимавшие в химии, но хорошо разбиравшиеся в оружии и вооруженных акциях. Незнание самого Таузенда не может изменить картину в целом. Принимая в расчет все эти тонкости, нельзя удивляться тому, что накануне суда над Таузендом официальный вестник НСДАП «Народный обозреватель» занял в отношении подсудимого весьма благожелательную позицию. Чтобы отвлечь внимание от заговора ультраправых, национал-социалистические журналисты предпочли клеймить масонов. Эта тактика достигла своего пика, когда Таузенду в Мюнхенском монетном дворе (непонятно каким образом) все-таки удалось синтезировать золото. В «Народном обозревателе» писали: «После того как в дело включились масоны, очень многие хотят использовать идею Таузенда, чтобы реализовать ее на практике. Падкие до скандалов газетенки пытаются отвлечь наше внимание рассуждениями о заговоре националистов. Его [Таузенда] открытие пытаются заболтать. Однако когда вчера он смог получить золото, то полностью сорвал планы этих господ. Он не стал ждать, а произвел из свинца золото. Он сорвал все их планы». Однако мюнхенские журналисты из числа социал-демократов все-таки никак не могли отказаться от освещения политической составляющей «дела алхимика». «Мюнхенер пост» писала: «В компании Таузенда нередко появлялись австрийские путчисты, что указывает на политические цели алхимика».

То, что для авантюры с синтезом золота было выбрано именно указанное время, не было стечением случайных обстоятельств. С одной стороны, потенциальные инвесторы генерала Людендорфа стремились разрушить мировую капиталистическую систему, пресытив ее искусственным золотом. Алхимия для этого подходила идеально. Однако когда проект Таузенда обрел некие организационные формы, то в Саксонии был запрещен союз «Викинг», тесно связанный с Людендорфом и правыми заговорщиками. В итоге приобретение производственных площадей у Кюхенмайстера было всего лишь уловкой, позволявшей использовать бывшие оружейные склады «Консула» по своему прежнему назначению. Впрочем, до сих пор так и остается непонятным, кем и когда было использовано данное оружие.

Однако за сугубо политическим радикализмом нельзя не заметить следы ариософских организаций. Судя по всему, существовали тесные связи между организацией «Консул» и остатками «Германского ордена». На это указывает принадлежность к ордену убийц Матиаса Эрцбергера. Это придает «алхимическим проектам» новое звучание. Так, например, Рудольф фон Зеботтендорф основал в Мюнхене общество «Туле», которое поначалу являлось легальным прикрытием для деятельности «Германского ордена». В 1918 году он читал перед членами своего общества доклад о «магии маятника». Рудольф фон Зеботтендорф всегда имел склонность к мистицизму и оккультизму. После того, как в середине 20-х годов он разорвал отношения с обществом «Туле», он написал несколько статей, посвященных алхимии. Весьма вероятно, что он в свое время пытался заинтересовать членов «Туле» не только практикой качания маятника, но и возможностями, которые могла дать алхимия. В случае подобной трактовки выстраивается вполне логичная модель, позволяющая объяснить, почему члены фёлькиш и ариософских организации пытались на практике реализовать алхимические эксперименты.

Однако террористическая версия не исчерпывается только вопросами хранения оружия на тайных складах. Вполне возможно, что химические опыты Таузенда могли использоваться для производства отравляющих газов на основе синильной кислоты. В данном случае проект Таузенда мог быть всего лишь маскировкой для военных исследований, которые были запрещены странами Антанты, настаивавшими на полнейшей демилитаризации Германии. Западные страны-победительницы намеревались не только существенно сократить численность рейхсвера, ликвидировать все неофициальные военизированные формирования

(в первую очередь добровольческие корпуса), но и запретить Германии использование и обладание отдельными видами вооружения. В частности, у Германии не должно было быть химического оружия. В годы Веймарской республики часть предприятий, занимавшихся разработкой химического оружия, была перенесена в Советский Союз. Это фактически ставило крест на возможностях Антанты контролировать данный процесс. В самой же Германии возможностями использования газов занимались еще с 1914 года. Так, например, в ряде немецких университетов шло изучение качеств отдельных газов, которые формально должны были использоваться для борьбы с сельскохозяйственными вредителями, но при этом исследовалось их воздействие на животные и человеческие организмы. В 1928 году в нарушение всех международных договоров в Германии представители рейхсвера стали использовать частные исследовательские учреждения для того, чтобы заниматься разработкой и изучением отравляющих газов. В одном случае речь шла о предприятии «Штеглицер Штрассе», во втором — о фирме «Общество сельскохозяйственных товаров», которое якобы занималось производством минеральных удобрений.

То, что производство отравляющих газов было замаскировано под поиск средств для борьбы с вредителями, стало своего рода немецкой «традицией». Многие отравляющие вещества являлись классическим продуктом двойного назначения. В мирное время они могли использоваться для борьбы с грызунами и вредителями, а в военное время — в качестве боевых отравляющих газов. Например, еще в 1917 году фирма «Немецкое общество по борьбе с вредителями» возникла как подразделение технического комитета Прусского военного министерства. В то время председателем комитета являлся Фриц Хабер, который и предположил возможность синтеза искусственного золота. После войны фирма была преобразована в «Комитет по борьбе с вредителями», во главе которого остался все тот же Хабер. Он запрашивал необходимые для экспериментов материалы в первую очередь у «Дегусса» — германского учреждения, которое занималось вопросами хранения и использования запасов золота и серебра. Однако Хаберу поставлялись отнюдь не драгоценные металлы, а синильная кислота, а также средства для дезактивации отравляющих веществ. Так, на свет появился печально известное отравляющее вещество «Циклон Б». Надо также отметить, что произведенные в середине 30-х годов нервно-паралитические газы табун и зарин, разрабатывались на предприятиях «ИГ-Фарбен» как средства для борьбы с сельскохозяйственными вредителями.

Если же мы обратимся к случаю Франца Таузенда, то, внимательно изучив документы и показания свидетелей, можно обнаружить, что идея создания первого общества принадлежала вовсе не «алхимику», а его компаньону Ринхардту. Именно Ринхардт дал в газеты объявление, в котором предлагал долевое участие в деятельности химических предприятий. Как мы уже знаем, в то время Ринхардт был активистом ультраправых организаций и интересовался не столько хозяйственными вопросами, сколько политикой. Он везде представлялся «альфонсом», который намеревался выгодно вложить деньги своей зрелой подруги. Однако для вложения крупной суммы был выбран в высшей мере странный объект — неквалифицированный химик-дилетант. Чем же Франц Таузенд, не имевший даже химического образования, мог привлечь Ринхардта, чтобы тот рискнул вложить деньги в его проект? Стоит еще раз обратиться к показаниям Таузенда, которые он сделал во время судебного процесса. Он указывал, что накануне знакомства в Ринхардтом, то есть в конце 1923 года, он сделал несколько открытий. «Например, мною было изготовлено средство для борьбы с вредителями, которые наносили урон растениям и сельскохозяйственным культурам. Также я занялся производством минеральных удобрений».

Уже из этой фразы следовало, что Франц Таузенд мог заниматься производством ядовитых газов, так как средства от вредителей и грызунов при определенных дозировках могли превращаться в боевое средство. Сам Таузенд этого фактически и не скрывал. Например, в брошюре 1922 года он открытым текстом писал, что занимался разработкой

отравляющих веществ, которые могли использоваться против людей. Позже он понял, что такого рода признания были небезопасными, а потому в кругу своих «сотрудников», которые как на подбор являлись подобранными генералом Людендорфом специалистами по вооруженным акциям, он подчеркивал, что производство отравляющих веществ должно было храниться в тайне. Таузенд говорил: «Я не допускаю, что результаты моих исследований должны были быть явлены широкой публике. Смертельно опасные вещества в данном случае могли бы попасть в руки непорядочных людей. Поэтому я ищу проверенных сотрудников, которые могут соблюдать условия секретности, храня в тайне результаты моих экспериментов». Если бы речь шла о производстве простого средства для борьбы с травяными вшами, то едва ли бы потребовалась «секретность», а также вряд ли бы Таузенд вел речь о «смертельно опасных веществах». Если подразумевать, что Ринхардт с самого начала планировал наладить производство боевых отравляющих веществ, то все встает на свои места. Не имевший криминального прошлого Франц Таузенд был идеальным прикрытием для подпольного химического проекта.

Террористы из ультраправых кругов, которые окружали Таузенда на протяжении почти всех 20-х годов, отнюдь не были профанами в вопросе использования отравляющих веществ. Надо еще раз указать на то, что 4 июня 1922 года два националиста пытались отравить Шейдеманна при помощи синильной кислоты, которой плеснули в лицо первому республиканскому премьер-министру. Но покушение оказалось неудачным, а потому было вполне логичным, что организация «Консул» была весьма заинтересована в производстве более «эффективных» средств. Во время карательной акции 1934 года, более известной как «ночь длинных ножей», был произведен обыск в помещениях, принадлежавших одному из бывших руководителей союза «Викинг» Фридриху Вильгельму Хайнцу, который в свое время был активистом «Консула». В протоколе обыска в том числе значилось: «В ящике стола был обнаружен проект Устава тайной организации и многочисленные газетные вырезки, в которых сообщалось о пугающих действиях разветвленной террористической организации… Заговорщики должны были отдавать предпочтение цианистому калию, ручным гранатам, кинжалам, чьи лезвия смазаны ядом. Кроме этого они должны были свободно владеть ручным стрелковым оружием». Однако поскольку все эти сведения относились к периоду Веймарской республики, то Хайнца не казнили. В нашем случае важным является то обстоятельство, что ультраправые путчисты в 20-е годы действительно были заинтересованы в том, чтобы получить в свое распоряжение ядовитые газы. Многие из заговорщиков-националистов были хорошо знакомы с их воздействием еще по временам Первой мировой войны. Несмотря на то что Германия еще в 1915 году пыталась использовать в качестве ядовитого газа хлор, впервые собственно боевое отравляющее вещество было использовано все-таки французами. Это произошло в 1916 году, когда был впервые испытано действие винсеннита, смертельно опасного газа, который производился на основе синильной кислоты и хлорида мышьяка. В период с 1915 по 1918 год Франция произвела 7700 тонн этого отравляющего вещества. В то же самое время у Германии не было ни одной тонны винсеннита или его производных.

Выбор «алхимического проекта» Франца Таузенда в качестве возможного прикрытия для производства боевых отравляющих веществ является допустимой и логичной версией. Поскольку цианистый калий, который в алхимии должен был выявлять у веществ качества благородных металлов, предполагалось использовать для синтеза золота (что, собственно, не являлось особым секретом ни для прессы, ни для окружающих), то едва ли кто мог заподозрить, что он на самом деле мог использоваться для производства ядовитых газов. Плохо скрываемые «алхимические эксперименты» с использованием цианидов могли являться ширмой для совершенно иной деятельности. Если принять в расчет версию о производстве химического оружия, то становится понятным, зачем для лаборатории Таузенда

была закуплено великое множество противогазов, а также, почему в самой лаборатории постоянно парили «ядовитые пары зеленого цвета».

Проблема отравляющих веществ как бы вскользь была упомянута на судебном процессе по делу Таузенда. На нее предпочли не обращать внимания. Сам же Таузенд в какой-то момент заявил: «Тогда в Боцене присутствовало несколько господ, которые были явно намерены подвергнуть критике мои эксперименты. Я не был намерен с ними общаться, а потому заявил, что занимаюсь производством ядовитого газа!» Кроме этого надо отметить, что после того, как из проекта Франца Таузенда выбыли Кюхенмайстер, Букелей и представлявший интересы генерала Людендорфа химик Куммер, они основали еще одно предприятие, которое опять же занималось химическими экспериментами. На этот раз во главе его был поставлен Куммер. Вдвойне показательно, что новое предприятие опять же занялось разработкой средств для борьбы с вредителями и грызунами!

Глава 14

АЛХИМИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА ДЛЯ СС

Казалось бы, после того как были прекращены «алхимические проекты» Унруха и Таузенда, ничто больше не говорило о том, что национал-социалисты хоть как-то были связаны с попытками производства искусственного золота. Однако не надо забывать, что алхимия не сводится к трансмутации металлов. Ее важнейшей составляющей является так называемая алхимическая медицина. А к этой сфере деятельности всегда проявлял повышенный интерес рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Трактовка алхимии всего лишь как попытки получения золота из неблагородных металлов является профанической и вульгарной. По сути своей главная задача алхимии сводилась к получению «философского камня» или «красной тинктуры» («эликсира эликсиров»). Считалось, что это особое вещество обладало множеством чудесных свойств. Преобразование свинца в золото было лишь одним из них. Поскольку охота за богатством во многих случаях выдвигалась на первое место, то очень многие не обращали внимания на то, что согласно алхимической традиции «красная тинктура» могла даровать излечение от любых болезней. В данном случае «эликсир эликсиров» выступал в роли «эликсира молодости». В этом контексте тело человека рассматривалось как некое подобие металла, которое под воздействием «философского камня» могло избавляться от «загрязнений», то есть болезней. Сам же «философский камень», несмотря на свое название, никогда не рассматривался именно в качестве некоего камня. Его чаще представляли в виде порошка, который мог продлевать жизнь, избавлять от любых болезней. «Эликсир эликсиров» с этой точки зрения являлся универсальным лекарством, то есть *панацеей!* Обладание «философским камнем» приписывалось легендарному медику Парацельсу, в мистической традиции считавшемуся не лекарем, но алхимиком. Становится понятно, почему Парацельса считают едва ли не основоположником фармацевтической химии. Однако эти представления не совсем верны — Парацельс все-таки считал себя в первую очередь алхимиком.

Генрих Гиммлер еще с середины 20-х годов питал слабость к мистическим доктринам и нетрадиционной медицине. По этой причине нет ничего удивительного в том, что идеологи СС пытались изобразить Парацельса как некоего деятеля, который выступал против «еврейских мистических фокусов». Подобные воззрения были изложены в брошюре «Немецкая миссия Парацельса», в которой содержалась глава «Парацельс — борец против еврейского шарлатанства». Ее автором был приближенный к Гиммлеру д-р Зепп Готтлиб. Если говорить об этом персонаже, то он был доцентом в Академии СС, которая была создана в Граце. В конце войны благоволивший к Готтлибу Генрих Гиммлер даже пытался поставить его на весьма престижную должность заведующего берлинской кафедрой истории медицины. Если говорить об упомянутой выше брошюре, то в ней весьма охотно цитировались многие из алхимиков немецкого происхождения. В основном из них выбирались цитаты антисемитского содержания, которые должны были показать, что «немецкие алхимики» (Парацельс в том

числе) активно боролись против «еврейских плутов». Далее следовал вывод: «Парацельс был немцем, и как всякий истинный немец он решительно выступал за сохранение в чистоте немецкой медицины, которую надлежало оберегать от эгоистичного шарлатанства».

Используя имя Парацельса, в СС планировали осуществить новый проект, который назвался «Новая немецкая медицина»[27]. В значительной мере этот проект опирался на идеи Эрвина Лика. Приверженцы его идей исходили из того, что человеческие болезни были вызваны не состоянием отдельных органов, а состоянием человеческого организма в целом. Для оздоровления человеческого организма предполагалось использовать не синтезированные фармацевтические лекарства, а силу стихий: солнечный свет, свежий воздух, лечебные травы. Кроме этого выдвигался тезис о том, что во многом результат лечения зависел от характера отношений, которые сложились между врачом и пациентом. А потому эти отношения должны были строиться в значительной мере на духовно-интуитивных принципах, нежели на рациональных основаниях. В работе Михаэля Катера, посвященной врачам Третьего рейха, говорилось: «Полную противоположность рационально ориентированным медикам являлись некоторые из врачей Третьего рейха, бывшие приверженцами антинаучной врачевательной концепции, которая была сформулирована данцигским хирургом Эрвином Ликом. Она даже в основе своей не имела ничего рационального… Сторонники идей Лика в силу своего религиозного превозношения природы испытывали эмоциональное неприятие городов, университетов, фармакологии и больниц. По сути своей, они использовали гомеопатические наработки, которые были сделаны в начале XIX века Самуэлем Ханеманном… Лик и его эпигоны отвергали „механическую“ медицину и решительно осуждали осуществление медицинских опытов на животных и, конечно же, людях… в числе сторонников идей Лика был Герхард Вагнер[28]. По этой причине к середине 1939 года сторонники идей Лика заняли ведущие позиции в учреждениях здравоохранения. Страстным поклонником Лика был профессор дерматологии Франц Вирц. В высших эшелонах власти эти идеи поддерживались Рудольфом Гессом и Генрихом Гиммлером».

Считается, что влияние Эрвина Лика стало уменьшаться после смерти Герхарда Вагнера (1939 год), и совсем свелось к минимуму в годы Второй мировой войны. В данном случае приводились доводы о том, что во время войны Германии требовалась рациональная медицина, а не окрашенное в мистические тона лекарство. Однако если посмотреть на составленные в 1939 году имперским врачом СС бригаде-фюрером Эрнстом Робертом Гравицем «Задачи эсэсовских врачей», то можно обнаружить множество интересных моментов. Позволим себе привести некоторые выдержки из этого документа: «Задачи врачей СС, находящихся на службе охранных отрядов НСДАП, охватывают несколько больших областей: 1. решительное участие в отборе подрастающего поколения: оценка наследственного здоровья, выявление наследственных качеств, оценка физического и психического здоровья; 2. политика в сфере народонаселения: освидетельствование невест служащих СС на предмет наследственного здоровья… 4. устранение факторов, потенциально опасных для физического и психического здоровья». После столь четко и рационально сформулированных требований следует в высшей мере интересный абзац: «Медицинская служебная этика в СС должна стремиться к синтезу научной медицины и идей лечения силами природы. Утверждение: „Я могу лечить на основании абстрактных знаний“ является столь же ошибочным, как и утверждение: „Я не нуждаюсь ни в каких знаниях. Знания вредны, а я могу врачевать при помощи своих интуитивных талантов“… Это также относится к тем народным товарищам, которые уже в зрелом возрасте обнаруживают в себе талант врачевателя, однако при этом не имеют медицинского образования. Они должны использовать свои силы на благо всей нации, но только при условии, что они смогут подтвердить свой врачебный талант и пройдут небольшую медицинскую подготовку. При этом врач в СС должен видеть в своем пациенте прежде всего заболевшего человека, у которого есть не только тело, но и душа. Он должен обходиться с людьми, как то полагается

истинному национал-социалисту… Вывод: этот короткий перечень требований и заданий для врачей СС, который был утвержден рейхсфюрером СС, указывает на то, что служебная деятельность врачей СС распространяется на множество важнейших сфер деятельности охранных отрядов НСДАП».

Однако не надо полгать, что для появления на свет такого проекта, как «Новая немецкая медицина», было достаточно только неких не слишком ярко выраженных симпатий национал-социалистических властей. Этому во многом способствовала сама обстановка, которая сложилась в Германии. Если посмотреть на данные 1935 года, то можно было бы обнаружить, что в Германии имелось около 14 тысяч практикующих лекарей, то есть врачей-дилетантов. Если перевести эти данные в относительное соотношение, то получится, что в то время на 10 врачей с академическим образованием приходились 3 лекаря или врачевателя. Как и стоило предполагать, среди лекарей было значительное количество мошенников и шарлатанов. Однако, как уже подчеркивалось выше, национал-социалистам и руководству СС казались симпатичными идеи о возможности лечения организма при помощи природных сил и стихий. Однако в феврале 1939 года в Третьем рейхе был принят закон «О профессиональном медицинском обслуживании». С одной стороны, он ограничивал деятельность лекарей — они должны были проходить специальную аттестацию. Но с другой стороны, все лекари, знахари и врачеватели, все-таки прошедшие аттестацию, приобретали статус «лекаря-самоучки». Все эти лекари непременно должны были состоять в Имперском союзе природных врачей, который поддерживался национал-социалистическим режимом. Теперь каждый человек, полагавший, что обладает «особым целительным талантом», даже не имея медицинского образования, мог занимать вполне официальную должность в системе здравоохранения.

Теперь имеет смысл обратить внимание на почитаемого Генрихом Гиммлером Парацельса. Парацельс (настоящее имя Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенхейм) использовал для обозначения своей алхимической медицины понятие «спагирия» (спагирика). Этот термин являлся производной от двух греческих слов: «спан» (разбирать) и «агир» (собирать). Принцип спагирии состоял в том, чтобы сначала разобрать материалы или вещества на составляющие компоненты, затем очистить их, и в итоге собрать заново. Отчасти подобного рода идеи позже стали использоваться в аналитической химии. Но Парацельс вел речь о том, чтобы не использовать сложносоставные вещества, а эффективно применять их отдельные составные части, которые должны были соответствовать одному из растений. Сам же Парацельс замечал, что хороший врач должен был разбираться в четырех вещах: философии, астрономии, алхимии и добродетели. В своих идеях он исходил из своеобразных алхимических теорий, предполагавших наличие «археуса», который при приеме вовнутрь мог изменять кровь, плоть и кости. Для изготовления спагирических лекарств все компоненты (растения) должны были пройти обработку согласно трем принципам: Заль, Сульфур и Меркур. Принципы Сульфур (вещества, подобные сере, — эфирные масла) и Меркур (вещества, подобные ртути, — спирт) уже ранее использовались средневековыми алхимиками. Однако Парацельс добавил в эту систему принцип Заль (вещества, подобные соли, — растительная зола). Процесс обработки растений согласно эти принципам выглядел следующими образом. Сначала растение проходило дистилляцию посредством водяного пара, что позволяло выделить эфирные масла (Сульфур). Затем растение должно было участвовать в процессе брожения (Меркур), затем оставшаяся от растения субстанция сжигалась (Заль). Так происходила «разборка» растения на составные элементы, которые в ходе трех процессов «очищались». После этого три вещества могли быть соединены в «спагирическую эссенцию». Парацельс полагал, что таким образом можно было очищать не только материю, но и человека.

Алхимическая традиция Парацельса была продолжена «спагириком» Иоганном Рудольфом Глаубером (1604–1670). Он превратил алхимию в халхимию, то есть химию

обратных соляных процессов. Он полагал, что «чудесная соль» (сульфат натрия или глауберова соль) была в состоянии излечить человека даже от тифа. Идеи Парацельса использовались также упоминавшимся выше Самуэлем Ханеманном (1755–1843), который фактически создал гомеопатию как самостоятельное направление в медицинской науке. Но опять же его представления носили во многом мистический характер. Ханеманн писал: «До сих пор никто не постигал эти гомеопатические пути, никто не решался пройти по ним… Я был первым, кто сделал великое, неслыханное открытие. Сила лекарственных растений многократно возрастает, если их использовать не в сыром виде, а в виде порошков, после многочисленных сушек и размолотыми в порошок. При такой обработке обнаруживают силу, способную воздействовать на самочувствие человека, даже те растения, которые столетия ранее не являли никаких лечебных свойств… Лекарственное средство не является мертвой субстанцией. Пожалуй, оно — настоящее живое существо, которое обладает небывалой духовной силой». Ханеманн считал, что каждое из многочисленных лекарств надо было подбирать с учетом индивидуальных духовных склонностей человека. Некоторые из своих идей он повторял дважды: «Только чернь может считать материю мертвым веществом. Любая материя может во внутренней своей части развивать великие и удивительные силы».

Несмотря на то что Ханеманн никогда не заявлял о приверженности идеям Парацельса, он тем не менее все-таки в своих концепциях был связан традициями алхимической мистики. Ханеманн в свое время составлял опись библиотеки барона Самуэля фон Брукенталя, которая насчитывала около 15 тысяч томов. Именно тогда Ханеманн обратил внимание на вышедшую в 1771 году книгу «Герметические звезды Севера». В ней говорилось о возможности преувеличения сил через разжижение. Уже в издаваемом в 20-е годы XX века Александром фон Бернсуом журнале «Империя» утверждалось, что существовали очевидные параллели между учением Ханеманна и алхимическими трудами, в частности «Золотым трактатом Гермеса». В этой алхимической работе говорилось: «Мертвые элементы (населяющие дух) восстанавливаются в полном объеме, после чего тело собирается заново. Оно изменяется, трансформируется, а затем его жизнь чудесным образом становится более продолжительной». В журнале «Империя» к этому материалу приводилась сноска на греческом языке, в которой сообщалось: «Тело металла — это местожительство его духа… если земную субстанцию постепенно разбавлять, разлагать на составляющие и очищать, то дремавшая до этого момента в ней жизнь и огонь вновь пробудятся и будут извлечены на Свет Божий. Ибо жизнь в металлах пребывает в спящем состоянии».

Немецкий исследователь Райнер Аппель следующим образом объяснял взаимосвязь гомеопатии и алхимии: «В конце XX столетия и алхимическая, и герметическая традиция продолжили свое существование в рамках гомеопатии. Это произошло во многом вопреки воле сторонников лечения травами. Со всех сторон выявляются симптомы болезни и свойства лекарств. В итоге естественные болезни связываются с духовным загрязнением индивидуума, после чего происходит своего рода заклинание материи, которое должно вести к излечиванию организма через выздоровление духа. В предпринимаемых действиях дух материи высвобождается… Лишь немногие авторы, пишущие на тему гомеопатии, решаются отрицать связь с традиционным направлением. Эмиль Шлегель[29], который отчасти связан с национал-социалистами, однозначно указывал на связь с идеями Парацельса и алхимическими доктринами».

С алхимической традицией был также связан немецкий врач XIX века Вильгельм Шлюсслер, который практиковал «терапию минеральной солью». Для лечения своих пациентов Шлюсслер использовал так называемые «двенадцать видов соли», которые добывались способом, который весьма напоминал алхимический «принцип Заль». Если же говорить о самом Вильгельме Генрихе Шлюсслере (1821–1898), то весьма примечательно, что свою врачебную деятельность он начинал именно в качестве врача-гомеопата, и лишь затем решил сосредоточить свое внимание на лечебных свойствах минералов, в частности соли.

Методы составления лекарственных средств у Шлюсслера весьма напоминали гомеопатическое «разбавление» (или разжижение).

Двенадцать видов минеральной соли доктор Шлюсслер соотносил с двенадцатью видами конституции человеческого тела, что, в свою очередь, являлось отражением двенадцати знаков зодиака. По поводу своих методов лечения, которые были чем-то средним между литотерапией и спагирией, он писал следующее: «Согласно алхимическим воззрениям сокрытые в минералах целебные силы являются более сильными и более впечатляющими, чем те, что заложены в растениях. Это происходит потому, что минералы в состоянии хранить в себе сидерическую силу, которая заложена в них с момента их возникновения».

Сразу же надо оговориться, что Генрих Гиммлер всегда интересовался проблемами «сидерической силы», для выявления которой он использовал «практику маятника» («сидерический маятник»). Рейхсфюрер СС не раз проявлял себя в качестве противника академической медицины. По этой причине нет ничего удивительного в том, что он планировал осуществить проверку метода «биохимической терапии» (то есть лечения при помощи минералов). Для этого предполагалось осуществить серию опытов над людьми, которые бы проводились в концентрационных лагерях. В этом месте необходимо указать, что в термин «биохимия» Генрих Гиммлер вкладывал совершенно иной смысл, нежели это понятие имеет сегодня в научных кругах. Проведение «биохимических» экспериментов должен был курировать имперский врач СС, профессор Эрнст Роберт Гравиц. В июне 1942 года в лагере Дахау в блоке I лазаретного отделения было установлено 20 кроватей. Так на свет появилась «Биохимическая экспериментальная станция». Однако результаты проводимых в них опытов не смогли удовлетворить Генриха Гиммлера.

29 августа 1942 года Гравиц информировал рейхсфюрера СС: «В эсэсовском лазарете Дахау в отчетный период было проведено 40 экспериментов с применением биохимического материала… Главным образом предпринимались попытки лечения искусственного вызванного гнилокровия[30]… Как и ранее, можно констатировать, что биохимические средства не смогли задержать или предотвратить развитие болезни. Все случаи гнилокровия закончились летальным исходом. В итоге можно говорить о том, что из 40 экспериментов 35 являлись неудачными, десять из которых закончились смертью подопытных. Эксперименты в Дахау продолжаются».

Гиммлер был не просто разочарован, но пребывал в гневе. Он был уверен, что подчиненные Гравица сознательно срывают эксперименты, чтобы тем самым «опозорить» алхимические методы лечения. По мнению рейхсфюрера, некоторые из эсэсовских офицеров делали это в интересах фармацевтических компаний, которые не были заинтересованы в том, чтобы были «открыты» новые методы врачевания. Гиммлер писал в одном из писем, адресованных Гравицу: «В то время как мы предпринимаем попытки, чтобы проверить эффективность биохимических средств, до меня доходят сведения, что штандартенфюрер СС Лауэ придерживается мнения, что мы переоцениваем возможности биохимии. Этот случай является типичным. Нечто аналогичное происходило и с лекарством „Шпенглерзан". Не стоит забывать, что нам доверяет огромное количество людей. Служащие СС должны выражать не интересы фармацевтических компаний, а быть заинтересованными в осуществлении научных исследований. Между тем они, прикрываясь авторитетом моего имени, позволяют себе связываться с крупными фармацевтическими предприятиями!»

Чтобы избежать обвинений в «саботаже» медико-алхимических экспериментов, Роберт Гравиц был вынужден выделить исследование «биохимии» в отдельное направление. В первую очередь предполагалось изучить возможности лечения при помощи минеральных солей. Поначалу к этому проекту предполагалось привлечь «старого врача-биохимика», как называли мюнхенского лекаря Пауля Файхтингера. Однако тот не смог подключиться к проекту, так как был слишком для этого стар. После этого внимание руководства СС остановилось на магдебургском враче по фамилии Кисветтер, который в 1942 году уже

«четырнадцать лет занимался исключительно проблемами биохимии». Кисветтер дач свое согласие на осуществление экспериментов над людьми в Дахау. Его целью являлось не более и не менее, как совершить принципиальный прорыв в деле минеральной терапии. С этой установкой он принялся за опыты, которые проводились над людьми. По большому счету о сути этих экспериментов до сих пор известно очень мало. После того как в 1945 году Роберт Гравиц совершил самоубийство, в его квартире была обнаружена истории болезни монаха-капуцина Штефана Наторского. Когда над ним проводились эксперименты, ему шел 33-й год. Монаху повезло (если участие в эсэсовских экспериментах вообще можно было назвать везением) — его лечили не при помощи «минеральной терапии», а посредством новых фармакологических средств, которые разрабатывались медиками, придерживавшимися традиционных взглядов. У него искусственным путем вызвали заражение крови, после чего лечили сульфаниламидными препаратами «Тибатин» и «Альбуцид».

Во время Нюрнбергского процесса рассматривались дела, не только касавшиеся военных преступлений, но и имевшие отношение к преступным экспериментам над людьми. Во время одного из допросов друживший с Генрихом Гиммлером с детских лет профессор медицины Карл Гебхардт заявил, что рейхсфюрер СС был свято убежден, что, осуществляя данные опыты, он способствовал «обнаружению забытых народных лекарственных средств». Упоминавшийся выше Штефан Наторский не только не умер во время экспериментов, но даже пережил войну. В 1971 году он стал свидетелем на судебном процессе, который велся против эсэсовского врача Генриха Шютца. В 1975 году Шютц был приговорен к десяти годам тюремного заключения. Однако из-за возраста и состояния здоровья он так и не был направлен в тюрьму. «Минеральная терапия» Кисветтера до сих пор считается одним из самых загадочных сюжетов в истории Второй мировой войны. Не сохранилось никаких документов, в которых бы описывались предпринимавшиеся эксперименты. Сам же Рудольф Кисветтер после 1945 года бесследно исчез. Однако алхимическая медицина не была единственным «увлечением» Генриха Гиммлера. В его ведении значились также проекты, которые имели непосредственное отношение к производству искусственного золота. Большая часть этих попыток была связана с именем Карла Малхуза.

Глава 15

И СНОВА АЛХИМИК!

В 1933 году немолодой уже силезский юрист Ганс Генрих Ламмерс получил высокое назначение. Вначале Гитлер произвел его в ранг статс-секретаря, а некоторое время спустя назначил руководителем имперской канцелярии. Казалось бы, это назначение не имело никакого отношения к главной теме нашего повествования, если не учитывать, что во второй половине 30-х годов именно Ламмерсу было поручено курировать вопросы поиска золота в горах Баварии, в первую очередь в реке Изар. Приблизительно в то же самое время на предприятие к цеховому мастеру ювелиров Карлу Блюму прибыл господин с аккуратно подстриженными светло-рыжими усами. Пришедший представился инженером Карлом Малхузом, химиком, трудившимся на одном из газовых предприятий. Карл Малхуз обратился к Блюму с просьбой провести экспертизу находившегося в стеклянной бутылке песка. Инженера очень интересовало, был ли этот песок золотоносным или нет.

Позже обстоятельства своего знакомства с Карлом Малхузом Блюм изложил в мемуарах. Они появились на свет в 1949 году. Однако в них Блюм назвал инженера Карлом Маркусом. Это не было ни ошибкой, ни опечаткой. Дело в том, что когда увидели свет воспоминания Карла Блюма, многие из людей, упомянутых в них, были еще живы, а потому он решил их «обезопасить», несколько изменив имена. Итак, события осени 1937 года Карл Блюм описывал следующим образом: «Я взял бутылку, после чего принялся изучать ее содержимое под лупой. Светлые, блестящие зерна кварца были перемешаны с кусочками слюды, которые нередко встречались в речном песке, если они смешиваются с отливающим желтым металлическим цветом серным колчеданом, то нередко дилетанты принимают их за золото».

После того как Блюм высказал свои сомнения, Малхуз заявил, что указанный песок происходит из Канады. Дескать, один его друг прислал на экспертизу в Мюнхен. Поскольку подобного рода экспертизу можно было без проблем осуществить и в Канаде, то Карл Малхуз пояснил, что канадский друг хотел сохранить все в тайне от правительства, так как если бы канадские власти узнали, что песок был золотоносным, непременно бы конфисковали земли, на которых он был найден. Тем временем Блюм высыпал песок в тигель, после чего нагрел до 150 градусов. После необходимого для экспертизы охлаждения полученную эмаль поместил в серную кислоту. Произошла химическая реакция. Серная кислота превратилась в зеленоватую жижу. Затем остаток был вылит на стеклянный диск, содержание которого Блюм стал изучать под микроскопом. «Среди мутноватой массы мелькнула сияющая точка, — вспоминал Блюм, — я напряг свое зрение, припав глазом к окуляру. Среди минеральных кусочков лежал крошечный шарик золота, который можно было разобрать только лишь под микроскопом. Для меня это было большой неожиданностью».

Карл Малхуз не мог скрыть своей радости, однако Блюм, наслышанный об аферах с золотом, заподозрил, что его пытаются ввести в заблуждение. Он осторожно сообщил о произошедшем в его лаборатории в уголовную полицию Мюнхена. Ему было рекомендовано продолжить «сотрудничество» с мужчиной, назвавшимися Карлом Малхузом, а также уведомлять обо всем полицейские чины. Впрочем, едва ли можно было удивляться подозрительности Блюма — шел 1937 год: подозрительность и доносительство в Германии считались «нормальными» вещами. Кроме этого Блюм был в свое время наслышан о деле Таузенда. В своих воспоминаниях он привел свои опасения: «У меня в памяти еще вертелись отрывочные сведения об алхимике Таузенде, а потому мне показалось, что речь могла идти об аналогичном случае. Подобные подозрения мне казались вполне оправданными. Аферист Таузенд в свое время смог увлечь своими идеями множество людей… В отличие от профессора Митте, который пытался вести свои эксперименты с опорой на науку, Таузенд был не алхимиком, а аферистом, жадным до денег. Среди его кредиторов оказался даже прославленный генерал Первой мировой войны, который был слишком восприимчивым ко всякого рода мистическим вещам. У профессора Митте следы золота, проявлявшиеся во время экспериментов, объяснялись якобы тем, что его ассистент носил золотые очки, которые, дескать, могли вступать во взаимодействие с препаратами. Но Таузенд же был хвастливым аферистом, который даже не стеснялся демонстрировать публике свои фокусы».

Уже в начале октября 1937 года Блюм провел еще восемь анализов песка, который был принесен Малхузом. В какой-то момент Малхуз не вытерпел и сознался, что указанный песок происходил отнюдь не из Канады, а с берегов Изара. После этого Блюм стал еще более острожным. Он сравнил химические анализы песка с Изара с пробами песка, который приносил Карл Малхуз. В итоге Блюм пришел к однозначному выводу — песок Малхуза никак не мог быть изарским. Блюм строил свои разговоры с Малхузом так, чтобы все-таки выведать из него правду. Эта тактика возымела действие — Карл Малхуз согласился указать истинное месторождение песка, который он неоднократно приносил на экспертизу. Это произошло 22 октября 1937 года. Малхуз в сопровождении Блюма и советника юстиции Оскара Грайнера сначала по железной дороге доехали до Дахау, а затем пешком направились до Притльбаха, где находилась цепь небольших гор. Здесь Малхуз указал место, где он брал на пробу песок. В этом месте указанный песок был насыпан до краев в рюкзак, всего же его было вынесено около 8 килограммов. По возвращении в цех Блюм на протяжении целой ночи ставил эксперименты, однако их результаты оказались неутешительными — присутствие золота в пробах песка было самым незначительным. Однако Малхуз никак не мог с этим согласиться!

30 октября 1937 года Карл Блюм узнал, что Малхуз собирался направить письмо Гитлеру, в котором уведомлял фюрера о сделанном им «открытии». Однако самого Малхуза в первую очередь интересовало не золото, а изобретенная им «суперсталь». История получила продолжение уже 1 декабря 1937 года, когда Малхуз осуществил свои намерения. Он

приложил к своему письму, направленному в Берлин, образец материала, который, по его словам, «был прочнее обычной стали, но мог обрабатываться легче алюминия». 11 декабря 1937 года Малхуз вновь появился у Карла Блюма. Он принес ювелиру кусок «сказочного сплава». Визит сопровождался в высшей мере таинственными намеками: дескать, это дело имеет большое значение для армии. Малхуз планировал использовать свое «открытие» для военных целей, в частности, для производства стволов винтовок и пулеметов. Блюм тут же исследовал образец сплава и нашел, что тот по своим качествам был хуже стальных изделий. Металл по своей твердости уступал кварцу, а кроме этого был очень хрупким — он крошился от удара простым молотком. Несмотря ни на что, 13 декабря 1937 года советник Оскар Грайнер уведомил Блюма, что имперское правительство решило выделить Малхузу собственную лабораторию, которая располагалась в Мюнхене на Перусаштрассе. Буквально на следующий день Малхуз начал в ней свою работу. Не поверив Блюму, он отдал пробы своего песка в Технический институт Мюнхена. Выводы экспертов в очередной раз не могли порадовать предприимчивого инженера-химика. Из предоставленного песка теоретически можно было бы добывать золото. Однако из тонны песка получалось бы 20 миллиграммов драгоценного металла, что было в высшей мере нерентабельно. Поначалу проект Малхуза курировался полицейским управлением Мюнхена. Однако очень скоро он перешел в ведение гестапо. В середине декабря 1937 года стало известно, что к нему проявил частный интерес рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, который даже смог найти время, чтобы лично прибыть в Мюнхен.

Однако прежде чем состоялась встреча нового «алхимика» и рейхсфюрера СС, гестапо тщательно проверило биографические сведения Карла Малхуза. Таковых сведений оказалось не так уж много. Удалось установить, что Карл Малхуз родился в 1897 году в Видентале. На самом деле он не был инженером по образованию, что позже не раз было подтверждено гауптштурм фюрером СС Антоном Лойблом, который руководил работой экспериментальной станции в Дахау. Карлу Малхузу удалось найти себе достаточно состоятельную супругу. По крайней мере, некоторое время он жил исключительно на ее сбережения. Кроме этого непродолжительный период он работал в Англии, где пытался произвести «суперсталь». Уже в присутствии Гиммлера Малхуз заявил, что прибыть обратно в Германию ему помог Оскар Грайнер. Сбежать из Англии, так и не открыв англичанам секрета «суперстали», ему якобы удалось в самый последний момент. Едва ли стоит пояснять, что в 1937 году Третий рейх остро нуждался в новых технологиях, которые могли применяться в военной промышленности. Кроме этого Германия испытывала явный недостаток некоторых видов сырья, которые до начала войны оплачивались либо золотом, либо валютой. Отдельной проблемой были поставки марганца и вольфрама для сталелитейной промышленности рейха.

Малхуз без всяких стеснений предложил хозяйственному управлению СС сразу два «козыря»: золото и сталь. Позже к этому списку будут добавлены платина и нефть.

Есть предположение, что установить контакты с руководством СС решил не сам Малхуз — это было идеей советника Оскара Грайнера. Во всяком случае, в 1950 году Освальд Поль, который возглавлял в те годы административно-хозяйственное управление СС, заявил по поводу Карла Малхуза следующее: «Малхуз был один из множества изобретателей, которым удалось приблизиться к рейхсфюреру СС, разрекламировав свои мнимые изобретения. Каким способом Малхузу удалось попасть в поле зрения Гиммлера, мне не известно. Тогда я был главой административного управления СС, располагавшегося в Мюнхене. В один день я получил от Гиммлера приказ создать в учебному лагере Дахау для Малхуза лабораторию (точнее говоря, цех). Мне сообщили, что Малхуз планировал изготовлять из песка и гравия с берегов Изара золото. Я должен был оказывать Малхузу всяческую поддержку, удовлетворять все его пожелания, касающиеся оборудования лаборатории. Я выполнил этот приказ. Мне вспоминается, что Малхуз был весьма требовательным, а потому выполнить его желания (в условиях катастрофической нехватки денег) было делом нелегким. Мне ничего не

оставалось, как выслушивать его требования и продолжать финансирование лаборатории. Судя по всему, жалованье Малхузу выплачивалось из фондов персонального штаба рейхсфюрера СС в Берлине. Я не знаю, сколько точно оно составляло, но полагаю, что платили ему немалые деньги. Отмечу также, что Малхузу была предоставлена относительная свобода. Я не получил никаких указаний относительно того, должен ли я был наблюдать за ним, равно как и за ходом его экспериментов. Итогами работы Малхуза интересовался в первую очередь сам Генрих Гиммлер, который нередко прибывал по делам в Мюнхен. Однажды я сопровождал Гиммлера, когда тот посещал лабораторию Малхуза. Мне показалось, что рейхсфюрер СС в некоторой мере был околдован Малхузом. Он восторженно отзывался о его опытах, а с самим экспериментатором общался почти по-дружески. Я с самого начала считал Малхуза и его деятельность обманом. Однако Гиммлер пребывал в твердом убеждении, что Малхузу все-таки удастся получить золото».

Однако это заявление будут сделано только в 1950 году. А в декабре 1937 года Освальд Поль в мюнхенском отеле «Четыре времени года» информировал своего шефа Генриха Гиммлера о том, как протекали первые эксперименты Карла Малхуза. В то время Малхуз уже числился сотрудником персонального штаба рейхсфюрера СС. Если бы его опыты увенчались успехом, то ему была обещана профессорская кафедра, что было не только очень престижно, но и весьма доходно — немецкая профессура получала приличные зарплаты. Как уже говорилось выше, для осуществления опытов и экспериментов Малхуз получил в свое распоряжение лабораторию в учебном лагере СС Дахау (не путать с концентрационным лагерем Дахау). В то время там уже работала экспериментальная станция, возглавляемая гауптштурмфюрером СС Антоном Лойблом. Если Освальд Поль не мог контролировать и надзирать за деятельностью Карла Малхуза, то это вовсе не мешало ему отдать приказ, чтобы этим занимался лично Антон Лойбл. Освальда Поля очень интересовало, насколько было вообще реальным получить золото. Впрочем, в случае с Малхузом непосредственным куратором проекта являлся штурмбаннфюрер СС Бруно Гальке, который отвечал за все финансовые вопросы в персональном штабе рейхсфюрера СС. Когда закончилась Вторая мировая война, то Карл Малхуз утверждал, что был «принужден» трудиться на СС, а потому его пребывание в персональном штабе рейхсфюрера СС нельзя рассматривать как акт добровольного сотрудничества. Желая изобразить из себя жертву политических репрессий, он даже приводил в качестве аргумента последующий арест. Однако Малхуза арестовали отнюдь не по политическим мотивам, а из-за мошенничества. Когда ему не удалось получить золото, то он стал утверждать, что из песка Притльбаха можно было добыть платину, в окрестностях реки Ампер имелись залежи нефти («нефтяные поля»). Однако все это произойдет только в 1939 году. Тогда станет окончательно ясно, что Малхуз не был в состоянии получить золото, опыты будут свернуты. После этого неудачливый экспериментатор попытался продать секрет своей «суперстали» одному крупному германскому промышленнику. Тогда же он будет арестован агентами гестапо. Поначалу его шесть или семь недель держали в здании мюнхенского гестапо на Бринерштрассе. 27 декабря 1939 года Карла Малхуза, уже в качестве заключенного, перевели в лагерь Дахау, где он до февраля 1940 года работал в лаборатории минералогии. На этот раз за ним строго наблюдали люди Освальда Поля. Отчеты о результатах опытов и экспериментов регулярно ложились на стол главы административно-хозяйственного управления СС. Однако Малхуз оказался совершенно бесполезным, а потому его отпустили на свободу. Тот, выйдя из лагеря Дахау, сразу же занялся поиском новых инвесторов для воплощения в жизнь его «изобретения». Во всяком случае, Карл Блюм указывал, что встретил Малхуза во время одной из таких бесед близ Грюнвальда. После 1952 года о Карле Малхузе ничего не известно.

Если рассказывать об экспериментах Малхуза, то нельзя обойти стороной экспериментальную станцию Антона Лойбла. Она располагалась в учебном лагере СС, то есть по соседству с концентрационным лагерем Дахау. Именно там свои первые совместные

опыты стали проводить Карл Малхуз и Карл Блюм. Надо отдельно упомянуть, что к началу 1938 года Дахау, наряду с Заксенхаузеном и Бухенвальдом, был одним из трех крупнейших концентрационных лагерей Германии. Дахау был первым из концентрационных лагерей, перешедшим в исключительное ведение СС. Поначалу он был рассчитан на 5 тысяч арестантов. Однако уже в конце 1938 года там пребывало более 18 тысяч человек. Всего же в нем оказалось в разные годы около 225 тысяч человек, 148 тысяч из которых погибли или умерли. Лагерь Дахау состоял из двух больших комплексов. Сам концентрационный лагерь состоял из 34 бараков, площади для построения, хозяйственных сооружений и тюрьмы, в которой содержались «особые» заключенные, к числу которых относились наиболее видные противники национал-социалистического режима. Там оказался известный немецкий теолог и церковный деятель Мартин Нимеллёр, а также совершивший покушение на Гитлера Георг Эльзер и многие другие. Однако территория, на которой содержались арестанты, занимала не более 20 % от общей площади лагеря Дахау. Куца большую площадь занимали дома для охранного персонала лагеря, комендатура и специальный учебно-тренировочный лагерь, где в период с 1939 по 1940 год происходила подготовка частей ваффен-СС. Здесь располагались служебные помещения, которые являлись офисами эсэсовских предприятий и фирм. Собственно концентрационный лагерь был отделен от учебно-тренировочного лагеря СС глубоким котлованом, заграждениями из колючей проволоки, несколькими наблюдательными вышками и так называемой «полосой смерти».

К числу предприятий, которые осуществляли свою деятельность на территории Дахау, принадлежала фирма Антона Лойбла. Она в основном занималась разработкой двигателей для самолетов. Здесь же происходили экспериментальные запуски этих двигателей. Фирма Антона Лойбла наряду с издательством «Нордланд», фарфоровой фабрикой в Аллахе и фирмой «Бауэр» была так называемым «внешним предприятием». Все они подчинялись отделу экономической помощи, который был создан при персональном штабе рейхсфюрера СС. Главной задачей отдела экономической помощи являлась поддержка служащих СС, которые оказались в стесненных финансовых обстоятельствах. В 1936 году начальником этого отдела был назначен Бруно Гальке, который уже занимался ранее обустройством лагеря Дахау, подчиняясь административному управлению СС, базировавшемуся в Мюнхене. После этого он был переведен в персональный штаб рейхсфюрера СС, деятельность которого курировал адъютант Гиммлера обергруппенфюрер СС Карл Вольф. Тот наряду со всеми постами и должностями был еще и близким другом Бруно Гальке. Сам же Гальке смог сделать стремительную карьеру в СС. Так, например, в 1936 году он смог подняться по служебной лестнице от чина гауптштурмфюрера до оберштурмбаннфюрера СС. При этом он являлся коммерческим директором и соучредителем трех эсэсовских предприятий: издательства «Нордланд», фирмы «Бауэр» и предприятий Антона Лойбла. Вдобавок он был членом правления нескольких эсэсовских организаций: научно-исследовательского общества «Наследие предков», «Общества сохранения и охраны немецких культурных памятников», общества «Источник жизни» («Лебенсборн»).

По большому счету образование не позволяло Бруно Гальке эффективно руководить всеми этими организациями и предприятиями — он еще студентом бросил изучение экономики. По этой причине Гальке был вынужден полагаться на мнение специалистов, работавших в данных предприятиях. Издательство «Нордланд» в основном занималось публикацией работ, посвященных расовым проблемам и германской народности, в том числе по проблемам религии. Фарфоровая фабрика в Аллахе выпускала не только фигурки, которые должны были соответствовать национал-социалистическим представлениям о культуре и искусстве, но также ритуальные принадлежности, которые использовались во время эсэсовских обрядов. Фирма «Бауэр», названная так по имени друга Гиммлера фотографа и художника Франца Бауэра, бралась за изготовление плакатов и картин, посвященных партийной жизни НСДАП и государственным событиям Третьего рейха. Все эти

организации только на первый взгляд казались самостоятельными, на самом же деле они были полностью интегрированы в структуру СС. Контрольные функции были возложены Генрихом Гиммлером на Бруно Гальке. Условная самостоятельность сохранялась до тех пор, пока эти организации не сталкивались с проблемами. Если же их экономическое развитие оставляло желать лучшего, то тут же в дело включался Гальке, который готовил доклад на имя Гиммлера, а уже тот решал дальнейшую судьбу сотрудников этих предприятий.

В 1936 году Бруно Гальке мог смело именовать себя уполномоченным рейхсфюрера СС по экономическим вопросам. Однако решение финансовых проблем было не столь простым делом, как могло показаться. В последующие годы одна проблема не успевала сменить другую, они накапливались, вызывая недовольство Гиммлера. Гальке приходилось демонстрировать чудеса административной эквилибристики, чтобы хоть как-то заткнуть «финансовые дыры» в делах подопечных организаций. Несмотря на то что Гальке выдал своего другу Карлу Вольфу заем на 60 тысяч рейхсмарок, от руководства СС все-таки не могло скрыться, что Бруно Гальке недоставало опыта, который никак нельзя было заменить служебным усердием. По этой причине в 1939 году представителями административного управления СС была проведена тщательная ревизия всех дел, которые были поручены Бруно Гальке. Фактически за этой проверкой стоял обергруппенфюрер СС Освальд Поль. Итоги ревизии оказались настолько шокирующими, что отдел экономической помощи с подчиненными ему предприятиями был незамедлительно переведен в подчинение начальника административного управления СС. Отныне деятельность «внешних предприятий» СС курировалась отделом SIII (главный отдел по особым поручениям). Впрочем, Гальке решили не наказывать и поставили как раз во главе указанного отдела. Некоторое время спустя его вновь перевели на работу в персональный штаб рейхсфюрера СС.

Во всяком случае, в 1938 году в письмах, адресованных Антону Лойблу, Бруно Гальке все еще продолжал себя именовать уполномоченным рейхсфюрера СС. Бруно Гальке был не только начальником Антона Лойбла, но также должен был следить за всеми попытками произвести в Дахау искусственным путем золото. На фигуре Антона Лойбла надо остановиться отдельно, что позволит нам лучше понять некоторые из моментов. Квалифицированный слесарь и механик, занимавшийся ремонтом машин, позже ставший инструктором по вождению, Антон Лойбл был ветераном национал-социалистической партии, в которую он вступил в начале 20-х годов. Он был одним из активнейших участников «пивного путча» 1923 года, за что даже получил несколько месяцев тюрьмы. Это не самое благоприятное на первый взгляд обстоятельство позволило Антону Лойблу познакомиться почти со всей партийной верхушкой. Некоторое время он даже был личным водителем Гитлера, а затем руководителя «Гитлерюгенда» Бальдура фон Шираха. Однако большую часть времени Лойбл посвящал не политике, а своим техническим изобретениям — он любил мастерить с раннего детства. У него даже имелось несколько небольших изобретений: усовершенствованный карбюратор, контейнер для подъемных механизмов, рефлектор для педалей велосипеда. Генрих Гиммлер настоятельно рекомендовал внедрить все эти изобретения. Постоянные связи между СС и Антоном Лойблом сложились в 1936 году, когда была создана фирма «Толо», позже преобразованная в фирму Антона Лойбла. Целью этого предприятия было как раз внедрение изобретений Лойбла. Половину прибылей шла самому изобретателю, вторая половина переходила на счета эсэсовских организаций «Наследие предков» и «Источник жизни».

Оказавшись в составе СС, Антон Лойбл несколько лет посвятил совершенствованию конструкции изобретенного им вида карбюраторов. Для того чтобы вести работы более эффективно, он перенес свой экспериментальный цех из Берлина в эсэсовский комплекс Дахау. Так в учебнотренировочном лагере Дахау возникла экспериментальная станция Лойбла. Несмотря на то что благодаря повсеместному внедрению отражателей для

велосипедов, Лойбл заработал 310 тысяч рейхсмарок (весьма приличную сумму для 30-х годов), ему все равно приходилось брать кредиты, чтобы продолжать свои дорогостоящие опыты. Поскольку издержки фактически принадлежавшей СС фирмы Антона Лойбла превышали доходы, то Гальке весьма негативно относился к изобретателю и даже вынашивал планы по его отстранению от руководства предприятием. Так как Антон Лойбл в первую очередь был изобретателем, который не слишком хорошо ориентировался в тонкостях коммерческого права, то он допустил множество ошибок, а потому Бруно Гальке не составляло особых сложностей осуществить свой план. В 1938 году Антон Лойбл подписал такую форму договора, что фактически перестал получать любую прибыль от своих изобретений (в первую очередь велосипедных отражателей). Итогом этого стали не только финансовые потери, но и то, что экспериментальная станция Лойбла лишилась основы своей деятельности. В конце 1939 года Антон Лойбл по личному распоряжению Генриха Гиммлера был смещен с поста руководителя фирмы, а его экспериментальная станция в Дахау прекратила свою работу.

Если говорить об экспериментальной станции Антона Лойбла, то она осуществляла свою деятельность в период с мая 1937 года до конца 1939 года, то есть чуть больше двух лет. Кроме всего прочего именно на этой станции осуществлялись алхимические проекты Карла Малхуза. Поскольку Карл Малхуз являлся служащим персонального штаба рейхсфюрера СС, то заработную плату он получал не от Антона Лойбла, а со «специального счета R», который использовался для финансирования проектов, к которым проявлял повышенный интерес Генрих Гиммлер. Гальке обосновывал необходимость синтеза золота искусственным путем исходя из общей хозяйственно-политической ситуации: «Господин Блюм, Вы должны знать, что мы хотели бы использовать любые возможности, даже если вероятность их осуществления кажется и вовсе призрачной. Рейхсфюрер СС при любых обстоятельствах хотел бы осуществить программу крупномасштабных экспериментов. Вы должны понимать, что внешняя политика во многом зависит от того, имеется ли у Германии достаточное количество благородного металла или нет. Цель оправдывает средства, а потому мы должны прибегнуть к самым различным средствам. Ведь золото является мощнейшим политическим фактором». Впрочем, не стоит полагать, что Гиммлер заботился исключительно о политическом положении Германии. Не надо забывать о том, что в случае успеха фирма Антона Лойбла, а стало быть, и контролировавший ее рейхсфюрер СС должны были получать огромную экономическую прибыль. Несмотря на то что и Антон Лойбл, и Бруно Гальке являлись эсэсовскими офицерами, которым хотя бы по долгу службы надо было наблюдать за экспериментами Малхуза, они не утруждали себя этой работой. Дело было не в том, что они сомневались в возможностях Малхуза, а во вредности самых экспериментов. Впрочем, это не исключало некоторых подозрений относительно того, что Малхуз делал какие-то трюки, а потому со временем они сами могли бы заняться «проблемой золота». Как видим, Гиммлер прибег к своей излюбленной тактике, когда не обозначил четкие границы компетенции и полномочий. Кроме собственно Малхуза алхимические эксперименты курировались Антоном Лойблом, Бруно Гальке и даже Освальдом Полем.

Когда в 1938 году из проекта выбыл Карл Блюм, то Антон Лойбл направил его к группенфюреру Освальду Полю, чтобы специалист по драгоценным металлам объяснил, почему он крайне скептически относился к затее Карла Малхуза. В то время Полю нужны были аргументы против новоявленного алхимика. Поскольку Гиммлер придерживался тактики «разделяй и властвуй», Поль решил использовать свои козыри не сразу. Даже когда в 1939 году в лагере Дахау был ликвидирована экспериментальная станция Антона Лойбла, то попытки добыть золото продолжились. Эти опыты были продлены в Дахау, но уже на минералогической станции, которая как раз находилась в непосредственном подчинении административного управления СС, возглавляемого Полем. Если не считать фирм, которые в 1939 году перешли из ведения Бруно Гальке к Освальду Полю, то в подчинении

административного управления СС уже имелось несколько предприятий, которые базировались преимущественно в концентрационных лагерях. Минералогическая станция в Дахау, где продолжил свою деятельность Карл Малхуз, как раз была одним из таких предприятий.

Глава 16

ЭКСПЕРИМЕНТЫ В ДАХАУ

Эксперименты, которые в 1938–1939 годах проводились в лагере Дахау, представляются настолько интересными, что имеет смысл им посвятить отдельную главу. Выбор Дахау был отнюдь не случайным. Во-первых, там уже имелась экспериментальная станция Антона Лойбла. Во-вторых, залежи якобы золотоносного песка в Притльбахе находились вблизи Дахау — сыграл свою роль и географический фактор. Некоторая часть из описаний событий тех дней сохранилась в мемуарах Карла Блюма. 4 января 1938 года доктор Грайнер попросил Карла Блюма прибыть к нему в офис. По прибытии Блюм узнал, что должен был уже 17 января приступить к началу опытов в Дахау. Он был обязан оставить свою прошлую работу, так как переводился на службу в персональный штаб рейхсфюрера СС, где ему полагалось жалованье в 400 рейхсмарок. Поначалу Карл Блюм сомневался, но потом решил уступить искушению оказаться в обойме одного из влиятельнейших людей Третьего рейха. 10 января 1938 года Карла Блюма на автомобиле привезли в Дахау. Он был представлен Антону Лойблу. Глава экспериментальной станции сразу же заметил, что Блюм мог лично обращаться к нему со всеми просьбами.

После этого Карл Блюм был доставлен в машинное отделение, где уже стоял шаровой механизм, который Антон Лойбл и Карл Малхуз приобрели за 6 тысяч рейхсмарок у одного немецкого предприятия. Малхуз стал шептать Блюму на ухо, что тот должен был немедленно отдать какие-нибудь указания. Блюм набрался сил и заметил, что лаборатория была великолепной. Но тут же оговорился, что не являлся техником, а ювелиром, а потому эксплуатацией экспериментальных машин должен был заниматься специалист. На этом первый день пребывания в Дахау закончился.

На следующее утро Блюм вновь встретился с Карлом Малхузом. Они на пару направились с Мюнхен, чтобы закупить необходимые для проведения экспериментов химикаты. Блюму бросилось в глаза, что Малхуз приобретал реактивы буквально наобум, но при этом смог «насобирать» их на сумму в 700 рейхсмарок. Некоторое время спустя с Малхузом произошло несчастье. Он попал в аварию. Блюм и Малхуз встретились вновь только 22 января 1938 года. Малхуз сильно хромал, горбился и шел со скорбной физиономией. Впрочем, сам Блюм позволили заподозрить, что «алхимик» в аварии пострадал не так уж сильно. А показная хромота и сутулость были всего лишь приемом, при помощи которого Малхуз хотел заполучить пенсию у СС. На тот момент Карл Малхуз уже числился в персональном штабе рейхсфюрера СС, где получал на 50 рейхсмарок больше, чем Карл Блюм. После продолжительного рассказа об автомобильной аварии Карл Малхуз внезапно заявил, что для проведения своих экспериментов нуждался в золотой амальгаме. Столь резкий переход поразил Блюма. На вопрос: «Зачем потребовалась амальгама?» — Малхуз ответил, что для проведения сравнительных опытов. Блюм заявил, что два грамма золотой амальгамы содержались в шкафу для ядосодержащих препаратов на прошлой работе. Чтобы передать это вещество Малхузу, Карл Блюм позвонил доктору Грайнеру. Несмотря на то что тот являлся юристом, он все-таки был немного посвящен в суть химических процессов, а потому тоже выразил удивление, что для предстоящих экспериментов понадобилась именно амальгама. Однако Блюм был избавлен от необходимости отвечать на этот вопрос, ибо как служащий персонального штаба рейхсфюрера СС он находился под подпиской о неразглашении.

Антон Лойбл построил для возможной добычи золота прибор, именуемый секционной пачукой. Эта гидрометаллургическая установка имела ступень объемом в 6 кубических

метров, то есть могла считаться промышленным аппаратом. Поскольку Малхуз был занят другими работами, то в распоряжение Карла Блюма поступил один из заключенных лагеря Дахау. Антон Лойбл предупредил, что Блюм не должен был вести «лишние разговоры» с арестантом. К числу запретных тем относились разговоры на тему, почему этот человек оказался в концентрационном лагере. Так как на начало экспериментальных работ на станции не работали насосы, то заключенному постоянно приходилось носить воду из ближайшего ручья. В идеале для опытов требовалась дистиллированная вода, но на первых порах приходилось обходиться простой речной.

Работа Карла Блюма состояла в том, что он должен был размалывать в специальной шаровой мельнице песок до мельчайшего состояния, после чего с песчаной пылью проводились дальнейшие манипуляции с применением кокосовых горелок и цианидов. Применялись всевозможные методы, так как Генрих Гиммлер настаивал на скорейшем начале крупномасштабных экспериментов. Все наблюдения и выводы Карл Блюм заносил в свой служебный дневник. Обычно он не оставлял его на работе, но забирал домой в Мюнхен. С этим дневником была связана одна очень странная история. Сам Блюм ее описывал следующим образом. Поскольку близ шаровой мельницы стоял жуткий шум, то разговаривать не получалось — человек едва ли мог разобрать даже собственные слова. Время от времени мельница останавливалась. В это время Блюм либо говорил, либо брал пробы песчаной пыли, чтобы изучить ее под микроскопом. В один из таких моментов Блюм заметил, что находившийся вне лаборатории арестант, помогавший ему, о чем-то беседует с Антоном Лойблом. Ювелиру бросилось в глаза, что пленник фактически не испытывал никакого страха перед офицером СС, а потому говорил с ним весьма непринужденно. На это можно было не обращать внимания, если бы арестант во время отсутствия Блюма не стал судорожно читать его записи. Сам Блюм находился в соседней комнате и видел это через полуоткрытую дверь. Поскольку в соседней комнате, где находилась коксовальная печь, было достаточно темно, то «странный арестант» не заметил затаившего дыхание Блюма. После этого Блюм стал более внимательно наблюдать за своим «помощником». В глаза бросалось, что он был явно крепче сложен, нежели другие арестанты. Кроме этого он не был истощен.

На следующий день Блюм заметил в проезжавшем мимо автомобиле указанного «заключенного», который был на этот раз облачен в форму эсэсовского офицера. Стало понятно, что он находился под усиленным контролем, так как ему не доверяли. В тот же самый день Лойбл сообщил Блюму, что получил от Гиммлера приказ без суда и следствия казнить всех, кто саботирует или мешает «золотому проекту». Блюму только оставалось гадать, подразумевался ли он сам или кто-то другой. Во всяком случае, когда он справился о судьбе внезапно пропавшего «заключенного», то ему ответили, что тот был расстрелян «за саботаж».

Во время одной из совместных поездок Блюма и Малхуза произошел в высшей мере любопытный случай. Блюм предполагал, что опыты Малхуза должны были закончиться полным провалом со дня на день. Впрочем, сам Малхуз не проявлял никаких признаков тревоги. Он приосанился, обзавелся хорошей одеждой и дорогим кожаным портфелем. С Антоном Лойблом он регулярно обсуждал проблему строительства загородных домов, оснащенных по последнему слову техники: с центральным отоплением, большим холодильником, ванной комнатой, зимним садом и застекленной верандой. Дело оставалось за немногим — все-таки начать массовое производство золота. По мере того как тянулись дни и месяцы, Малхуз стал придерживаться мнения, что «виной» всему был Карл Блюм, который «мешал» золотому проекту. Итак, во время одной совместных поездок из Мюнхена в Дахау Малхуз отдал приказ шоферу свернуть к «залежам нефти». Блюм немало изумился, так как, по его сведениям, ближайший нефтяной источник располагался в Тегернзее. Последовавший ответ поверг Блюма в шок. Малхуз презрительно парировал: «Вам хотя б изредка стоило открывать глаза. У нас под боком есть не просто залежи нефти, а залежи

керосина!» Понимая нелепость этой фразы, Карл Блюм решил не вступать в дискуссии. Он лишь напомнил, что в Средние века в местных краях повесили алхимика. «Одна вещь — залежи нефти, и совсем иное дело — якобы имеющееся месторождение керосина!»

Путь привел обоих к кромке одного из баварских болот. Болото намеревались осушить, а потому из него шло три трубы. Одна из них собирала воду в специальной яме. На поверхности воды плавала тонкая цветная пленка. Именно оную Малхуз и посчитал признаком наличия нефти в данной местности. Блюм зачерпнул воду с пленкой и понюхал. «Обыкновенная гнилая болотная вода». «Нет, эта вода пахнет керосином», — заметил Малхуз. «Нет, герр Малхуз, это обыкновенная болотная жижа, которая столь же далека от керосина, как плавающие в ней головастики — от кита». Оскорбленный до глубины души Малхуз что-то ворчал про то, что все будет доказано химической экспертизой, и о том, что имперское правительство было уже уведомлено. Карл Блюм, как человек вполне здравомыслящий, сразу же отказался принимать участие в этой афере. «Обыкновенная нефть имеет черный или черно-зеленый цвет. А здесь пленка обладает радужным оттенком. Смотрите, Малхуз, как бы вас не утопили бы в этом самом же болоте».

Поскольку долгожданное золото так и не появлялось на свет, то Карлу Малхузу мерещились новые недруги. Он стал подозревать, что его исключительный проект саботировал сам Антон Лойбл. В обращении к Карлу Блюму Малхуз не раз говорил о том, что Лойбл проявлял слишком много своеволия, а потому его приходилось «постоянно спасать». Блюм был немало изумлен, так как знал, что Малхуз хотя и именовал себя «инженером», но на деле не разбирался ни в механизмах, ни в чертежах. В своих воспоминаниях Карл Блюм написал: «Однажды я наблюдал в лаборатории за Малхузом, который растерянно вышагивал перед большой чертежной доской, изучая конструкцию используемых нами форсунок. Сам я не был техником, но вызывающая сочувствие инженерная беспомощность „герра инженера" была почти очевидна». В его способностях стали сомневаться и Антон Лойбл, и адвокат Грайнер.

Между тем подозрения относительно того, что Карл Малхуз был мошенником, стали закрадываться не только в голову Блюма, Лойбла и Грайнера. Им заинтересовалась уголовная полиция Мюнхена, в которой дал согласие сотрудничать Карл Блюм. Многим бросалось в глаза, что сам Малхуз не проводил никаких экспериментов, не участвовал ни в каких работах. Он всего лишь раздавал поручения своим подчиненным. Чтобы избежать разоблачения, он предпринял новый «проект». В какой-то момент взволнованный Малхуз позвонил Блюму и сообщил, что, судя по всему, обнаружил залежи платины. «Оказывается», песок близ Дахау был не только золотоносным, но и платиносодержащим. Блюму предстояло срочно собраться и прибыть в Дахау. Во время поездки Карл Блюм не решался поверить, что Малхуз решится на столь откровенное мошенничество. В голове он перебирал итоги многих экспериментов. Он даже вспомнил, что видел под микроскопом небольшие частички серебристого цвета, однако поскольку все были заняты поиском золота, то анализы на платину не проводились. По прибытии в Дахау Блюм обнаружил, что у самого мощного микроскопа уже столпились Малхуз, Антон Лойбл и его брат Франц. Они разглядывали коричневатый песок, в котором виднелись серебристые вкрапления — платина Дахау! После того как к окуляру прильнул Блюм, то он обнаружил, что это был иной песок, нежели тот, с которым ранее проводились эксперименты. В нем действительно имелось огромное количество небольших металлических частиц. Впрочем, Блюм сразу же остудил пыл «первооткрывателя», заявив, что железо под микроскопом может блестеть так же, как платина. «Но железо давно бы заржавело!» — возмущенно парировал Малхуз. На это Блюм заявил, что это могло быть не природное железо, а частицы от стальных деталей шаровой мельницы, в которой измельчался кварцевый песок. Спору был положен конец предложением провести экспертизу обнаруженных частиц. Осуществить ее было более чем просто. Блюм попросил у Лойбл мощный магнит, после чего поднес к пробе, находившейся под

микроскопом. Все блестящие частицы тут же были притянуты магнитом, исчезнув из поля видимости в окуляре. «Платина не намагничивается».

Однако Малхуз отказывался верить этому простейшему, но весьма показательному эксперименту. После этого Блюму пришлось провести проверку при помощи реактивов. Он растворил песок в серной кислоте, а затем добавил к полученной массе ферроцианид калия. Масса приобрела темно-синий оттенок. Все, кроме Малхуза, более не верили в чудесное обретение платины. Однако «герр инженер» не мог согласиться с экспериментами и проверками, а потому на следующий день к залежам то ли золотоносного, то ли платиносодержащего песка направились два грузовика. Малхуз сопровождал их на легковом автомобиле с неизменным кожаным портфелем в руках. Грузовики, нагруженные мешками с песком, через несколько часов двинулись обратно в Дахау.

Тем временем в Мюнхен прибыл штурмбаннфюрер СС Бруно Гальке. Дело в том, что Карл Малхуз поспешил уведомить Берлин о том, что обнаружил платину, чем вызвал в имперской столице немалый переполох. Во время разговора с Гальке Карл Блюм поделился своими сомнениями относительно того, что была обнаружена именно платина. Уполномоченный рейхсфюрера СС был поражен до глубины души, но все равно рекомендовал провести еще одну экспертизу собранного песка. Блюму пришлось еще раз провести эксперимент с магнитом. На этот раз он был продемонстрирован Бруно Гальке. После некоторого раздумья он произнес: «Господин Малхуз, вы полагаете, что это — платина?» «Конечно», — незамедлительно последовал ответ. Затем последовали новые эксперименты, которые еще раз доказали, что за благородный металл принималось обыкновенное железо. Принимая во внимание тот факт, что «чудо-сталь» Малхуза оказалась совершенно бесполезной, «герра инженера» стали подозревать в банальном мошенничестве. Но это не означало, что попытки получения золота были прекращены.

Некоторое время эксперименты с песком проводились без участия Малхуза. В этом случае их результат был постоянно одним и тем же — в тигле не появлялось даже намека на золото. Ситуация изменилась, когда в экспериментах стал принимать личное участие сам «герр инженер». Блюм, опасаясь, что тот фальсифицирует результаты опытов, настаивал на том, чтобы Малхуз лишь давал указания, но сам не приближался ни к аппаратуре, ни к тиглю. После некоторых раздумий Малхуз согласился на это. Однако когда эксперимент был в разгаре, он отдал в высшей мере странное распоряжение — сжечь в тигле оберточную бумагу, которая лежала на полу лаборатории. Блюм вначале не мог понять, зачем это было необходимо сделать. Малхуз же утверждал, что это требовалось для получения золы, которая якобы должна была притягивать к себе золото. Позже Блюм понял, что Малхуз предварительно вымочил бумагу в растворе соли, полученной из золота, а потому использование бумаги было своего рода трюком, позволявшим дефакто подбросить золото в тигель.

После этого Блюм стал настаивать на том, чтобы Малхуз не принимал личного участия в экспериментах. Фактически это должно было повторять практику «тюремных опытов», которые должны были в свое время проделывать Унрух и Таузенд. Однако почти сразу после этого произошел показательный инцидент. Обычно Карла Блюма из Мюнхена забирал автомобиль, который доставлял его в Дахау. На один из дней было назначено проведение отчетно-показательных опытов. И именно в этот день за Блюмом не прибыла машина. Тому пришлось добираться до Дахау на пригородном поезде. По этой причине он оказался в лаборатории около полудня. Малхуз утверждал, что автомобиль почти полчаса ожидал Блюма у его дома, но тот «так и не вышел». Поэтому Малхуз начал эксперименты без участия Блюма. Самому Блюму было предельно ясно, что вся история с автомобилем была нужна Малхузу только для того, чтобы начать опыты в отсутствие Блюма и подкинуть в тигель небольшие частицы золота. Как и стоило предполагать, Карлу Малхузу удалось «получить» золото. Видя, что применяются откровенно мошеннические приемы, Карл Блюм изъявил

желание раз и навсегда выбыть из проекта. Некоторое время Блюму пришлось давать объяснения Антону Лойблу и Освальду Полю.

В феврале 1938 года Карл Блюм покинул экспериментальную станцию в Дахау. Он полагал, что на этом история была закончена. Но Блюм заблуждался. В марте 1938 года дома у Карла Блюма раздался телефонный звонок. С ювелиром хотел поговорить Антон Лойбл. Выяснилось, что место Блюма на экспериментальной станции занял некий профессор химии Б. из Кёльна. В этом не было ничего удивительного и экстраординарного, если не считать того, что он фактически подтвердил, что можно было добывать золото по методу Карла Малхуза. Подобного рода заявления могли иметь весьма нежелательные последствия для Карла Блюма. Поскольку «золотой проект» курировался лично Генрихом Гиммлером, то в руководстве СС могло счесть, что Блюм в свое время «саботировал» и «мешал» проекту. Сам же Блюм первым делом осведомился, присутствовал ли во время этих экспериментов в лаборатории Карл Малхуз. Антон Лойбл дал утвердительный ответ. Блюм рекомендовал профессору Б. провести аналогичный эксперимент в Кёльне, но без участия Малхуза. На самом деле от исхода этого эксперимента зависела судьба Блюма. На его счастье, профессор Б. в Кёльне не смог обнаружить ни малейших признаков золота, а это означало, что Малхуз был мошенником.

Однако до начала 1939 года руководство СС продолжало надеяться, что Карл Малхуз все-таки мог получить золото. Лишь в январе 1939 года Антон Лойбл вновь обратился к Блюму с просьбой разоблачить возможное мошенничество Малхуза. Для этого надлежало провести в Дахау еще один эксперимент, который был бы тщательно запротоколирован. Когда Блюм прибыл в Дахау, то Лойбл открыл ему один секрет. Оказывается, во время своих «успешных» экспериментов Малхуз использовал некий черный порошок, использование которого должно было храниться в тайне. Блюм сразу же понял, что порошок был отнюдь не «эликсиром эликсиров», а всего лишь одной из производных золота. Присутствовавшим офицерам СС Карл Блюм заявил, что в некоторых химических соединениях золото может вовсе не напоминать металл. Оно может быть черного цвета и не иметь характерного металлического блеска. В качестве доказательства этого тезиса он провел несколько показательных экспериментов. Затем Блюм показал, как при помощи золотосодержащих материалов можно было фальсифицировать итоги опытов.

Дальнейшие события представляются не очень ясными. Во всяком случае, можно предположить, что Малхуза хотя и удалили из проекта, но решили не арестовывать как мошенника. Арест Карла Малхуза произошел лишь осенью 1939 года. 30 сентября 1939 года частный детектив Гуго Эш обратился за сведениями к Карлу Блюму. Детектив просил дать характеристику «некоему инженеру Карлу Малхузу». Блюм пояснил, что подобного рода сведения могут являться государственной тайной, а потому рекомендовал обратиться в уголовную полицию. Когда детектив покинул дом Блюма, тот связался с руководством полиции Мюнхена, сообщив, что, судя по всему, мошенник Карл Малхуз ищет новые жертвы для своих «экспериментов». Позже выяснилось, что детектив Эш представлял интересы одного немецкого промышленника, которому Малхуз пообещал продать секрет «твердой как алмаз стали». Только после этого Малхуз был арестован. Остается только гадать, был ли арест вызван разглашением государственной тайны, или все-таки обвинением в мошенничестве. В любом случае в 1939 году Карл Малхуз вновь оказался в Дахау, но на этот раз в качестве арестанта.

После войны Малхуз утверждал, что был арестован исключительно по политическим соображениям. Более того, по личному распоряжению Освальда Поля с ним обращались особо жестоко. Малхуз утверждал также, что СС украли его открытие. Причиной, почему ему так и не удалось синтезировать золото, Малхуз называл опасение, что его лишат средств к существованию, когда выведают вес секреты. Во время суда над Освальдом Полем он показал следующее: «Я не смог справиться с моими проектно-конструкторскими работами в

установленные сроки. Лишь к середине августа 1939 года я был готов продемонстрировать мое изобретение. Для этих целей я был направлен в Берлин. На протяжении всего пути у меня проверяли документы. Причины этих проверок, которые, скорее всего, осуществлялись служащими гестапо, мне не назывались. В Берлине я прибыл к Гиммлеру, с которым беседовал приблизительно в течение 10 минут. Во время беседы я попросил четыре недели отдыха, которые планировал использовать для консультаций с моим адвокатом. При разговоре присутствовал Освальд Поль. После этого я вновь направился в Мюнхен. Во время обратной дороги я простудился, а потому был вынужден несколько дней провести в кровати. Среди ночи мне позвонили в дверь. Ее открыла моя жена — на пороге стояли четыре агента гестапо. Они заявили, что я арестован, и вытащили меня из кровати… Мне сообщили, что я могу не одеваться, так как получу другую одежду. На легковом автомобиле меня сначала отвезли во дворец Витгельсбахов. Допрос начался не сразу же. Меня разметили в одной из камер для арестантов, которые имелись во дворце. Там я провел шесть или семь недель. Меня не допрашивали, а только сфотографировали и провели медицинский осмотр. На вопрос, почему меня арестовали, служащий по фамилии Шлеммер, заявил, что это произошло из-за возможных политических волнений. Более мне не сообщали ничего.

После окончания следствия меня перевели в лагерь Дахау. Я стал заключенным, хотя меня ни разу не допрашивали. Меня разместили в арестантских бараках. Две недели я провел в одиночной камере, из окна которой мне было видно только небо. После двух недель меня одели как арестанта, но все-таки выдали личные вещи: кольца и т. д. После этого я вновь оказался в камере, где пребывал до момента моего освобождения, которое произошло 23 марта 1940 года. Я могу привести множество доказательств того, что я оказался в Дахау по личному распоряжению Поля. Во время моего пребывания в концентрационном лагере Дахау об этом мне сообщил надсмотрщик, хауптшарфюрер СС Зойсс, который приставил ко мне обершарфюреров СС Карла Миндерлайна и Антона Келльнера. Они не должны были со мной разговаривать, равно как не позволяли мне беседовать с другими арестантами. В этой части моих показаний я хотел бы отметить, что находился не в подвале барака, а в отдельной камере. Надзиратель Зойсс (имени его я не знаю — только фамилию) постоянно меня избивал. По моему мнению, эти истязания производились по указанию Поля. Я также убежден в том, что именно по распоряжению Поля меня поместили в одиночную камеру, а не в барак с другими арестантами. Кроме этого в качестве доказательства того, что я был направлен в Дахау по личному распоряжению Поля, я могу привести подписанное им письмо.

Из собранного мною материала можно установить, что рейхсфюрер СС санкционировал меры, предпринятые Полем, только лишь 28 июня 1940 года. Если потребуется, то я готов передать эти документы господину прокурору. Я могу предоставить все имеющиеся в моем распоряжении документы: тайные письма, распоряжения и т. д. Однако изготовление копий этих документов может занять очень много времени. Кроме этого мне не хотелось бы лишаться оригиналов документов. Я также могу пригласить в качестве свидетеля по этому делу моего домашнего врача, доктора Штурма. Для дачи показаний я готов освободить его от сохранения в тайне профессиональных сведений, касающихся лично меня.

Через несколько дней после того как я оказался в концентрационном лагере, были продолжены эксперименты в учебно-тренировочном лагере Дахау. Из камеры до лаборатории меня сопровождали двое служащих СС. Один шел спереди, другой — сзади. В лаборатории я непрерывно находился под надзором одного из эсэсовцев. Среди конвоиров нередко находился брат надзирателя Зойсса. Он был приблизительно 165 сантиметров роста, со светлыми волосами. Более подробно я описать его не могу, но могу при необходимости его опознать.

Один из моих конвоиров как-то со всей силы ударил меня рукояткой пистолета по затылку. Я не могу сказать, кто это был… По пути из лаборатории мне приходилось идти по тонкому льду. Я был обут в плохенькие ботинки, а потому рисковал поскользнуться. По этой

причине мне приходилось идти небольшими шажками. В это время ко мне подошел один из эсэсовцев и ударил пистолетом по голове. Я упал и потерял сознание. Когда я через несколько часов пришел в себя, то обнаружил, что я вновь лежал в своей камере. У меня было выбито три зуба, а еще один зуб качался. Я не знаю, выбит я зубы при падении, или мне их выбили служащие СС, когда я был без сознания. После этого инцидента меня конвоировали другие эсэсовцы, в том числе обершарфюрер СС Миндерлайн из Вайссенбурга. Он всегда шел сбоку от меня, а не спереди и не сзади. На пути у лаборатории он позволял себе только легкие толчки локтем. Он раньше мне говорил, что за мной наблюдали. Миндерлайн также сообщил, что это был Поль».

Сведения, изложенные Карлом Малхузом, отчасти были подтверждены бывшими служащими СС Антоном Келльнером и Миндерлайном, которых допрашивали 7 января 1950 года и 29 ноября 1949 года соответственно. Миндерлайн сообщил о пребывании Малхуза в Дахау и его работе на экспериментальной станции Антона Лойбла следующее: «У нас был арестант, которому я пытался помочь. Например, я передавал его письма, адресованные супруге в Мюнхен. Он предупредил меня, что я должен был быть предельно острожным, так как за домом могло наблюдать гестапо. Во время своего пребывания в лагере Малхуз был известен всему караульному персоналу, так как он был арестован по распоряжению группенфюрера СС Поля. Мы узнали это из бумаг, в которых говорилось о его аресте… Малхуз должен был дальше трудиться над своим изобретением. Нам же было поручено нести его строжайшую охрану. На практике это означало, что он мог появиться даже во дворе без сопровождения. Кроме этого он не имел права беседовать даже с конвоирами. Нам было запрещено обмениваться с ним даже парой фраз. Нам было известно, что некоторые из конвоиров с ним обращались очень жестоко. Мне хотелось бы отметить, что особой жестокостью славились братья Зойссы. Когда мне было поручено его охранять, то мое внимание обратили на то, чтобы я строго-настрого следовал инструкциям. Об этом мне сообщил лично комендант лагеря. Я узнал от своих товарищей, что Зойсс избил Малхуза. Когда я начал конвоировать его, то такого более не происходило… Я узнал, что Малхуз сделал изобретение, но хотел сохранить его в тайне. Когда я видел Малхуза до его ареста, то он был плотным и сильным мужчиной. Однако, став арестантом, он превратился в кожу и кости. Нам казалось, что, прибегая к жестокостям, у него хотели выведать тайну изобретения. Поль лично приезжал несколько раз, чтобы увидеть, как выглядит Малхуз». Кроме этого Миндерлайн предположил, что Малхуза выпустили на свободу только для того, чтобы выведать тайну его научного открытия.

Впрочем, Освальд Поль в своих показаниях рисовал несколько иную картину. Он заявил следующее: «Весной 1939 года административное управление СС было перенесено в Берлин, а потому мне тоже пришлось перебраться в имперскую столицу. К этому моменту Малхуз так и не закончил свои проектные работы. Во всяком случае, мне не было известно, что этой дате он все-таки смог получить золото. Я не думаю, что в это время встречался с ним. Мне хотелось бы подчеркнуть, что не помню, будто бы в середине августа 1939 года присутствовал при беседе Гиммлера и Малхуза. О дальнейшей судьбе Малхуза мне также ничего не известно. Только сейчас я впервые узнал, что он был арестантом лагеря Дахау. Я не считаю нереальным, что приказ о его аресте мог отдать Гиммлер, так как рейхсфюрер был крайне раздражен тем, что Малхуз после многолетних трудов так и не смог добиться результата. Лично я не имею к аресту Малхуза никакого отношения. Мне совершенно непонятно, как можно утверждать, что этот арест произошел по моей инициативе. Упоминавшееся Малхузом письмо с моей подписью, которое якобы имеется в его распоряжении, наверняка является фальшивкой. Малхуз также лжет, по будто бы я наблюдал за ним в камере».

Нельзя не отметить, что в деле Малхуза не сходятся некоторые даты. Вначале выдвигалась версия о том, что он пребывал в концентрационном лагере Дахау в период с 16

декабря 1939 года по 23 марта 1940 года. Однако нельзя не заметить, что в период с 27 сентября 1939 года по 18 февраля 1940 года Дахау были исключительно учебно-тренировочным лагерем для частей ваффен-СС. Вполне можно было бы принять версию, что Малхуз был единственным арестантом Дахау (что указывало бы на его особый статус), если тот же самый Малхуз не говорил о других заключенных, которых просто-напросто в указанное время не было в Дахау — они были переброшены в другие концентрационные лагеря. Не сходятся также даты пребывания в тюрьме мюнхенского гестапо. Малхуз говорил об аресте в первых числах сентября, в то время как Карл Блюм сообщал в мемуарах, что только 30 сентября 1939 года с ним связался детектив Эш, а стало быть, арест должен был произойти хотя бы несколькими днями позже. Кроме этого Малхуз говорил о том, что провел в тюрьме 6 или 7 недель, но если сравнить дату его ареста и дату транспортировки в лагерь, то получится, что срок пребывания в тюрьме должен был составить около 12 недель!

Если говорить о послевоенной судьбе Карла Малхуза, то он не оставил своего излюбленного занятия, он вновь решил проявить себе в качестве «алхимика». В 1952 году журнал «Ревю» сообщал: «Бывший заключенный лагеря Дахау разрабатывает новый процесс добычи металлов из обыкновенного песка… Накануне войны изобретатель был принудительно привлечен к исследовательским работам в лагере Дахау, где позже провел несколько месяцев в качестве арестанта, так как не соглашался выдать тайну своего открытия. Согласно его заявлению, он может извлечь из тонны обычного песка 27 граммов золота, 700 граммов чистого серебра, 10 килограммов меди и 10 килограммов титана. Для своих экспериментов он планирует использовать песок из окрестностей Дахау, который Баварским горным управлением признан бесполезным с минералогической точки зрения. Изобретатель убежден, что при помощи его процесса можно добывать многие неблагородные металлы». В журнале также имелось две фотографии. На одной был изображен склонившийся над тиглем Карл Малхуз, на второй — представитель индийских властей. Под вторым фото значилась подпись: «Доверчивый сэр Бирен Рой, бургомистр Калькутты, держит в руках золото, полученное из песка. Он хочет импортировать новую технологию в Индию».

Вместо послесловия

«НАСЛЕДИЕ ПРЕДКОВ» В ПОИСКАХ ЗОЛОТА

После того как попытки производства золота в Дахау закончились полной неудачей, Генрих Гиммлер решил не отказываться от своих грандиозных планов. В 1939 году в Третьем рейхе было всего шесть предприятий, занимавшихся добычей золота. Одно из них находилось близ Зальцбурга, два — в Каринтии около Рейхенштайна, а три — на территории Силезии. Однако Гиммлер хотел непременно иметь собственное эсэсовское предприятие. Решение этой задачи он поручил «Наследию предков». Эта организация была создана еще в 1935 году для того, чтобы трактовать в национал-социалистическом духе германское прошлое. Поначалу «Наследие предков» было простой исследовательской организацией, которая занималась изучением древней и ранней истории. Однако с началом Второй мировой войны перед «Аненэрбе» были поставлены задачи укрепления обороноспособности рейха.

Поисками золота должен был заниматься профессор Йозеф Виммер, руководитель отдела прикладной геологии. Одновременно с этим он занимался в СС разработкой методики поиска воды под землей. Эти работы привлекли внимание Гиммлера, который в 1942 году решил, что тот при помощи лозы должен отыскать взрывчатку, заложенную в краковской синагоге. До 1942 года Виммер сотрудничал главным образом с Баварским министерством по делам культов. Рейхсфюрер приложил все усилия, чтобы использовать эту неординарную личность в собственных интересах. Когда Гиммлер принял решение создать эсэсовскую бригаду лозоискателей, он думал не о воде, а о золоте. Члены этой бригады после учебы и проверки способностей должны были исследовать недра. Пока проводились поиски золота в речушках Баварии, Виммер готовил на территории сада лечебных трав в Дахау лозоискателей, набранных из состава ваффен-СС. Первый учебный курс был закончен 13

октября 1942 года. Надо полагать, что выпускники произвели должное впечатление, так как посетивший Дахау куратор «Наследие предков» Вальтер Вюст высказался за то, чтобы продолжить дальнейшее обучение. Это высказывание интересно уже тем, что профессор Вюст в целом не одобрял подобных «ненаучных вещей». В декабре 1942 года было решено — каждая военно-геологическая группа СС должна иметь в своем составе лозоискателя. В дивизию ваффен-СС, которая находилась в Белграде, сразу же были высланы трое из выпускников. В марте 1943 года в Дахау были организованы двойные курсы: на одних готовили собственно лозоискателей, на вторых инструкторов по обучению лозоискательству. Удовлетворенный результатами Гиммлер решил обратиться к Виммеру с одной из своих многочисленных идей.

Еще 14 апреля 1942 года Генрих Гиммлер уведомил организационного руководителя «Наследия предков» Вольфрама Зиверса о том, что Гитлер поручил руководству СС «особое задание». Гиммлер сообщал в своем письме: «В не так давно состоявшейся беседе фюрер вновь указал на то, что мы должны обладать в Германии значительным золотым запасом. В свое время золото можно было обнаружить в реках Инн и Рейн. От себя я добавлю, что золото может иметься в баварской реке Изар. Надо срочно провести точное исследование, чтобы подтвердить слова фюрера. Вновь и вновь всплывают сведения о том, что в песках швабско-баварского плоскогорья может иметься золото».

Изначально Вольфрам Зиверс как организационный руководитель «Аненэрбе» предполагал привлечь к данному исследованию специалиста по геофизике Карла Винерта. В свое время Карл Винерт был участником тибетской экспедиции Эрнста Шеффера, которая в 1938–1939 годах осуществлялась под покровительством рейхсфюрера СС. Именно Винерт должен был заняться поисками золота в Изаре. Однако эта идея ему показалась авантюрной, а потому он стал выполнять поручение без особого энтузиазма. Будучи геологом по образованию, Карл Винерт прекрасно понимал, что намывание золота в реках было не особо перспективным проектом. Еще в XVIII веке в Изаре можно было найти достаточное количество золота. В период с 1749 по 1756 год в баварских реках ежегодно обнаруживали от 500 до 2 тысяч золотых самородков. Однако рыбаки никогда не воспринимали поиск золота как основную деятельность. По приблизительным оценкам, до XIX века в Изаре и его притоках было найдено всего не более полуцентнера золота. В итоге сама эта деятельность становилась невыгодной. Впрочем, это не мешало реанимации данных проектов в 30-е годы XX века.

В 1934 году предприятие «Дойче Ваграм» пыталось начать добычу золота из песков Дуная. Одновременно с этим чешская фирма «Золото» («Аигеа») арендовала 30 квадратных километров дунайских песчаных отмелей, где планировалось найти драгоценный металл. В 1936 году это предприятие намеревалось добывать приблизительно по килограмму золота в день. Его стратегической целью была добыча 250 килограммов золота в год. Однако этим грандиозным планам было не суждено сбыться. Запасы золота были настолько малы, что в день удавалось намывать не более грамма драгоценного металла. Между тем в Третьем рейхе имперский министр и шеф имперской канцелярии Ламмерс дал старт программе поиска золота в Изаре. Однако большинство компетентных геологов в 1935 году дали отрицательное заключение по этому проекту, а потому его пришлось свернуть.

Что касается запасов золота в Рейне, то Гитлер был во власти мифов. Несмотря на то что симпатизировавший национал-социалистам профессор Эрнст Шульце в своей книге «Золото» заявил, что в Рейне на участке от Базеля до Майнца крылось золота на 140 миллионов рейхсмарок, эта информация никак не подтверждалась. Любые попытки начать добычу золота в Рейне заканчивались неизбежной неудачей. Этот проект был закрыт в 1937 году. Его безрезультатно возобновили лишь в 1941 году. Близ местечка Раштатт был выкопан канал длиной в 1200 метров. Основной целью этого предприятия была добыча гравия, но

параллельно с этим изучались возможности золотодобычи. Однако добыть удалось всего лишь 300 граммов золота.

Итак, в 1942 году Гитлер решил подключить к поиску новых месторождений золота Генриха Гиммлера. Первые соображения, которые были представлены Карлом Винеротом, едва ли могли обнадежить рейхсфюрера СС. Геолог сообщал, что если добывать золото в песках рек Верхней Баварии, то выход получался 0,5–0,75 грамма драгоценного металла с тонны породы. Подобное соотношение делало добычу золота в этих краях экономически нерентабельной. Кроме этого сами работы по изучению рек продвигались крайне медленно. К ноябрю 1943 года Карл Винерт смог изучить лишь два километра течения Изара. Полученные сведения подтверждали его выводы — пески в этой реке имели весьма низкое содержание золота. Именно в этих условиях Гиммлер решил привлечь к «золотому проекту» Йозефа Виммера.

Если не считать практики поиска воды, то Йозеф Виммер был известен как удачливый кладоискатель. Известно, что в конце 1942 года он выполнял задание Гиммлера на территории Украины, занимаясь поисками близ Житомира. После возвращения в Германию он поучил приказ заняться поисками сказочных сокровищ, которые якобы были спрятаны во время Швабской войны 1499 года. Считалось, что этот клад насчитывал десятки тысяч золотых гульденов. Согласно легенде эти сокровища были спрятаны в окрестностях горы Гогенхёвен. Почти целый год Виммер изучал эту гору и ее окрестности, но так и не смог обнаружить легендарный клад. В борьбе за обладание золотом Гиммлеру не помогли ни секреты средневековых алхимиков, ни методы биолокации, применявшиеся лозоискателями, ни надежды на новые технические открытия.

Приложение

Макс Речлаг

АЛХИМИЯ И ЕЕ ВЕЛИЧАЙШЕЕ ТВОРЕНИЕ, ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ, 1934 ГОД

(ОТРЫВКИ)

Комментарий Андрея Васильченко. В 1921 году в Лейпцигском издательстве Рихарда Хуммеля была опубликована небольшая брошюра, которая назвалось «Золото алхимиков». Ее автором был Макс Речлаг. Именно эта небольшая работа была положена в основу книги, которая увидела свет в Германии в 1934 году. За прошедшие с 1921 года 12 лет Макс Речлаг в значительной мере переработал имевшийся у него материал, дополнил его, выдвинул новые гипотезы. Основу книги Макса Речлага занимали разнообразные трактовки «философского камня», который автор считал самой сутью алхимии. Приведенные из его книги отрывки помогут понять специфику немецкого восприятия алхимических проблем в первой половине XX века.

Человек с точки зрения алхимии

В центре алхимии как науки о жизни находится человек, являющийся отображением мира, микрокосмом в макрокосмосе. За всеми знаниями, за всей информацией неизбежно находится человек. Он всегда является субъектом, но через объективированное Я, как и все прочие, он является объектом. Человек — подобно Вселенной троичен, он существует на уровнях бытия, которые соответствуют трем мирам. Троичность человек отражается в трех основных принципах: теле, жизни и воле. Каждый из этих принципов содержит в себе три другие градации. Объединенные вместе, они дают семь градаций мира. В данном случае третья градация нижнего принципа является верхней градацией последующего принципа.

Парацельс назвал это деление семью ступенями или градусами. Во-первых, это элементальное тело. Во-вторых, это археус, дух жизни или жизненная сила. В-третьих, это астральное тело или эвеструм, присущее сидерическим людям. В-четвертых, животный дух; в-пятых, разумная душа; в-шестых, духовная душа; в-седьмых, это новые олимпийцы, люди высшего порядка. Три принципа соответствуют состоянию человека. У мертвого человека наличествует только лишь первый принцип: тело. У спящего человека — первые два принципа: тело и жизнь. У бодрствующего живого человека — все три принципа: тело, жизнь и воля. Подобно принципам мира, градации не резко отграничены между собой, а плавно перетекают друг в друга. Это семичастное деление человека было описано как Агриппой фон Неттесхаймом в его «Оккультной философии», так и Парацельсом в «Проницательной философии» и Папюсом в «Методологии оккультных наук». Эта система выглядит следующим образом:

Первый принцип, тело, в каббале Нефеш

1-я градация. Материальное тело. Жизнь в нем поддерживается самыми различными процессами, необходимые для жизни продукты переносятся вместе с плазмой.

2-я градация. Жизнедеятельность тела, жизнь в клетках и как самых мельчайших живых организмах.

3-я градация. Астральное тело, оживляющий принцип материального тела, одухотворение крови и вегетативной нервной системы. Обновление и деятельность связана с легкими.

Второй принцип, астральное тело или душа, в каббале Руса

3-я градация. Астральная материя, сидерический человек, поддерживающий связь с симпатической нервной системой. Он является отображением материального тела в тонкой астральной материи.

4-я градация. Жизнь в астрале, животная душа в человеке, его инстинкты, его страсти и половое влечение.

5-я градация. Оживляющий астральный принцип, разумная душа, мыслящее и осознанно действующее Я, посредники между телом и духом.

Третий принцип, дух, в каббале Нешамах

5-я градация. Душа разума, материя умственного тела, интеллект, память, эрудиция.

6-я градация. Жизнь духа, духовная душа, внутренний голос, высшие бескорыстные порывы души, интуиция, которая у большинства людей наличествует в зародышевом состоянии.

7-я градация. Божественная душа, высочайшее возрождение человека, «новые олимпийцы», божественный принцип, оказывающий влияние на дух, мудрость.

АСТРАЛЬНАЯ ОБОЛОЧКА ЧЕЛОВЕКА ИЛИ АУРА

Между материальным уровнем, миром действий, и духовным уровнем, миром причин, имеется астральный уровень, на котором находится душа человека. Человека отличает наличие души, тонкой мыслящей и приводящей к действию психики, которая может проявляться как на материальном, так и на астральном уровнях, а у самых высокоразвитых людей даже на духовном уровне. Простейшими проявлениями интуитивных сил души являются симпатии, антипатии, предчувствия. Далее следует восприятие ауры, физическое и духовное провидение. На высшей стадии развития эти силы могут использоваться для изменения законов жизни человеческого организма. На материальном уровне душа

нормального человека, пребывающего в состоянии бодрствования, контролирует при помощи мозга все органы восприятия, принимает и сохраняет полученные от них сведения. Она может действовать, минуя мозг, так как всегда состоит в теснейшей связи со всем телом.

Во сне, а равно как у людей, обладающих способностями медиумов, или же у людей, пребывающих в состоянии дикого ужаса, связь между душой и телом ослабляется. Душа может покинуть тело во снах, под гипнозом, во время экстаза. У некоторых она может отделяться от тела по велению воли. В этих случаях душа или астральная оболочка не контролируется мозгом, а потому может безгранично перемещаться в пространстве и времени, воспринимая все, что происходит на астральном уровне. Когда человек бодрствует, эти способности либо находятся под спудом, либо они кажутся не слишком ярко выраженными. Однако воспоминания, видения и галлюцинации могут неосознанно влиять на человека через симпатическую нервную систему.

Астральная оболочка тела является местонахождением определяющих первопринципов. По этой причине в природе все является живым. Нет ни одного физического объекта, который бы не скрывал в себе «спирит» — духовно организующий принцип. Чувственно восприимчивые субстанции всех трех царсгв природы возникают благодаря сгущению тонкой четырехмерной астральной материи и трехмерных материальных веществ. Все, что возникает восприимчивым и овеществленным, до этого уже было представлено в астральной материи, а эта астральная материя окутывает и проникает в любое физическое тело в виде ауры.

В минералах эта астральная субстанция является душой минерала или душой кристалла, которые упоминаются у Парацельса как станнар или труфат. В них жизненный принцип является медлительным, а потому для человеческого взгляда минералы являются безжизненными. В растениях астральный материал проявляется в душе растений, которая была упомянута Парацельсом как лефиас. Она восприимчива к излучениям живого и животворящего первоприниципа, но не для вибрирующих психических волн, находящихся на высшем уровне. По этой причине растения не способны демонстрировать чувства. Парацельс упоминал эвеструм, под которым подразумевал душу животных. Она способна воспринимать психические колебания, но не высший разум. Астральная материя человека является животворящей, способной воспринимать как психические излучения, так и высший разум. Кроме этого человеку предоставлена свобода выбора. Астральная оболочка человека может быть чуткой для наивысших колебаний божественного духа, что позволяет ему принимать решения, сливаться с высшим принципом, тем самым обретая вечность.

При определенных предпосылках человек может чувствовать ауру. В последнее время врачи делают очень многое, чтобы фиксировать излучение человеческой ауры, которая может быть видной. Множество подобных попыток предпринималось в Лондоне. Во время этих экспериментов исследуемый объект помещали за специальным экраном, после чего можно было видеть проблески излучения. Экран же представлял собой стеклянный сосуд, внутри которого находился алкогольный раствор дицианина. Наблюдаемая аура описывалась как цветной, слабо светящийся туман различной формы и плотности, которые зависели от характера отдельных людей, их темперамента и состояния здоровья. В целом в ауре можно было различить три зоны. Первая из них — это темное излучение приблизительно в полсантиметра шириной. Оно окутывает все тело, значительно расширяясь при болезнях и неврозах. Структура этой темной полосы напоминает гранулы. Вторая зона ауры имеет ширину от 2 до 8 сантиметров. Она находится поверх темной полосы, местами как бы стирая ее. Вторая зона состоит из вертикальных, связанных между собой полос особой окраски, которые по внешнему краю имеют извилины и неровности. Третья, самая внешняя, зона не имеет никакой особой окраски, она постепенно уходит в пространство. Во время экспериментов можно наблюдать, как возникают и исчезают яркие блестящие лучи. Во-первых, эти лучи могут проскакивать как между отдельными участками одного тела, так и между различными людьми. Эти лучи предстают в виде ярко светящихся синим цветом

молний. Второй вид лучей исходит из внутренней зоны ауры перпендикулярно к телу человека. Они проходят к внешней зоне ауры и напоминают электрические искры. Третьим видом являются внезапно появляющиеся и столь же стремительно исчезающие вокруг всего тела светящиеся точки.

После экспериментов было выяснено, что это излучение не является полярным. Также было установлено, что не представляется возможности установить, какой силой оно производится, так как это излучение является ни радиоактивным, ни магнитным, ни электрическим. При изучении окраски трех видов ауры было установлено, что ее цвет во многом зависит от интеллекта изучаемых людей. Если интеллект исследуемых объектов выше среднего, то она обладает голубоватым оттенком, если же интеллект ниже среднего, то видна аура серого цвета. Однако если у человека есть предрасположенность видеть человеческую ауру, то его взгляду предстает более богатая цветами картинка, нежели можно увидеть через дицианиновый экран. Такие люди видят многоцветный покров, в котором каждое мгновение происходит множество процессов: взаимодействие вторичных зон излучения, излучения от всех жизненно важных органов, нервной системы, системы кровообращения, системы пищеварения. В этом гигантском количестве излучений можно выделить 12 принципиальных типов, которые соответствуют 12 знакам зодиака и 12 звукам гаммы (7 диатонических и 5 хроматических звуков). Каждая из этих аур может изменяться со временем, что во многом зависит от сознания человека. В целом этот принцип может быть положен в основу всех взаимодействий, происходящих в ауре человека. Во всей неразберихе излучений астральной материи человеческого тела, которая представлена различными цветами, можно выделить три группы: физические, анимистические и мыслящие ауры.

Список использованной литературы

Baigent, Michael, Leigh, Richard. Secret Germany: Claus von Stauffenberg and the mystical crusade against Hitler. J. Cape, 1994.

Bartsch, Heinz. Die Wirklichkeitsmacht der Allgemeinen Deutschen Glaubensbewegung der Gegenwart. Buchdruckerei O. Ludwig, 1938.

Blum, Karl, Taube Otto (Freiherr von). Affare Markus: ein Tatsachenbericht. J. Habbel, 1949.

Daim, Wilfrield. Der Mann, der Hitler die Ideen gab: Jorg Lanz von Liebenfels. VMA-Verl., 2000.

Freund, Rene. Braune Magie?: Okkultismus, New Age imd Nationalsozialismus. Picus, 1995.

Glowka,Hans-Jiirgen. Deutsche Okkultgruppen 1875–1937. Arbeitsgemeinschaft fiir Religions- und Weltanschauungsfragen, 2003.

Goodrick-Clarke, Nicholas. Black Sun: Aryan Cults, Esoteric Nazism, and the Politics of Identity. NYU Press, 2003.

Goodrick-Clarke, Nicholas. Occult Roots of Nazism: Secret Aryan Cults and Their Influence on Nazi Ideology. NYU Press, 1993.

Halle, Uta. «Die Extemsteine sind bis auf weiteres germanisch!»: prahistorische Archaologie im Dritten Reich. Sonderveroffentlichungen des Naturwissenschaftlichen und Historischen Vereins fur das Land Lippe. Verlag fur Regionalgeschichte, 2002.

Heinemann, Isabel. «Rasse, Siedlung, deutsches Blut»: das Rasse und Siedlungshauptamt der SS und die rassenpolitische Neuordnung Europas. Wallstein Verlag, 2003.

Heller, Friedrich Paul, Maegerle, Anton. Thule: vom volkiscben Okkultismus bis zur Neuen Rechten. Schmetterling, 1995.

Hundseder, Franziska. Wotans Jiinger: neuheidnische Gruppen zwischen Esoterik und Rechtsradikalismus. Heyne, 1998.

Kater, Michael H. Das «Ahnenerbe» der SS 1935–1945: Ein Beitrag zur Kulturpolitik des dritten Reiches. Studien zur Zeitgeschichte. Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2006.

Kater, Michael. Doctors Under Hitler. UNC Press Books, 2000.

Lange, Hans-Jurgen. Otto Rahn und die Suche nach dem Gral: Biografie und Quellen. Arun, 1999.

Lange, Hans-Jiirgen. Weisthor: Karl-Maria Wiligut: Himmlers Rasputin und seine Erben. Arun, 1998.

Moreau, Patrick. Nationalsozialismus von links: die «Kampfgemeinschaft Rcvolutionarer Nationalsozialisten» und die «Schwarze Front» Otto Strassers 1930–1935.

Mund, Rudolf J. Wiliguts Geheimlehre — Fragmente einer verschollenen Religion. Books on Demand GmbH, 2002.

Mund, Rudolf J., Werfenstein, Gerhardt von. Mythos schwarze Sonne. Der heilige Gral und das Geheimnis der Wewelsburg. Books on Demand GmbH, 2004.

Nicosia, Francis R., Huener, Jonathan. Medicine and medical ethics in Nazi Germany: origins, practices, legacies. Berghahn Books, 2002.

Paetel, Karl Otto. Versuchung oder Chance? Zur Geschichte des deutschen Nationalbolschewismus. — Gottingen, Berlin, Frankfurt, Zurich: Musterschmidt-Verl. 1965.

Pammer, Leopold. Hitler und seine Vorbilder. Tredition 2009.

Retschlag, Max. Die Alchimie und ihr groBes Meisterwerk, der Stein der Weisen. Hummel, 1934.

Schulte, Jan E. Die SS, Himmler und die Wewelsburg. Schriftenreihe des Kreismuseums Wewelsburg. Schoningh, 2009.

Siinner, Riidiger. Schwarze Sonne: Entfesselung und Missbrauch der Mythen in Nationalsozialismus und rechter Esoterik. Herder Spektrum. Herder, 1999.

Wegener, Franz. Alfred Schuler, der letzte deutsche Katharer: Gnosis, Nationalsozialismus und mystische Blutleuchte. Kulturfoerderverein Ruhrg., 2003.

Wegener, Franz. Das atlantichische Weltbild: Nationalsozialismus und neue Rechte auf der Suche nach dem versunkenen Atlantis. Kulturfoerderverein Ruhrg., 2000.

Wegener, Franz. Der Alchemist Franz Tausend: Alchemie und Nationalsozialismus. Kulturfoerderverein Ruhrg., 2006.

Wegener, Franz. Heinrich Himmler: deutscher Spiritismus, franzosischer Okkultismus und der Reichsfuhrer SS. Kulturfoerderverein Ruhrg., 2004.

Wegener, Franz. Weishaar und der Geheimbund der Guoten: Ariosophie und Kabbala. Kulturfoerderverein Ruhrg., 2005.

Werner, Helmut. Hitlers Alchemisten: die geheimen Versuche zur Goldherstellung im KZ Dachau: Vorgeschichte und Tatsachenbericht. Melchior, 2010.

Wiedemann, Felix, Rassenmutter und Rebellin: Hexenbilder in Romantik, volkischer Bewegung, Neuheidentum und Feminismus. Konigshausen & Neumann, 2007.

Хаген, Вальтер. Фальшивомонетчики Третьего рейха. Операция «Бернхард». М.: Вече, 2004.

Иллюстрации

Людвиг Клагес

Мюнхенские космисты (слева направо): Карл Вольфскель, Альфред Шулер, Людвиг Клагес, Стефан Георге, Альберт Вервей

Стефан Георге в зените своей славы

Стефан Георге и братья Штауффенберг

Фотография учеников и учителя, проникнутая мрачным мистицизмом

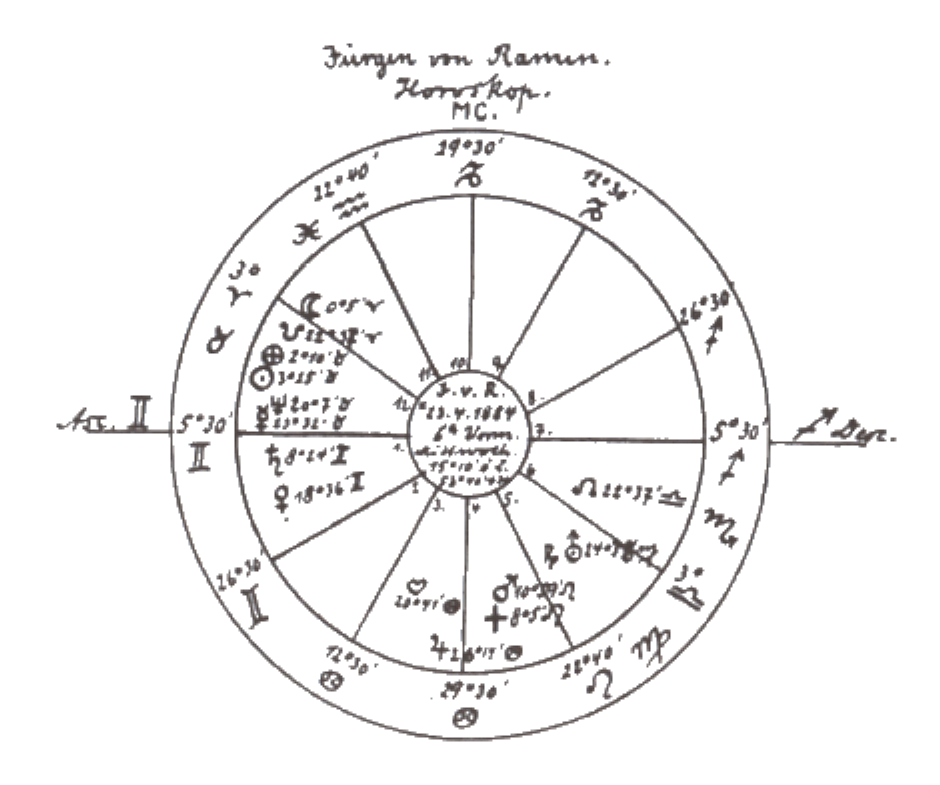
Курт Пельке, который использовал ритуальное имя «Вайсхаар»

Граф Эрнст фон Ревентлов

Франциска фон Ревентлов

Гороскоп, составленный «благими» Юргену фон Рамину

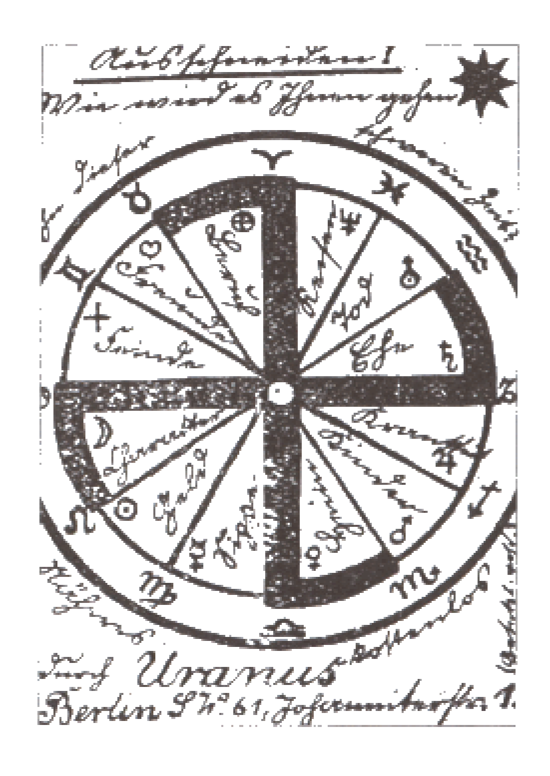
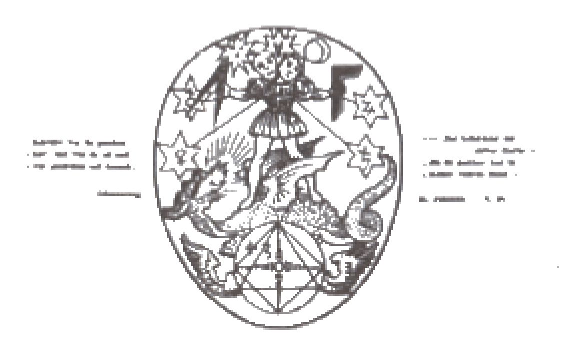

Иллюстрация к статье Вайсхаара «Истинное значение свастики» ***(1921)***

HERMETISCHE LEHRBRIEFE

ÜBER DIE GROSSE UND DIE KLEINE WELT

Nach englischen Originalen

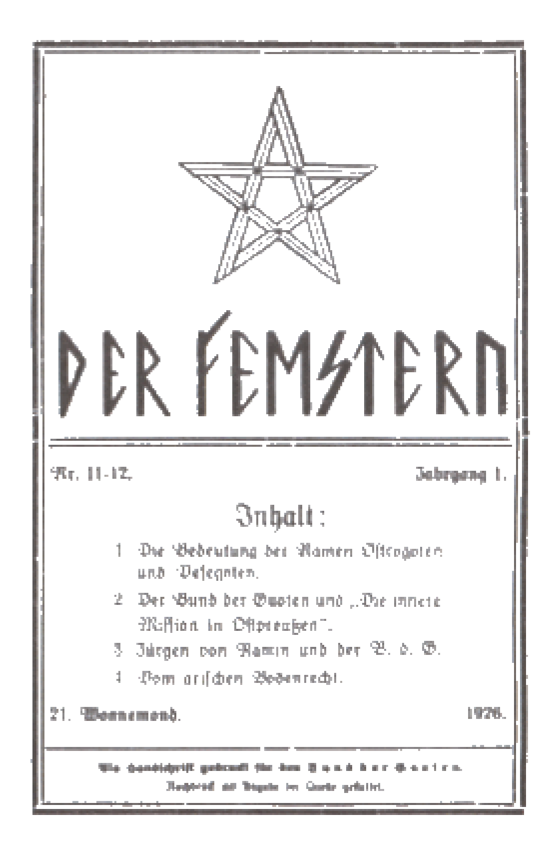
ins Deutsche übertragen

von

∴ RAPHAËL ∴

THEOSOPHISCHES VERLAGSHAUS
Dr. HUGO VOLLRATH
LEIPZIG

Обложка книги Пауля Кётнера, которая была издана под псевдонимом Рафаэль

DER FEMSTERN

Nr. 11-12. Jahrgang 1.

Inhalt:

1. Die Bedeutung der Namen Ostrogoten und Vesegoten.
2. Der Bund der Guoten und „Die innere Mission in Ostpreußen".
3. Jürgen von Ramin und der B. d. G.
4. Vom arischen Bodenrecht.

21. Wonnemond. 1926.

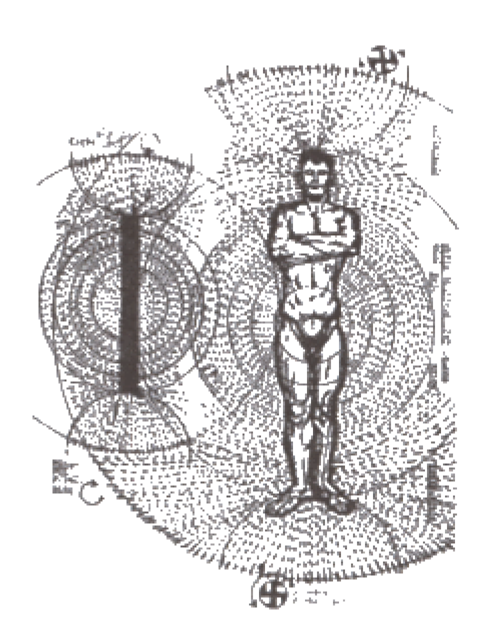
Обложка журнала «Фемштерн»

Артур Мараун принимает парад «Младогерманского Ордена»

Обложка книги Генриха Юргенса о практике качания сидерического маятника

Принцип силы Од

Der Goldmacher
Franz Tausend

der größte Abenteurer
der Gegenwart

von

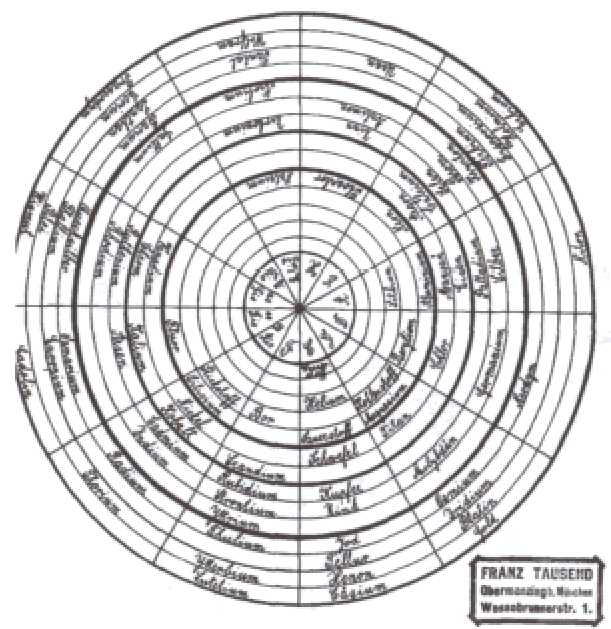
Dr. H. Schleff

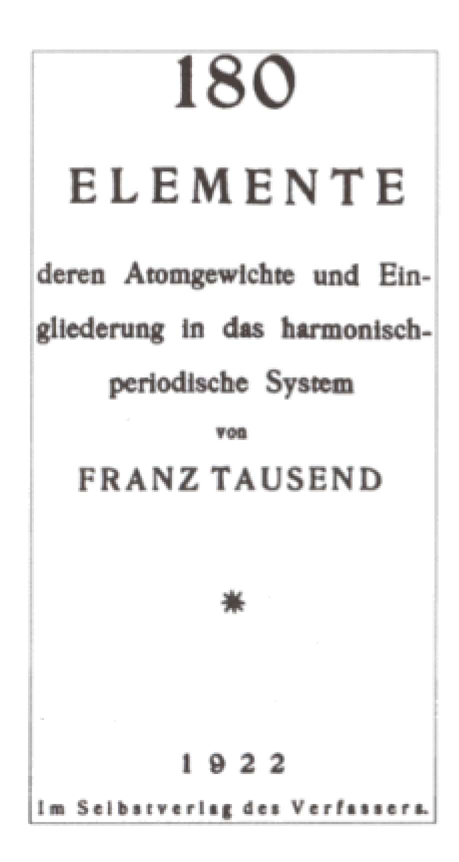
1929

Jos. C. Hubers Verlag Diessen vor München

Обложка первой биографии Франца Таузенда

Новая система химических элементов, предложенная Таузендом в 1922 году.

180

ELEMENTE

deren Atomgewichte und Eingliederung in das harmonisch-periodische System

von

FRANZ TAUSEND

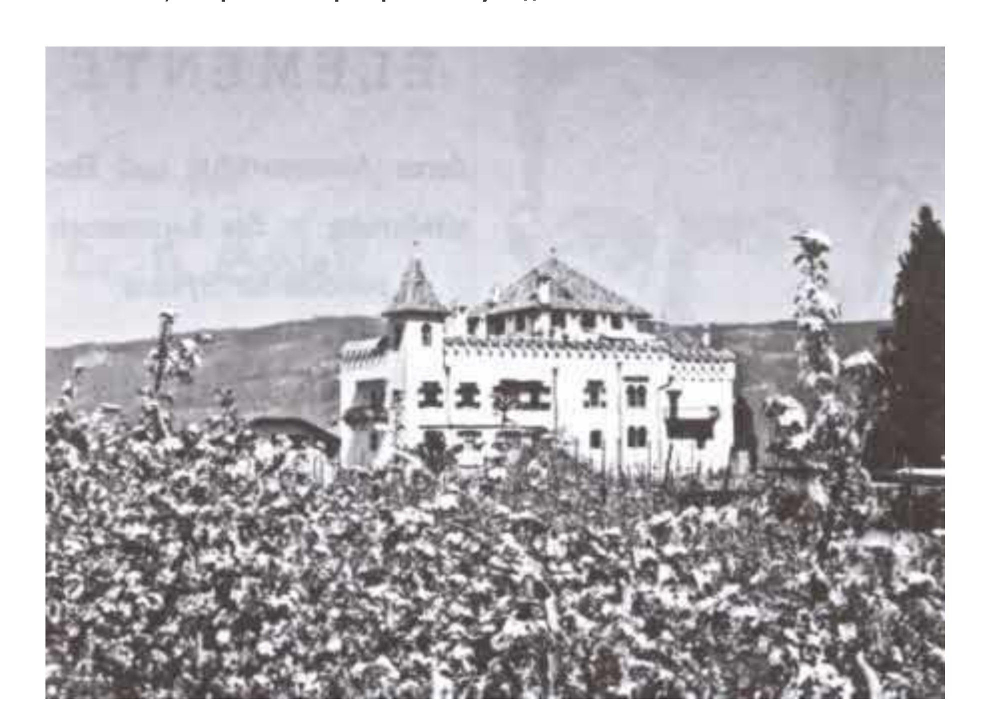
1922

Im Selbstverlag des Verfassers.

Обложка брошюры, которую Франц Таузенд издал в 1922 году

Руины замка Хохэппан, которые были приобретены Таузендом

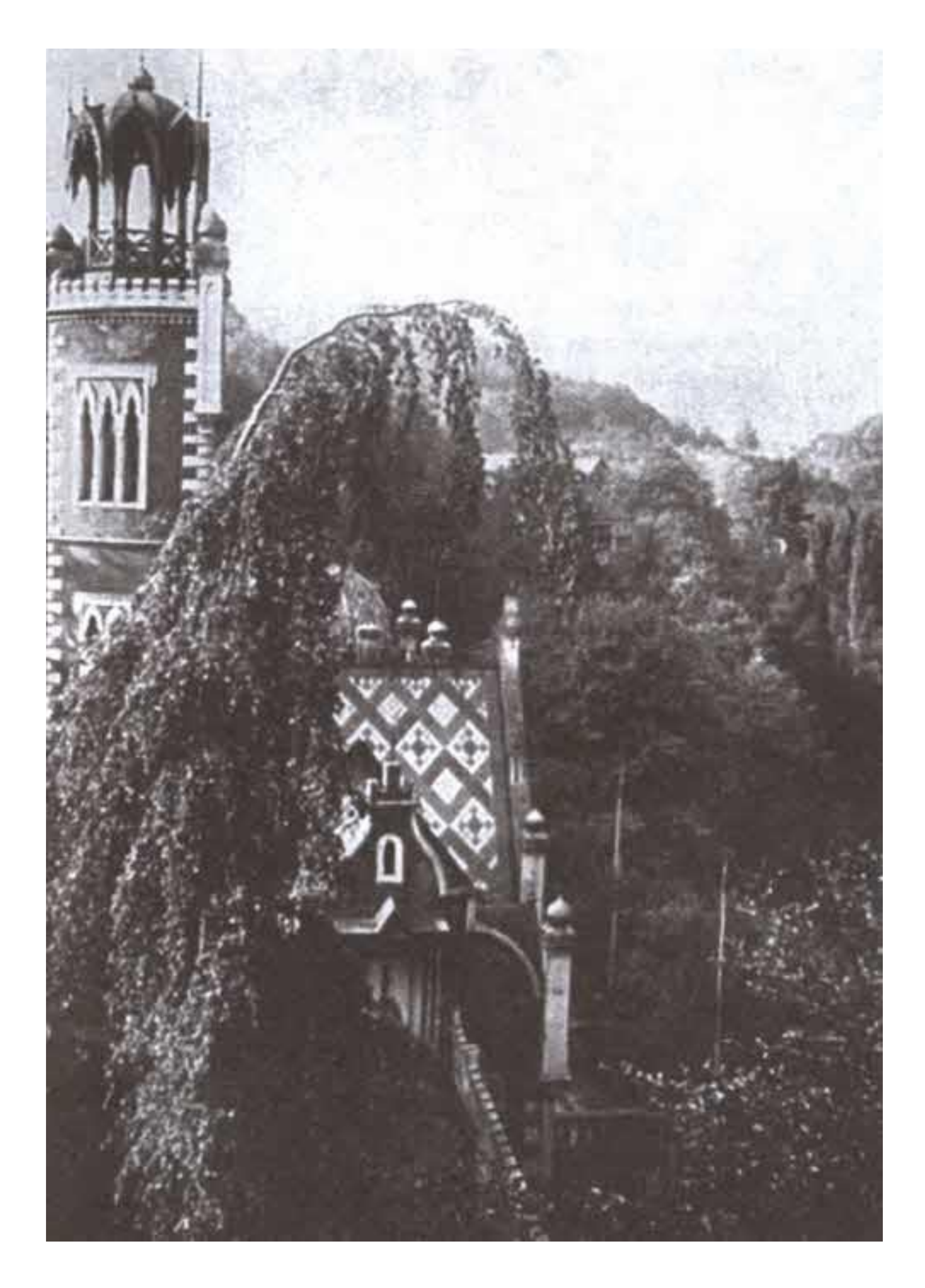
Замок Пашбах (Тироль), который был приобретен Таузендом

Мюнхенский особняк Таузенда

Фабрика Кюхенмайстера, на которой расположилось предприятие Таузенда

Замок Тарандт, приобретенный Францем Таузендом

Карикатура, на которой высмеивается «алхимик Людендорф»

Карикатура на Таузенда и Людендорфа

Рисунок, сделанный во время судебного процесса над Францем Таузендом

Okkulte Chemie

Eine Reihe hellseherischer Beobachtungen über die chemischen Elemente

Atomlehre

von

Annie Besant und C. W. Leadbeater

Autorisierte Übersetzung

von

A. Lange

Mit Beiträgen über »Forschungen betreffs der »Okkulten Chemie« und »Wie die »Okkulte Chemie« geschrieben wurde« von

Johan van Manen.

Leipzig

Theosophisches Verlagshaus

Dr. Hugo Vollrath.

Обложка «Оккультной химии», увидевшей свет в 1908 году

Sechstes und siebentes

Buch Mosis

oder der

magisch-sympatische Hausschatz.

das ist Mosis magische Geisterkunst,
das Geheimniß aller Geheimnisse.

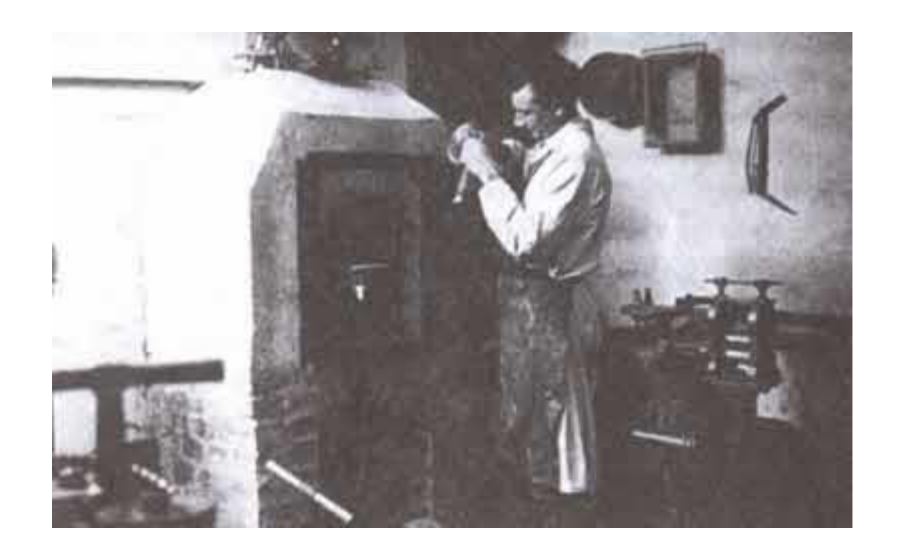
Glückstabelle, Schicksalsdeutungen.

Wortgetreu nach einer alten Handschrift,
mit staunenerregenden Abbildungen.

Zu beziehen von
Richard Rudolph
Dresden-A., Sachsen-Allee 9.

«Шестая и седьмая книги Моисея», предлагавшие популярное толкование алхимии

Письмо Франца Таузенда, направленное из тюрьмы

Карл Блюм во время экспериментов

Витрина мюнхенского магазина ювелирных изделий, который принадлежал Карлу Блюму

WALD POHL

Landsberg, am 20. Februar 1950.
[illegible] 12

An
den Herrn General-Staatsanwalt
München
Justizpalast

[illegible]schaft [illegible] München
22 FEB 1950

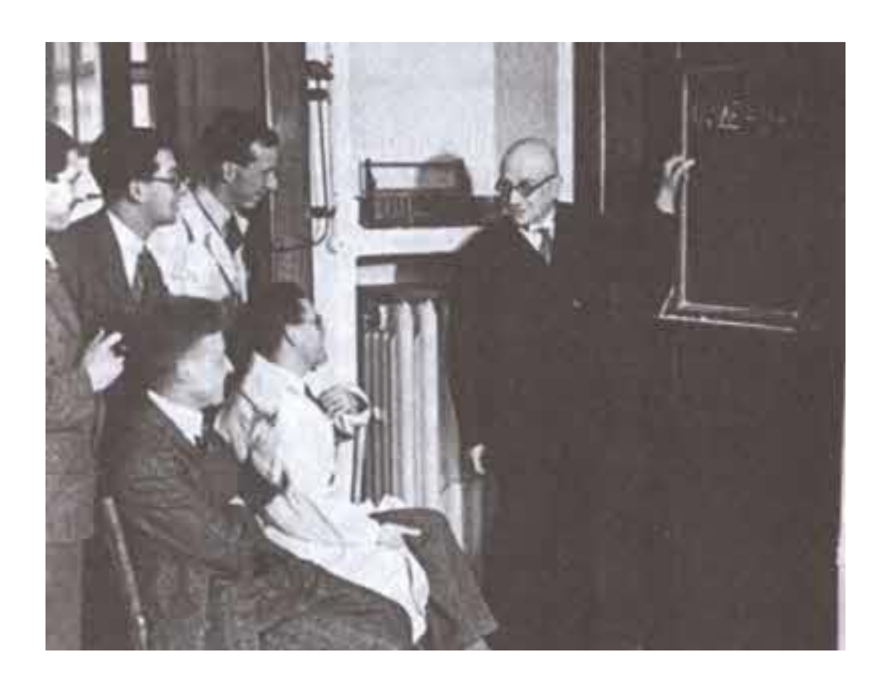
Betr. meine Vernehmung in Sachen Malchus v. 14. II. 50

Der Ingenieur, der seine Versuchswerkstatt in unmittelbarer Nähe des p. Malchus hatte, dessen u. seine Methoden genau kannte ebenso wie meine Mitwirkung bei diesem alchimistischen Unternehmen, heisst: Anton Loibl.

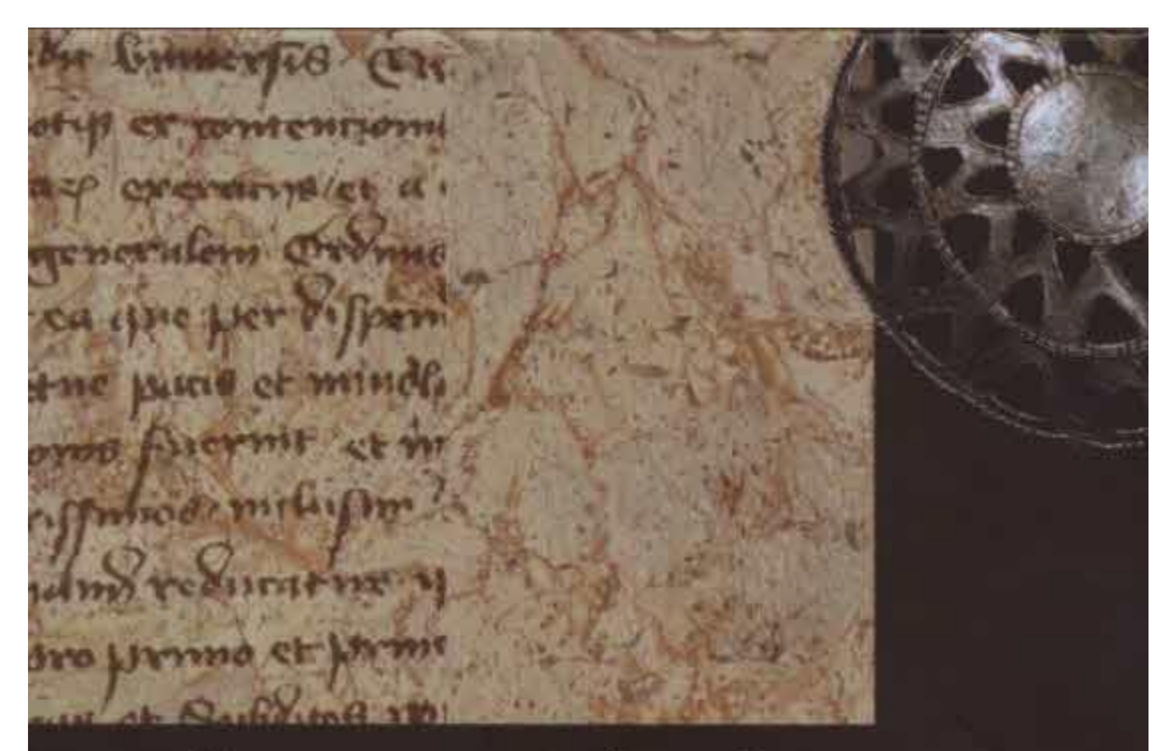
Er ist geborener Münchener u. soll auch jetzt noch in München wohnen. Seine Anschrift ist mir leider nicht bekannt.

[illegible]

Показания Освальда Поля о Карле Малхузе, которые были сделаны им в камере смертников в 1950 году

Нобелевский лауреат Фриц Хабер, который на полном серьезе рассматривает возможность синтеза золота искусственным путем

• История орденов и тайных обществ •

Казалось бы, история национал-социалистической Германии досконально изучена и задокументирована. Однако до сих пор в ней можно обнаружить «белые пятна». Новая книга историка Андрея Васильченко посвящена череде событий, которые до настоящего момента ускользали от взора отечественных исследователей. Действующими лицами становятся мистики, алхимики, оккультисты. Политика оказалась переплетена с загадочными доктринами, попытками синтезировать золото и открыть чудодейственное лекарство – панацею. Историческое расследование Андрея Васильченко позволит взглянуть на события давно прошедших дней с непривычной точки зрения.

Примечания

1

В Междуречье фигурка человека, изготовляемая из мягких пород камня, а позднее — шины, устанавливавшаяся в храме для того, чтобы молиться за поставившего ее человека. Статуя адоранта представляла собой сидящего или стоящего молящегося человека со сложенными на груди руками. Лицо обычно выполнялось тщательнее, чем туловище, хотя и должно было соответствовать определённым условностям, что лишало скульптуры индивидуальных черт.

2

Немецкие художники-романтики XIX века.

3

Не путать с Вайстором — ритуальным именем австрийского полковника и бригадефюрера СС Карла-Марии Вилигута, который консультировал Генриха Гиммлера по мистическим вопросам.

4

Более подробно об этой организации см. *Васильченко А.* Война кланов. «Черный фронт» против НСДАП. М.: Яуза, 2005.

5

Вальфатер — одно из многих имен Одина.

6

Дата и место рождения Генриха Гиммлера.

7

В указанное время назревал конфликт между Гитлером и Людендорфом.

8

В скандинавских мифах суровая зима, которая будет предшествовать кончине мира. В ариософии Фимбул — это погибель выведенной высшей расы.

9

Не этот ли сюжет оказался скрытым от читателя в парамасонском романе У. Эко «Маятник Фуко»?

10

Более подробно об этом сюжете можно прочесть: *Васильченко А. В.* Зондеркоманда Х. Колдовской проект Гиммлера. М.: Вече, 2011.

11

Производное от слова «Бог» (Gott) и «гот» (Got).

12

Поскольку в русском языке слово «год» ассоциируется в первую очередь с астрономическим циклом, то далее будет использоваться слово «годен», что позволит избежать смысловой путаницы.

13

Жена императора Франца Иосифа I, по рождению принцесса Баварии.

14

Греческий поэт.

15

Амальгама — жидкий или твердый сплав ртути с каким-либо металлом.

16

Aurum potabile (лат.) — питьевое золото или золотой напиток. В алхимии данным термином обозначалось в известной степени разведенное вещество под названием «философский камень».

17

В Германии кандидат на вступление в государственную должность.

18

Лаборатория в Гильхинге.

19

Докимаст — монетный контролер.

20

На немецком языке означает «тысяча».

21

Лапидарий (от лат. *lapis* — камень) — экспозиция образцов старинной письменности, выполненной на каменных плитах (в том числе надгробиях). Под данное понятие также попадают остатки скульптур и строений, то есть части некогда единого целого (иногда неизвестного происхождения), зачастую выставленные в месгах археологических раскопок.

22

Подразумевалась Веймарская республика.

23

Устоявшийся в отечественной историографии перевод НСДАП как Национал-социалистической рабочей партии Германии является не совсем верным и по смыслу и лексике. Правильнее было бы говорить о Национал-социалистической партии немецких трудящихся, которая возникала на базе «Партии немецких трудящихся».

24

После прихода национал-социалистов к власти В. Фрик был назначен имперским министром внутренних дел.

25

Сохраняется написание фамилии, использованное в документах ОГПУ.

26

Не путать с организацией «Консул».

27

Для этого проекта использовалось немецкое слово Heilkunde, то есть «медицина» в ее высшем, священном значении.

28

Руководитель Имперского союза врачей и Национал-социалистического союза медиков.

29

Не исключено, что Эмиль Шлегель являлся как раз тем самым человеком, который приобрел замок Тарандг, а затем передал его национал-социалистам.

30

Заражения крови.